

**АСПЕКТЫ
ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО
КОНФЛИКТА**

8

**Материалы грузино-абхазской конференции:
“Анализ основных интересов и потребностей сторон
на пути к выработке модели взаимоотношений”**

Сочи, 20-25 августа 2001 г.

Ирвайн
2002

Аспекты грузино-абхазского конфликта
Aspects of the Georgian-Abkhazian Conflict

Editors: Paula Garb
Arda Inal-Ipa
Paata Zakareishvili

This publication was made possible by a grant from
The William and Flora Hewlett Foundation.

Copyright © 2002 University of California, Irvine

Social Science Plaza A 3151
Irvine, California 92697-5100
(949) 824-1227
(949) 824-1544 fax

СОДЕРЖАНИЕ

Foreword	5
Предисловие	6
Нодар Сарджвеладзе. Основные потребности и интересы абхазского и грузинского обществ	7
О. Н. Дамения. Базовые интересы сторон конфликта как основа его ненасильственного урегулирования	27
Зураб Чиаберашвили. Абхазия и Грузия: государственность и права личности	45
Нателла Акаба. От конфликта интересов к сотрудничеству	90
Георгий Анчабадзе. Базовые интересы Абхазии и Грузии: шаги к укреплению доверия	138
Давид Бердзенишвили. Открытие Абхазии: проект совместного концерна	175
Абесалом Лепсяя. Положение обязывает	213
Summaries	236

FOREWORD

This is the eighth volume in a series of publications resulting from dialogues on various aspects of the Georgian-Abkhaz conflict. The project is sponsored by the University of California, Irvine, with funding from The William and Flora Hewlett Foundation.

The transcripts in this volume were from the project conference held in Sochi, Russia, August 20-25, 2001. They were edited to avoid repetition and to enhance clarity. The editors made no substantive changes to participants' remarks.

The goal of this conference was to analyze the interests of the parties in conflict and based on an understanding of those interests, begin a discussion which could give a new momentum to the process of finding long-term solutions to the conflict. Georgian and Abkhaz project participants presented seven papers which are published in this volume, along with in-depth discussions. You will find English summaries of the articles on pp. 236-240.

We welcome your feedback on this and other volumes as we plan future activities. The editors and project coordinators can be reached at the following e-mail addresses: pgarb@uci.edu, paatazak@mymail.ge and CHPAAbkhazia@yahoo.com.

All eight of the Russian publications and some English abstracts are available on the Internet at <http://hypatia.ss.uci.edu/gpacs/peacemaking/pubs.html>.

We are grateful to the staffs of the Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development and the Center for Humanitarian Programs for their major contributions to the editing and publishing of this volume.

Arda Inal-Ipa,

The Center for Humanitarian Programs

Paata Zakareishvili,

The Caucasian Institute for Peace, Democracy and Development

Paula Garb,

The University of California, Irvine, Center for Global Peace and Conflict Studies

ПРЕДИСЛОВИЕ

Это уже восьмой выпуск серии публикаций, возникшей в результате продолжающегося диалога о различных аспектах грузинско-абхазского конфликта. Спонсор этого проекта – Калифорнийский университет в г. Ирваине, финансируется он Фондом Уильяма и Флоры Хьюлитт.

Этот выпуск составлен по записям дискуссий на конференции, проходившей в рамках нашего проекта в г. Сочи с 20 по 25 августа 2001 г. Во избежание повторов и невнятицы, записи были отредактированы, но высказывания участников конференции воспроизводятся без каких-либо существенных изменений.

Целью конференции было проанализировать интересы сторон, вовлеченных в конфликт, и, исходя из понимания этих интересов, начать дискуссию, которая могла бы дать новый импульс совместному поиску долгосрочного решения конфликта. Грузинские и абхазские участники представили семь докладов, которые и публикуются в этом выпуске вместе с подробным их обсуждением. Английские резюме докладов см. на стр. 236-240.

Мы будем рады вашим откликам как на этот, так и на будущие выпуски нашего сборника – они пригодятся при планировании дальнейшей деятельности в рамках проекта. Вы можете связаться с редакторами и координаторами проекта по электронной почте – вот их адреса: pgarb@uci.edu, paatazak@mymail.ge и CHPAbkhazia@yahoo.com.

Полный текст всех восьми выпусков на русском языке и английские резюме некоторых из них можно найти в Интернете на сайте <http://hypatia.ss.uci.edu/gpacs/peacemaking/pubs.html>.

Мы благодарим сотрудников Кавказского института мира, демократии и развития и Центра гуманитарных программ за их большую помощь при редактировании и издании этого выпуска.

Арда Инал-Ипа,
Центр гуманитарных программ

Паата Закареишвили,
Кавказский институт мира, демократии и развития

Пола Гарб,
Центр исследований миротворчества и конфликтологии, Калифорнийский университет, Ирвайн

Нодар Сарджвеладзе

Фонд развития человеческих ресурсов, Тбилиси

ОСНОВНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ И ИНТЕРЕСЫ АБХАЗСКОГО И ГРУЗИНСКОГО ОБЩЕСТВ

На предыдущей нашей встрече мы начали говорить о нуждах и интересах сторон. Этот момент был важным пунктом, который, на мой взгляд, дал нам импульс искать какие-то новые ориентиры или концептуальные рамки для продолжения диалога. Я хотел бы поговорить именно о концептуальных ориентирах касательно нужд и интересов. Возможно, что, рассуждая, я буду порой отходить от темы грузино-абхазских отношений, однако думаю, что, отходя, я буду приближаться к ней более тесно.

Думаю, что грузино-абхазский переговорный процесс переживает стагнацию. Ситуация «ни войны, ни мира» часто подталкивает стороны на вспышки насилия и возобновление военных столкновений. При этом взаимоотношения сторон несут печать криминализации обоих обществ. Политики криминализованы, а криминалы политизированы. Лично во мне (а возможно, и у других участников нашей встречи) это вызывает чувство некоторого замешательства, растерянности. Просто не знаешь, за что ухватиться, на что опереться, когда видишь всю пропасть кризиса, в которую могут обвалиться обе стороны конфликта. Мы буксуем, находимся в тупике. И именно сейчас мы нуждаемся в диалоге, чтобы найти ключ к минимизации новых вспышек насилия. Наш диалог я мыслю как прообраз мирного и конструктивного способа совместного существования.

Тупиковое состояние ощущается на всех уровнях – в первую очередь, на политическом. Причина в том, что на данном этапе конфликтующие стороны достигли максимума того, чего могли достичь. Грузия достигла своего максимума: во всех документах международного масштаба и на самых высоких уровнях межгосударственных отношений и соглашений зафиксирована принципиальная позиция о ее территориальной целостности. И это максимум того, что могла бы достичь Грузия. Со своей стороны, Абхазия тоже достигла максимума – она продекларировала свою независимость. И хотя примени-

тельно к Абхазской Республике как государству применяется прилагательное «самопровозглашенная», тем не менее, *de facto* она функционирует как самостоятельное государство. Так как стороны достигли максимума возможного, то очень маловероятно, что они предпримут какие-либо шаги в направлении взаимного компромисса. Ведь в случае компромисса надо пойти на какую-либо уступку. Каждый из достигнутых максимумов – будь то документально зафиксированная территориальная неприкосновенность и целостность Грузии или продекларированная государственная независимость Абхазии – является как бы «абсолютной величиной», не терпящей ни малейшей «скидки», ибо даже при малейшей «скидке» они потеряют свою абсолютную значимость. Вряд ли Грузия, даже если на смену нынешнему правительству придет другое, откажется от принципа территориальной целостности. Да супердержавы и международное сообщество и не позволят Грузии совершить такой акт. Это равносильно самоликвидации, на это государство никак не пойдет. Со своей стороны, Абхазия тоже никак не сможет пойти на уступки, ибо пролитая кровь не позволит самоликвидироваться достигнутой *de facto* независимости.

В подобной тупиковой ситуации возникает желание наложить некоторый мораторий на весь спектр проблем, связанных с определением политического статуса Абхазии, и перейти на другие рельсы мышления. Вероятно, наиболее целесообразным ходом является детальное обсуждение и исследование потребностей и интересов конфликтующих обществ Грузии и Абхазии. Следовало бы выделить пересекающиеся, общие и противоречащие друг другу нужды и интересы, дабы составить план действия и серию проектов по нахождению путей удовлетворения общих потребностей и интересов. В этом контексте представляется полезным устроить *workshop*, как в прошлый раз, когда мы в процессе ролевой игры проводили «мозговой шторм» по поводу нужд и интересов сторон.

На этот раз я хотел бы поговорить о нуждах (потребностях) и интересах на понятийном уровне. Нужда или потребность означает нехватку чего-либо. Нужда, или потребность, *определена* в том смысле, что нехватка нацелена на *определённый* предмет или явление, которое бы ее восполнило. Поэтому потребность побуждает нас двигаться в конкретном направлении для ликвидации конкретного де-

фицита. Когда возникают потребности, они изначально направлены на соответствующие или несоответствующие удовлетворители. Нужды (потребности) и удовлетворители – коррелятивные явления, они взаимообусловлены. Однако существуют как реальные и адекватные удовлетворители тех или иных нужд, так и квазиудовлетворители, или фальшивые удовлетворители, примерно так же, как существуют проблемы реальные и квазипроблемы.

Когда мы выдвигаем какие-либо проекты, они должны опираться не только на нужды населения, но и на поиск реальных удовлетворителей. При этом удовлетворители должны быть институционализированы, т.е. невозможно строить общество, в котором нужды людей удовлетворялись бы хаотичным и неинституционализированным способом. Например, если в качестве примера взять потребность в безопасности и защищенности, актуальную не только для грузинского и абхазского обществ, но и для всех обществ на земном шаре, то ее удовлетворение зависит от адекватного функционирования соответствующих общественных институтов: правоохранительной и законодательной систем, армии, системы соцобеспечения, страхования, здравоохранения и т.д.

Теперь я хотел бы в двух словах поговорить об интересах. Иногда смешивают понятия нужд и интересов. На самом деле между ними ощутимая разница. Интерес не ограничивается нехваткой чего-либо. Более того, интерес – это тот остаток, который остается после удовлетворения какой либо нужды (потребности) индивида, коллектива или общества. Поэтому надо говорить об удовлетворении потребностей и о реализации интересов. Интересы не удовлетворяются, а реализуются. Интерес – это когда не нехватка чего-либо, не нужда в чем-либо толкает человека на действие, а когда он по собственной инициативе целеустремленно реализует какую-то ценность. Корни интереса в двух истоках: с одной стороны – потребности (нужды), с другой стороны – ценности. Ценности по своей природе сверхиндивидуальны. Можно говорить о ценностях коллектива, этноса, нации, человечества. Такова «судьба» интересов: остаток после удовлетворения потребностей устремлен к реализации определенных ценностей.

На основе сказанного я бы хотел заострить ваше внимание на одной концепции потребностей, которую выдвинул чилийский уче-

ный **М. А. Max-Neef** /1/. Здесь нет места для критического обзора разных теорий, поэтому отмечу лишь мою приверженность указанной концепции. Согласно ей, существует конечное количество потребностей, которыми характеризуется род человеческий на протяжении всей его истории. Потребности эти инвариантны, люди всегда характеризовались одними и теми же потребностями. Однако удовлетворители в ту или иную эпоху были разными. Общества, культуры, этносы и нации отличаются друг от друга не по содержанию потребностей, а по способу их удовлетворения. Даже в рамках отдельного этноса способы и средства удовлетворения этих неизменных потребностей меняются в разные периоды и эпохи его жизни.

А теперь я перечислю инвариантные потребности человека и попытаюсь бегло обрисовать, как и насколько они удовлетворяются в грузинском и абхазском обществах.

- 1. Потребность в существовании и выживании.** Эта категория нужд включает в себя все те потребности, которые связаны с биологическим существованием и выживанием человека, общества или этноса. Для удовлетворения этих потребностей преимущественно и развивается экономика, обеспечивая людей пропитанием, жилищем и т.д. Если рассмотреть грузинские и абхазские общества сквозь призму потребностей, связанных с физическим выживанием, то бросается в глаза обнищание широких слоев населения, установка «только бы выжить», глубокий экономический кризис, коррупция. В Грузии сотни тысяч беженцев из Абхазии проживают в невыносимых экономических условиях. В Абхазии экономическая блокада душит население. Качество и количество реальных, адекватных удовлетворителей потребности в выживании ниже всяких стандартов.
- 2. Потребность в безопасности и защищенности.** Человек в грузинском и абхазском обществах никак не защищен ни в биологическом, ни в социальном смысле. Вспышки насилия регулярно возникают как на территории Абхазии, так и в Грузии. Абхазам регулярно угрожают не только партизаны, но и «партия войны» в Грузии. Правоохранительная система в Грузии коррумпирована. Не только беженцы из Абхазии, но и население в целом не

защищено ни в плане социально-бытовом, ни в смысле здравоохранительном. Социальные институты, отвечающие за безопасность людей на разных уровнях бытия, разрушены или плохо функционируют. Общества криминализированы. Обыкновенному гражданину трудно противопоставить насилию что-либо эффективное.

- 3. Потребность в эмоциональных связях.** Важными составляющими данной потребности являются потребности в аффилиативных связях, дружбе, тесных внутрисемейных и родственных отношениях, эмоциональной поддержке и отклике, солидарности и т.д. Многие беженцы в Грузии оставили в Абхазии не только дома, но те и родственные и дружеские связи, которые столь необходимы, чтобы человек жил полноценным образом. У множества людей в Абхазии и Грузии погибли ближайшие люди, которые были незаменимыми составляющими «социального атома» (Дж. Морено). Многие семьи в данный момент в Грузии и Абхазии неполны в том плане, что муж или жена находится в трудовой эмиграции в другой стране. Родственники и друзья узнают о смерти близкого человека с большим опозданием, не говоря уж о том, что в силу известных причин они лишены возможности его оплакать. У многих людей потребность в аффилиативных связях фрустрирована. Грузинское общество фрагментировано – люди разобщены: на политическом уровне идет борьба за власть, а на социально-бытовом уровне борьба за выживание. Масштабы миграции за рубеж катастрофические. Хотя абхазское общество выглядит более сплоченным, однако процессы разобщения и фрагментации неминуемо дадут о себе знать в будущем, ибо результат травмы на социальном уровне – фрагментация общества.
- 4. Потребность в идентичности.** Поиск и утверждение собственной идентичности является одним из фундаментальных нужд человека. Человек может иметь разные измерения идентичности (личностная, профессиональная, групповая и т.д.), однако своеобразным ядром самоопределения личности является этническая (национальная) идентичность. Таким же важным моментом являет-

ся идентичность в плане социального статуса. Этническая идентичность сыграла важную роль в возникновении грузино-абхазского конфликта. В результате войны абхазы утвердили свою идентичность посредством провозглашения государственной независимости. Однако плата за утверждение идентичности высока: человеческие жертвы и разруха, бедственное экономическое положение и блокада, постоянная угроза возобновления военных или криминальных столкновений, незащищенность, катастрофические проявления социальной аномии и наркомания...

В Грузии наиболее уязвимы в плане кризиса идентичности беженцы из Абхазии. Психологически они находятся в том состоянии, когда вновь должны определить самих себя в качестве личностей. Существует четыре варианта подобной ре-идентификации.

а) *Ассимиляция*. Это тот вариант изменения самоидентификации, когда беженец пытается полностью слиться с той средой проживания, куда он оказался вынужденно перемещенным. Говоря иным языком, если он считал себя сухумчанином, а ныне проживает в Тбилиси, он должен быть полностью «поглощен» тбилисской культурной и бытовой средой, потерять свой сухумские корни и считать себя тбилисцем. Задача это трудная по целому ряду причин, и даже если это кому-то удастся, его будет мучить чувство своеобразной вины перед своим прошлым и перед сообществом беженцев.

б) *Отделение и изоляция*. Этот вариант связан с полным погружением беженца в свой статус: укрепив свою, например, сухумскую идентичность, он пребывает в состоянии изоляции или даже конфронтации с местным окружением, например, тбилисской культурной или бытовой атмосферой. «Вариться в соку» своей идентичности беженца свойственно большинству вынужденно перемещенным лицам из Абхазии. Разумеется, это приводит к трудностям адаптации, беспомощности, усилению симптомов виктимизации и т.д.

в) *Маргинализация*. Данный вариант наиболее деструктивен для личности беженца, ибо он может определить себя как «никто». (Почему в русском языке есть слово «ничтожество» и отсутствует слово «никтожество»?) Он не сухумчанин и не тбилисец. Его уровень самоуважения предельно занижен. Я лично многих встречал среди беженцев с симптоматикой маргинализации.

д) *Интеграция*. В данном случае речь идет о таком варианте нового самоопределения идентичности, когда беженец определяет свою личность в категориях как сохранения старой идентичности, так и приобретения новой путем расширения своей причастности к той культурной, межличностной и бытовой среде, в которую он оказался вынужденно перемещенным – например, когда беженец, ныне проживающий в Тбилиси или в Кутаиси, считает себя одновременно сухумчанином и тбилисцем (или кутаисцем). Он успешно приобщился к новой среде, «абсорбировал» новую социальную роль и статус, не потеряв и даже в какой-то мере укрепив прежнюю идентичность сухумчанина. В данном случае прежняя и новая идентичность интегрированы в одно целостное ощущение себя как личности. Таких среди беженцев немного, однако они встречаются и поражают своей активностью, добрыми делами, толерантностью и личностным подвигом.

5. **Потребность в познании и в понимании.** Человеку всех времен по природе присуща жажда познания и понимания мира. Социальные институты просвещения должны обеспечивать приобщение людей разных поколений к информационному потоку, образованию, обновлению знаний... Системы образования в Грузии и Абхазии не удовлетворяют международным стандартам. Поэтому многие молодые люди покидают Грузию для получения образования за границей. В регионах Грузии доступ к полноценному образованию еще более затруднен, чем в столице, особенно в этом плане страдают обнищавшие слои населения, беженцы. Например, в материалах опроса фокус-групп беженцы при перечислении насущных проблем наряду с экономической беспомощностью часто указывают на отсутствие доступа к полноценному образованию. Неудивительно, что и в Грузии, и в Абхазии многие неправительственные организации заняты компьютеризацией, восполнением информационного вакуума, тренингами, учебными программами. Представители движения за гражданское общество пытаются восполнить нехватку в информационном и познавательном плане, однако предстоит еще многое сделать в этом направлении.
6. **Потребность в участии в жизни общества.** Людям необходимо участвовать как в решении своей личной судьбы, так и в жиз-

ни общества. Лишение человек возможности участвовать в жизни ближайшего окружения, общины и общества в целом не только нарушает его человеческие права, но и заставляет его переживать игнорированность его личности. В традициях грузинских горцев изгнание из общины и лишение права на участие в ее жизни считалось высшею мерой наказания. В пенитенциарной практике лишение свободы во многом означает наказание человека через лишение его участия в жизни общества.

Грузия – независимая страна, идущая по линии демократизации общества. Политический плюрализм налицо, но в законодательной и исполнительной власти государства главенствуют политический хаос и неразбериха. Люди участвуют в выборах, но результаты этих выборов часто фальсифицируются. Люди политизированы, все говорят о разных событиях, происходящих в государстве, однако люди безучастны к общественной жизни. В грузинских регионах жизнь протекает заметно хуже, чем в столице: институты самоуправления на региональном уровне явно несостоятельны, и либо центр диктует свою волю регионам, либо регионы полностью изолированы от общих тенденций жизни государства. Беженцы (по определенным политическим соображениям) лишены прав участия в выборах органов самоуправления. Потенциал удовлетворения потребности в участии в общественной жизни относительно высок в грузинских неправительственных организациях, однако властные структуры и определенные слои населения с подозрением относятся к деятельности НПО. Мне трудно судить о ситуации в Абхазии, однако на данном этапе абхазское общество мне представляется закрытым обществом, а в таком обществе потребность в участии в общественной жизни, по-видимому, не может быть удовлетворена должным образом.

- 7. Потребность в креативности (творчестве).** Человек – существо созидательное. Подобно тому, как в обществе институционализированы удовлетворители потребностей в выживании и существовании, безопасности и идентичности, участии в общественной жизни и образовании, так и потребность в креативности тоже должен иметь релевантные институционализированные формы ее удовлетворения (союзы художников, писателей, науч-

ные ассоциации, защита диссертаций, выставки, театры, дискуссионные клубы, тренинговые системы и т.д.). Несмотря на глубочайший кризис, как в Грузии, так и в Абхазии поэты пишут стихи, художники рисуют, существует театральная жизнь, однако такой вид творчества, как научное творчество, уже вымирает. В Грузии, например, научно-исследовательские институты фактически не функционируют. В обществе, в котором судьбу людей определяет борьба за выживание, научное творчество является роскошью. Хотя открылось множество частных университетов и институтов, однако они преследуют коммерческие цели. Многие творческие граждане работают в секторе НПО, однако функционирование НПО во многом определяется не творческим самовыражением молодых людей, а заказами международных донорских организаций.

8. **Потребность в рекреации и отдыхе.** Не зря провозгласили римляне: «Хлеба и зрелищ». Народ в той же мере нуждается в досуге, отдыхе, развлечениях, играх, зрелищах, как и в хлебе насущном. Многие социологи, изучая жизнь людей в обществе, делят ее на три сферы: семья, работа и досуг. В мире существует огромная индустрия досуга, туризма, игр, шоу, развлечений. Грузия и Абхазия ничего не могут в этом плане предложить ни иностранцам, ни своим гражданам. Хотя Грузия – маленькая страна, однако она имеет большой потенциал развития туризма. Известно, какой была бы прибыль от его развития, не говоря уже о том, что граждане страны получили бы возможность восстановить силы и почувствовать элементарный комфорт.
9. **Потребность в свободе.** Грузия достигла независимости, и ее независимость признана международным сообществом. Однако платой за независимость оказалось разрушение ее территориальной целостности. Абхазия продекларировала свою независимость, однако она не признана международным сообществом. Многие люди в Грузии (а может быть, и в Абхазии) считают, что независимость обошлась слишком большой ценой – ценой глубокого кризиса и тупикового состояния. Многие охвачены чувством ностальгии по советскому периоду. Однако являются ли

граждане Грузии и Абхазии свободными? Думаю, что нет. Во всяком случае, размах нарушений прав человека уже говорит о том, насколько наши общества далеки от того состояния, когда граждане чувствовали бы себя свободными существами.

Я перечислил те фундаментальные потребности, которые перечисляет М. А. Мах-Нееф. Одновременно я попытался обрисовать картину того, насколько указанные потребности удовлетворяются в Грузии и в Абхазии. К названным Мах-Нееф'ом потребностям я бы добавил еще две – потребность во власти (доминированию/субмиссии) и потребность в трансценденции. Однако на этот раз я не буду на них останавливаться. Ценность этой концепции в том, что указанные потребности классифицируются не иерархическим способом, как мы это видим в концепции А. Маслоу. Вместе с тем Мах-Нееф вводит такие измерения, как «быть», «иметь», «видеть», «делать» и «где», «когда», которые дают возможность диагностировать общество по параметрам существующих удовлетворителей. Но от изложения этой схемы я пока воздержусь.

Мне бы хотелось вернуться к вопросу об интересах. В начале статьи я сказал, что потребности могут удовлетворяться или не удовлетворяться, а интересы реализовываться или не реализовываться. Давайте посмотрим на наши общества с той позиции, как соотносятся в них потребности и интересы в плане удовлетворения-неудовлетворения и реализации. Комбинируя эти параметры, мы получаем 4 варианта соотношения нужд (потребностей) и интересов.

1. **Потребности удовлетворены, интересы реализованы.** Этот вариант означает такое состояние общества, когда оно развивается в направлении роста материального и духовного благосостояния. Конечно же, грузинское и абхазское общества далеки от такой модели.
2. **Потребности не удовлетворяются, а интересы реализуются.** Этот вариант я бы условно назвал «сублимацией», когда энергия, необходимая для удовлетворения, из-за внешних причин «перемещается» в «канал» реализации интересов. Примером может служить определенная часть грузинской интеллигенции, профессора Тбилисского университета, которые недополучают ми-

зерную зарплату, однако с прежним энтузиазмом продолжают свою научную, преподавательскую или иную деятельность. Подобные люди часто голодают, однако их «питательным» ресурсом является служение общенациональным интересам.

3. **Потребности удовлетворяются, а интересы притуплены или не реализуются.** Такое состояние я бы назвал «паразитизмом». В качестве примера могу сослаться на всепожирающую коррупцию в Грузии и в Абхазии, когда гуманитарная помощь или инвестиции пожираются чиновниками за счет ущемления государственных интересов.
4. **Потребности не удовлетворяются, интересы не реализуются.** Такая ситуация означает полный провал. Для грузинского и абхазского обществ такая ситуация вполне реальна. Именно поэтому конфликтующие стороны должны договориться о том, как совместными усилиями преодолеть этот провал, ибо дальше так жить невозможно. Именно эта мотивация – «дальше некуда» – а не мотивация поиска светлого будущего, должна служить импульсом к конструктивным переговорам на данном этапе.

Пафос моего выступления в том, чтобы в дальнейшем строить наши проекты на основе осмысления сложной структуры и динамики нужд и интересов наших обществ.

Литература

1. М. А. Max-Neef, **Human Scale Development**. Apex Press, New York – London, 1991.

ДИСКУССИЯ

Арда Инал-Ипа. Спасибо большое. Было очень интересно, и мы получили много пищи для размышлений. Эту новую информацию можно будет использовать при анализе нашего конфликта. Пожалуйста, вопросы.

Зураб Чиаберашвили. Действительно, было очень интересно. У меня два вопроса. Первый: есть ли разница в применении этой схемы к индивиду и к коллективу? Например, одно дело, когда мы говорим о защищенности индивида, а другое, когда мы говорим о защищенности коллектива или социума.

И второй вопрос. Как я помню, вы говорили, что интересы – это потребности плюс ценности. Я правильно понял?

Нодар Сарджвеладзе. Они включают в себя ценностный момент и момент нехватки.

Зураб Чиаберашвили. Но некоторые из этих перечисленных потребностей сами становятся какими-то ценностями – например, свобода, идентичность. Особенно те, которые создаются в социумах. Например, потребность в защищенности существования может возникнуть, если индивид живет где-то в лесу. А когда индивид живет в социуме, то тогда появляются проблемы идентичности, проблемы свободы, может быть, участия, креативности и т.д.

Как это можно прокомментировать? Можно ли выделить некоторые более ценные и менее ценные потребности? Вы отметили, что они все равны, но все-таки есть ли какая-нибудь классификация этих потребностей?

Нодар Сарджвеладзе. Я хотел бы сперва ответить на твой вопрос о применимости к индивиду и коллективу. То, что предлагается, в основном относится к общности людей, группе. Например, там согласно этой схеме изучаются разные страны – Англия, Боливия, Аргентина и т.д. Это такой тип мышления, который пока немножко не свойственен нашему научному сообществу.

Например, у нас социологи выделяют репрезентативную группу, задают ей какие-то вопросы и т.д., и т.п., и пытаются находить какие-то количественные, даже качественные параметры, которые говорят о том, что основные ценности в том или ином обществе такие-то и такие-то. От этого отличается предлагаемый подход. Они чаще проводят такие групповые семинары, *воркшоп*'ы, где собравшиеся высказывают какие-то суждения и т.д., и т.п. Эти суждения классифицируются по определенной схеме, затем результаты, скажем,

пяти-шести или десяти таких *воркшоп'ов* обобщаются. И есть какие-то критерии, по которым можно сказать, что это довольно репрезентативно. И не надо тысячами раздавать вопросники.

Соответственно, ответ на ваш вопрос – эта схема приложима и к индивидууму, но сами авторы чаще применяют ее к социуму. Автор ее не психолог, не социолог, а экономист, и, как экономист, он увидел, что ограничиться экономикой невозможно, надо копнуть глубже, в человеческую природу. И он распространил эту схему на страны, популяции, вот так можно сказать.

А по поводу вашего второго вопроса: безусловно, что идентичность – с одной стороны, это нужда, а с другой стороны, ценность. Даже иногда сверхценность. Люди жертвуют собой из-за идентичности, а не из-за нужд. Из-за нужд люди редко жертвуют собой. Они больше жертвуют собой ради какой-то ценности, чтобы оправдать свое существование. Безусловно, во всех этих перечисленных факторах есть такой ценностный момент. На каждый из них можно посмотреть с позиции аксиологической – что хорошо, а что плохо, а можно и с экзистенциальной точки зрения – что есть на самом деле. Например, одно дело, когда мы говорим об идентичности с позиции аксиологической, то есть в ценностных категориях, а другое дело, когда мы говорим с позиции экзистенциальной. В самом деле, как люди переживают нехватку идентичности или ущемленность идентичности? Это скорее феноменологическое описание, нежели аксиологическое. Когда мы говорим о нуждах, они более феноменологичны, это тот пласт, когда указывается на существующее, то, что в данный момент реально существует, а не то, что должно было быть.

Ценности же всегда указывают на идеал. И идеалы так же нужны человеку, как реальность, и даже иногда нужны больше, чем реальность. Людям иногда больше нужны иллюзии, чем реалии – к сожалению (а может быть, и к счастью, Бог знает). Вот таков мой ответ. Предложенный подход включает в себя и ценностный, аксиологический момент, и экзистенциальный. Я немножко сумбурно ответил на ваш вопрос.

Зураб Чиаберашвили. Сам вопрос был сумбурный.

Манана Гургулия. Насколько стимулирует развитие прогресса то состояние, которое вы обозначили словом «благосостояние», при ко-

тором удовлетворяются и нужды, и потребности, складывается некая гармония того и другого?

Нодар Сарджвеладзе. Наверное, это очень интересный вопрос, потому что люди не только ощущают потребность – они еще и сами создают эти потребности. Так же как и интересы. Они не просто с неба появляются. Они создаются людьми. Соответственно, когда потребности удовлетворяются и интересы реализуются, здесь подключается механизм самостимуляции. Чем больше удовлетворяются нужды и реализуются интересы, тем более они, как бы по механизму самостимуляции, саморазвертывания, идут на следующий виток развития, и так без остановки. То есть состояние блага, когда удовлетворяются и потребности, и интересы, обеспечивает такую социально-психологическую ситуацию в обществе, когда люди нацелены на последующий рост этих потребностей с последующим ростом соответствующих удовлетворителей и с последующим ростом интересов. Вот так примерно можно мыслить.

И наоборот: в ситуации провала есть тенденция идти по линии уменьшения потребностей, по линии гибели. Поэтому в этой ситуации очень важно появление какой-то части населения, которая все это осознает и будет тащить народ в направлении, обратном тому, к чему он устремлен.

Например, вот сегодня утром мы говорили о том, что представители криминального мира с обеих сторон прекрасно договорились между собой, нашли общие интересы. А мы вот, другие слои населения – не находим, не нашли пока общего языка. Если понимание замкнется только на криминале, то это – провал. (Я сейчас имею в виду вклад в грузино-абхазские взаимоотношения.) Надо как-то всё это исправить. Именно в этой ситуации, в ситуации провала, очень важной является роль интеллигенции, то есть «мозговой» части населения, которая осознает это все и берет на себя ответственность, а может быть, и власть, чтобы увести народ в другую сторону.

Я очень люблю книгу Пригожина «От хаоса к порядку», но я не совсем верю, что хаос сам превратится в порядок. Нужны люди, которые всё это приведут в порядок, а такие люди должны быть только среди интеллектуалов, а не харизматических каких-то фанатиков.

Марина Элбакидзе. У меня такой вопрос: как можно по этой схеме изучить грузинское общество, абхазское или любое другое или како-

го-то индивида? Как применить эту схему, чтобы согласовать грузинские и абхазские потребности и интересы? В чем они совпадают или пересекаются? *(Плохо слышно.)*

Нодар Сарджвеладзе. На этот вопрос у меня нет ответа. Чтобы иметь ответ, надо уже поработать. Не хочу быть голословным, придумать какие-то факты. Вот если у нас будет какая-то возможность работать в таком ракурсе, то было бы очень интересно, я так считаю.

Тенгиз Пачкория. У меня один вопрос. Вы в самом начале сказали, что грузины добились максимума, продекларировав принцип территориальной целостности Грузии, подтвержденный международными организациями, и абхазы добились максимума, продекларировав свою независимость. По-моему, это минимум того, чего хотели добиться грузины, и минимум того, чего хотели добиться абхазы. Как вы на это смотрите? Ведь грузины так и не смогли восстановить территориальное единство страны, а абхазы не смогли добиться реальной – не декларативной, а реальной – независимости.

Нодар Сарджвеладзе. В каком-то смысле вы правы, но я имею в виду реальность. То есть на данном этапе Грузия не может добиться большего. И Абхазия в данной ситуации не может добиться большего. Потому что международное признание Абхазии как независимой страны очень во многом зависит от признания этой независимости со стороны Грузии. Грузия на это не пойдет, и, соответственно, шансы очень маленькие, то есть это как бы предел. С другой стороны, у грузин тоже свои пределы. Так что, с моей позиции, это максимум. Можно употребить слово «предел». Может быть, с позиции какого-то идеала это минимум. Хотелось бы больше и лучше, конечно.

Абесалом Лепсая. Я совершенно согласен с тем, что сказал Нодар, что из такого хаоса сам собой порядок не возникает. Потому что порядок вообще – это не что-то естественное. Порядок – это неестественно, в том смысле, что он не растение. И вот эти группы интеллектуалов или исследователей (в широком смысле этого слова), которые могут быть во власти или не у власти, которые делают или пытаются сделать из этого хаоса порядок – как можно применить вот эти схемы к ним самим? Они ведь действуют,

исходя из потребностей, интересов или ценностей. И какая, по вашему мнению, иерархия интересов и ценностей в этих группах?

Нодар Сарджвеладзе. Спасибо за этот вопрос. Я как раз хотел об этом говорить. Я вспоминаю наш предыдущий семинар и понятие стратегического «кто», о котором нам говорил Ледерах. Действительно, когда мы говорим об интересах и о спорных интересах, тут же надо задавать вопрос о том, кто это будет осуществлять, надо искать стратегических «кто». Иначе процесс не пойдет. Я помню, с каким интересом мы подхватили в тот раз эту идею.

Теперь, как найти к ним доступ, к этим людям, которые могут помочь выйти из провала? Все мы, конечно, подвижны какими-то потребностями, но здесь речь идет не о том, что движет нами как интеллектуалами, а о том, насколько мы осознали все параметры нужд и интересов наших популяций. То есть здесь уже речь идет не о том, кто из этих стратегических «кто» чем движим. Надо искать, наверное, людей, которые находятся в одной и той же нише осознанности тех интересов и тех нужд, которые характеризуют наши общества. Потому что, например, для политиков основная потребность – это политический статус. Но я думаю, что это грубая редукция. Потому что установление политического статуса не может – и, наверно, так никогда и не сможет – автоматически решить все проблемы. Их позиция опирается на суждение, согласно которому все станет хорошо, как только мы определим политический статус. Точно так же, когда началось национальное движение в Грузии, все говорили, что главное – это независимость, а там все будет хорошо. У нас, мол, чай, цитрусы, «Боржомы» и т.д. Как будто все это решается автоматически!

Автоматически ничего не решается. Поэтому люди, которые будут находиться в этой интеллектуальной нише и составлять эту группу стратегических «кто», должны как бы стоять выше, чем народ (пусть вас не смущает это выражение, я ничего плохого не имею в виду), лучше осознавать реальные нужды своего населения, а не искажать реальность, подменяя одни потребности другими. Например, говоря о современной Абхазии и Грузии, можно сказать, что правительства часто специально поддерживают образ врага, дабы сохранить свою власть. Создаются какие-то фальшивые картины потреб-

ностей населения – не осознаются, а создаются какие-то квазипотребности и квазиинтересы. Эти люди должны честно придерживаться своих критериев и действовать более осознанно, честно осознавая то, что существует реально, а не искажая реальность ради своих политических амбиций. Только такие люди могут вывести людей, страну из такого состояния, когда и потребности никак не удовлетворяются, и интересы никак не реализуются.

Не знаю, ответил ли я на ваш вопрос.

Зураб Чиаберашвили. Скорее всего, это был не вопрос, хотелось бы просто поразмышлять по этой схеме, если вы мне разрешите. Докладчик сказал, что состояние обоих обществ – и абхазского, и грузинского – можно охарактеризовать как провал. Но все-таки они не идентичны.

Мне кажется, что Грузия сейчас в таком состоянии, которое приближается к паразитическому. Интересы не реализованы (я имею в виду, например, территориальную целостность), но какие-то потребности общества удовлетворены, если судить по параметрам существования и защищенности. Потому что все-таки государственность, которая есть у Грузии, и международное признание лучше позволяют удовлетворять потребности, чем абхазскому сообществу.

Нодар Сарджвеладзе. Наверное, да.

Зураб Чиаберашвили. А состояние абхазского общества подходит более к сублимации, когда интерес к независимости реализован, но из-за того, что эта независимость не признана, удовлетворять все потребности этого общества все-таки не удается. Верно ли это? Согласны ли вы с этим?

Нодар Сарджвеладзе. По этому параметру, наверное, да. Но, видимо, этот вопрос надо рассмотреть комплексно. Если, удовлетворены, допустим, потребности Шеварднадзе или какого-то клана, это не значит, что удовлетворены потребности Грузии. Мы должны иметь в виду государство как таковое. Как можно говорить, что удовлетворена потребность в защищенности, когда каждый день в Грузии похищают людей и каждый день совершаются непредсказуемые убийства? Наоборот,

если пройтись по всем параметрам, у нас наблюдается полный провал. У нас нет бюджета – главного финансового защитника страны. Взять, например, отдых и развлечения. Есть и такие люди, которые каждый день ходят в казино, но это же малая часть населения. Например, для детей – Грузия абсолютно не обеспечена ...

Зураб Чиаберашвили. Можно, я добавлю? Почему я задал тогда первый вопрос о том, как мы применяем эту схему – просто к индивиду или к индивиду как части какого-то коллектива или общества? Например, для меня удовлетворены или нет эти нужды будет выглядеть по-разному в зависимости от того, рассматриваем мы эти вопросы с точки зрения просто индивида, живущего на этой земле, или представителя какого-то сообщества – например, грузина,. Например, грузинский этнос не имеет потребности в защищенности. А для абхазского сообщества как этноса защищенность играет большую роль.

Нодар Сарджвеладзе. А, ты берешь целостно?

Зураб Чиаберашвили. Да, целостно. Например, для абхаза как индивида, но и как части абхазского общества, потребность в защищенности, если иметь в виду идентичность, ассоциируется с проблемой существования этого этноса. Эта проблема по-прежнему стоит, тогда как интересы этого этноса и каждого человека в этом этносе – чтобы этот этнос приобрел государственность или независимость – как-то реализованы. Я это имел в виду.

Нодар Сарджвеладзе. Я понял.

Лиана Кварчелия. Все немножко запуталось. В принципе, мне кажется, что потребности, или нужды, как мы их называем, не могут быть все псевдонуздами и псевдопотребностями. Потребности – это то, без чего человек или коллектив существовать не может. Но мне кажется, что говоря об интересах, можно говорить и о квазиинтересах. Поскольку интересы – это все-таки наши представления о том, через что можно было бы удовлетворить наши потребности.

Мне было бы интересно поразмышлять над тем, есть ли у Грузии интерес сохранить территориальную целостность, или это, может быть,

это даже позиция, а интересом является стремление ограничить влияние России. Какую потребность удовлетворяет этот интерес?

Или, допустим, у Абхазии есть позиция – мы хотим независимости, наш интерес – сохранить нашу государственность для того, чтобы обеспечить выживание. Какую потребность или нужду удовлетворяет вот этот интерес? Мне кажется, что если вот по такой схеме поразмышлять, то, может быть, мы найдем какие-то общие интересы.

Нодар Сарджвеладзе. Да, это было бы интересно. Давайте пойдем по такой схеме. Я с вами согласен. Может быть, я неправильно высказался. Нужды и потребности действительно более непосредственно отражают реальность, а интересы чаще идут по линии фальсификации, то есть камуфляжа. Но дело в том, что сам автор этого подхода применяет это слово «квази» больше к удовлетворителям, нежели к самим нуждам. Существует квазиудовлетворители и реальные удовлетворители. Такое уточнение очень важно, то есть не сами потребности являются квазипотребностями. Хотя иногда об этом тоже можно подумать.

Абесалом Лепсяя. Я хотел просто, может быть, немножко порассуждать или задать такой полувопрос, полурассуждение относительно того, насколько совпадают эти коллективные и индивидуальные потребности. То есть человек как индивид может иметь какие-то определенные нужды и потребности. Но как член какого-то коллективного сообщества, он может отождествлять себя с этим сообществом, и когда это сообщество принимает какое-то решение, он тоже с ним солидаризируется, хотя оно может в чем-то и не совпадать с его личными нуждами.

Но насколько правомерно вот такое разделение – я не знаю. Можно ли вообще вот так делать? Не является ли это принесением отдельных людей в жертву неким ценностям, которые в данном случае могут оказаться квазиценностями или квазипотребностями?

Хотя на уровне какого-то представления такое разделение есть, конечно. Но это, наверное, проблема, и очень двусмысленная проблема. Странно думать, например, что я как индивид не удовлетво-

рю какие-то свои потребности, но как член коллектива вполне удовлетворен. Причем, в конечном итоге может случиться, что весь коллектив оказывается в плену, под стеклянным колпаком, потому что каждый связан такими представлениями.

Нодар Сарджвеладзе. Да.

Абесалом Лепсяя. Это очень двусмысленная вещь.

Олег Дамения. Не следует оценивать квазипотребности однозначно негативно, как не следует оценивать однозначно позитивно реальные потребности.

Нодар Сарджвеладзе. То есть иллюзии нужны?

Олег Дамения. Да, конечно. Без них нет развития ценностной ориентации человека и всего общества в целом. Поэтому нужны и те, и другие – они друг друга стимулируют, и в процессе их конкретного взаимодействия общество приходит в более или менее нормальное состояние.

Реплика. По каким критериям отличать реальные потребности от квазипотребностей?

Нателла Акаба. Вдруг все они окажутся самыми реальными?

Реплика. Или все окажутся «квази». Каковы критерии?

Арда Инал-Ипа. Когда коммунисты боролись за власть, они считали, что опираются на базовые нужды народа. Да и сейчас, наверное, часть людей готова поступиться завоеваниями демократии, считая, что они не отвечают нашим потребностям. Они считают, что людям нужно нечто другое. Поэтому все зависит от взгляда.

Нодар Сарджвеладзе. Да, можно говорить одно, но на самом деле желать другого.

О. Н. Дамения

Институт экологии горных территорий КБНЦ РАН

БАЗОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ СТОРОН КОНФЛИКТА КАК ОСНОВА ЕГО НЕНАСИЛЬСТВЕННОГО УРЕГУЛИРОВАНИЯ¹

Проведенный нами анализ феномена абхазо-грузинского конфликта² привел нас к важному, на наш взгляд, выводу о возможности ненасильственного урегулирования данного конфликта на базе *сбалансированного развития национальных интересов Абхазии и Грузии*. Кажется, найден (правда, пока мысленно) путь, который может стать реальной основой перехода конфликтующих сторон из состояния вооруженного противостояния в стадию конструктивного взаимодействия.

Тем более важно подчеркнуть эту мысль, поскольку переговорный процесс, который все еще продолжает пребывать в тупике, так и не выработал какой-либо взаимоприемлемой политической формулы урегулирования. Более того, такой формулы не найдено даже и на уровне неофициальной дипломатии, которая не ограничена в своих действиях таким узким и жестким форматом, как официальные структуры. Правда, идея «сближения интересов» в общем-то не нова в проблематике абхазо-грузинского урегулирования, но высказывалась она в качестве некой частной «методики».³ Нам представляется, что именно «сближение интересов» сторон может дать больший эффект в урегулировании конфликта, чем любые другие инструментарии «кнута и пряника».

Однако в нашей публикации эта идея о возможности урегулирования через сбалансирование («сближение» по Янсу) интересов конфликтующих сторон была сформулирована в самой общей форме, был намечен лишь общий подход к пониманию того, что собой представляют интересы вообще, и в том числе интересы Абхазии. При всей важности такой идеи самой по себе, она в том виде, в каком изложена нами, не может отвечать требованиям решаемой здесь задачи. Она должна быть изложена более развернуто, что и является задачей данной работы.

При этом важно еще раз подчеркнуть: война лишний раз подтвердила, что Абхазия и Грузия – это не просто стороны в конфликте, а самостоятельные социокультурные общности, суверенные субъекты культурно-исторической жизни, которые обладают своими собственными интересами. Именно несовместимость этих интересов в рамках единой (унитарной) государственной системы привела Абхазию и Грузию к вооруженному столкновению. Война как нельзя лучше подтвердила, что Абхазия, будучи суверенным субъектом культурно-исторической жизни, является носителем достаточно определенных интересов, которые характеризуются как *национальные* ⁴. Все это делает важным и необходимым выяснение сути того, что же собой представляют национальные интересы.

Однако при решении такой задачи возникли серьезные трудности. Они связаны, прежде всего, с отсутствием в отечественной научной литературе специальных разработок по этой проблематике. Несмотря на то, что национальные интересы являются одним из ключевых понятий многих социальных наук, до сих пор нет четких и строгих представлений об их смысловой нагрузке, об их функциях и роли в обществе. Имеющиеся в исследовательской литературе представления о национальных интересах фрагментарны, не систематизированы и не обобщены. Это создает благоприятные условия для субъективистского толкования и конъюнктурного применения понятия «национальные интересы», такие условия, когда глава того или иного ведущего государства – скажем, США – может по своему усмотрению объявить любую точку земли «зоной своих национальных интересов».

Еще менее изучены национальные интересы Абхазии и Грузии. В общественном самосознании сторон конфликта они осмысливаются, в лучшем случае, на уровне лишь здравого рассудка. Сколько-нибудь цельными и обоснованными представлениями о своих интересах стороны не обладают. Даже в переговорном процессе эта проблематика не стала предметом обсуждения. Между тем достаточно очевидно, что без учета конкретных интересов сторон вряд ли возможно придать переговорному процессу конструктивный характер.

Решение такой задачи – задачи рационального осмысления интересов сторон – видимо, следует связывать с теми конечными (стра-

тегическими) целями, которые преследуют Абхазия и Грузия, и потребностями, которыми они обладают. Под конечную или стратегическую цель здесь подразумевается тот закон, который изначально определяет деятельность любой социокультурной общности, точнее говоря, смысл и целевую направленность этой деятельности. Смысл и конечная цель деятельности такой исторически сложившейся и устойчивой социальной общности, какими являются абхазское и грузинское общества – это поддержание своего социального (этнического, национального) гомеостаза. Поддержание своего социального гомеостаза, повторяя, это начальная и конечная цель, неустранимая, имманентно присущая социальной общности потребность.

Социальный гомеостаз, как известно, гораздо более сложное структурное образование, чем гомеостаз живых существ, даже самых высокоразвитых приматов. Но если попытаться воспроизвести упрощенную схему социального гомеостаза, то это: *а)* производство (поддержание) жизни; *б)* воспроизводство жизни; *в)* обеспечение безопасности. Такая схема, как видно, достаточно полно описывает жизнедеятельность биологических организмов. Но на уровне социальной формы жизни каждый элемент схемы далее структурируется и образует сложную систему. Так, производство жизни осуществляется через удовлетворение таких базовых потребностей человека, какими являются его потребности в пище, одежде и жилище. Удовлетворить эти свои потребности он может, осваивая природные ресурсы среды своего обитания. Овладеть этими ресурсами и употреблять их для удовлетворения своих нужд человек может лишь в том случае, если он владеет соответствующими механизмами и навыками адаптивно-преобразующей деятельности. При этом само жизнеобеспечение (производство жизни) возможно при условиях наличия и соблюдения определенного вноутрисоциального порядка и отношений. Это значит, что жизнеобеспечение необходимо предполагает наличие определенной структурной организации социальной системы, которая призвана обеспечивать жизнь социума не только в статике, но и в динамике, т. е. в процессе, во времени.

Иначе говоря, жизнедеятельность любой социальной общности протекает во времени, в процессе которого она себя повторяет (воспроизводит). Универсальный механизм воспроизводства жизни – это

закон социального наследования (социокод). Производство и воспроизводство жизни – это по существу единый и нерасчленимый процесс. Но и этого недостаточно для существования социальной общности: для этого необходимо также обеспечение ее безопасности. Это значит, что дееспособной социальная система может считаться лишь тогда, когда она в силах поддерживать свое существование, воспроизводить (повторять) себя, обеспечивать свою безопасность и тем самым в определенной мере самодостаточна.

Такой подход – подход через конечную цель и базовые потребности социальной общности – позволяет, на наш взгляд, полнее раскрыть и понять интересы враждующих сторон.

Итак, каковы же эти интересы?

1. Сохранение социокультурной идентичности.⁵ Нетрудно заметить, что для абхазской стороны (как, впрочем, и для грузинской) такой конечной целью и базовой потребностью является *самосохранение*, т. е. сохранение своей социокультурной идентичности и условий ее повторяемости. Речь идет о сохранении способности поддерживать свою исторически сложившуюся форму существования и возможности ее воспроизводить. Для абхазской стороны стремление к сохранению своей социокультурной единичности играет ключевую роль в ее историческом существовании, ибо именно оно (самосохранение) наиболее уязвимо и все еще продолжает находиться под самой серьезной угрозой. Именно оно наиболее остро, порой болезненно осознается народом Абхазии, в первую очередь самим абхазским народом в силу его малочисленности. Именно оно является основным *мотивирующим фактором*, определяющим отношение Абхазии к Грузии и вообще к внешнему миру.

Здесь важно еще раз подчеркнуть, что стремление к самосохранению как закон, как конечная цель и базовая потребность присуще любой исторически сложившейся и устоявшейся социокультурной общности. Но степень осознания общностью своей конечной цели зависит от условий ее существования (особенно внешних). Эти условия, при которых сторонам приходится взаимодействовать, отнюдь неадекватны друг другу. Грузия может сохранить свою идентичность и без Абхазии, в то время как Абхазия, будучи в составе

Грузии, как показывает опыт XX столетия, не может рассчитывать на самосохранение.

В этих условиях Грузии следовало бы, коль скоро она стремится к ненасильственному урегулированию конфликта, моделировать такую формулу политического устройства, которая могла бы служить гарантом сохранения социо-культурной общности и абхазской стороны. Такой приемлемой для абхазской стороны политической формулы Грузия предложить пока не может, что, несомненно, стимулирует действия абхазской стороны, направленные на создание собственной системы государственности.

Иначе говоря, удовлетворить свою естественную потребность в самосохранении стороны могут лишь через определенные механизмы, среди которых система государственности в современных условиях является, пожалуй, ключевым фактором, поскольку именно она (система) может быть использована наиболее эффективно для поддержания необходимого внутрисоциального порядка и обеспечения внешней безопасности.

Такая базовая потребность (интерес) в сохранении социокультурной идентичности естественным образом присуща, разумеется, обеим сторонам, и более определенно она осознается ими при сопоставлении (противопоставлении) их со своими историческими оппонентами (противниками, врагами). Без наличия такого оппонирующего внешнего субъекта («Они»), как известно, невозможна самоидентификация, т.е. формирование (образование) своего «Мы». С точки зрения самосознания сторон такими историческими оппонентами являются: для Грузии – Россия, для Абхазии – Грузия. Правда, исполнители роли исторического оппонента часто меняются. Так, для Абхазии роль исторического оппонента Грузия стала играть лишь в XX столетии. Раньше эту роль играла Россия, что просматривается еще в наше время в самосознании абхазской диаспоры, проживающей в Турции и других странах Ближнего Востока. И для Грузии роль исторического оппонента в разное время играли различные страны и народы. Для многих кавказских народов, в том числе и для грузинского, эту роль Россия стала играть лишь с появлением ее на Кавказе.

Важно это учитывать, поскольку именно в таком контексте, в контексте парного противостояния «Мы» своим исторически опре-

деленным «Они», четче осмысливаются базовые интересы сторон. Так, во взаимоотношениях Абхазии и Грузии с абхазской стороны на передний план выдвигается именно базовый интерес, в то время, как с грузинской стороны речь идет лишь об отторжении (сецессии) части целого, о территориальной целостности страны. То есть во взаимоотношениях друг с другом Абхазия и Грузия преследуют различные цели (интересы): Абхазия преследует цель самосохранения в противостоянии своему конкретному историческому оппоненту (Грузией), а Грузия – расширение своего социокультурного пространства и укрепления на абхазской территории своей позиции в противостоянии с Россией. К тому же стороны не всегда адекватно понимают базовый интерес друг друга. Так, грузинская сторона сводит базовые интересы Абхазии к сохранению этнокультурной идентичности абхазского народа и, соответственно, предлагает абхазской стороне автономную форму существования в составе Грузии. Абхазская же сторона понимает свой базовый интерес как необходимость сохранения своей социокультурной идентичности, соответственно чему стремится к самостоятельной форме существования. В свою очередь, и абхазская сторона не всегда адекватно осознает грузинские интересы в Абхазии – это, прежде всего, потребность грузинской стороны в обеспечении своей безопасности, которой угрожает противостояние Грузии и России.

В этом противостоянии, по мнению грузинской стороны, Россия использует Абхазию в качестве политического плацдарма против Грузии. Этим грузинская сторона оправдывает те политические действия, которые она проводила на территории Абхазии в течение прошлого столетия. Однако эти же действия грузинской стороны представляют собой серьезную угрозу интересам абхазской стороны. По существу, Абхазия оказалась зоной, где активно взаимодействуют интересы России и Грузии, которые не всегда учитывают интересы собственно Абхазии. Учет базовых интересов Абхазии выгоден и самой Грузии:

во-первых, это способствовало бы восстановлению нормальных государственно-правовых взаимоотношений сторон (Грузии и Абхазии);

во-вторых, при адекватном учете грузинской стороной интересов абхазской стороны Россия лишилась бы возможности исполь-

зования Абхазии против Грузии. Тут во многом виновата сама Грузия. Исповедуемая грузинской стороной заведомо ложная идея о том, что Абхазия – это часть Грузии, всегда может быть использована против нее (Грузия) не только Россией, но и любой другой страной, которая будет выступать реальной силой на геополитической сцене Кавказа.

2. Природные ресурсы. Очевидно, что любая социокультурная общность может образоваться и развиваться лишь в границах определенной природной среды (экологической ниши). Причем для такой достаточно устоявшейся общности природная среда ее обитания – это не просто внешние условия ее существования, данные ей извне как бы в готовом виде, а внутреннее составляющее. Ведь сама социальная общность как таковая могла образоваться и развиваться именно в процессе адаптации ее к определенным условиям природной среды и изменения ею этих условий. Потому и сама природная среда, в которой активно функционирует общность людей, не может рассматриваться в первозданном виде, т.е. исключительно как результат природной эволюции – она преобразована и приспособлена к потребностям обитающей в ней социальной общности. В силу этого обстоятельства та или иная природная среда, как правило, является собственностью той социальной общности, которая в ней исторически проживает. Каждая социальная общность (этнос, народ, нация, страна и т.д.) владеет определенной природной территорией (социальным пространством), которая либо исторически унаследована, либо же завоевана этой общностью. Хотя почти вся территория планеты разделена между различными народами и странами, но процесс ее перераспределения не может считаться завершенным. Этот процесс продолжается и в наше время. Именно на почве перераспределения природной территории (природных ресурсов) происходили и происходят многочисленные войны, столкновения народов, стран и цивилизаций. Абхазо-грузинский конфликт не является исключением в этом контексте.

В предыдущей нашей публикации ⁶ уже отмечалось, что истоки этого конфликта как раз следует видеть в попытке перераспределить природные ресурсы Абхазии. Абхазская сторона защищала в этой

войне не только свою социокультурную идентичность, свою Родину, но и свои природные (жизненные) ресурсы. Она считала и считает, что эти ресурсы исторически унаследованы и по праву ей принадлежат. Она также считает, что защита этих ресурсов входит в ее естественные функциональные обязанности. Существование социокультурной общности как таковой не мыслимо без своих природных (жизненных) ресурсов. Это достаточно остро осознается в самосознании абхазского общества.

Но в то же время на эти же природные (социальные, жизненные) ресурсы претендует и грузинская сторона. Поскольку абхазская сторона не собирается добровольно уступить ей (грузинской стороне) ресурсы Абхазии, то Грузии приходится прибегать к методу “кнута и пряника”, чтобы самой овладеть этими ресурсами. Именно эта потребность, потребность в овладении природными ресурсами в Абхазии, подталкивает Грузию на те действия, которые она совершает по отношению Абхазии. Все выдвигаемые грузинской стороной идеологемы (“Абхазия – это часть Грузии” и пр.), в конечном итоге, служат достижению этой цели.

При сопоставлении базовых (ресурсных) интересов сторон нельзя не заметить, что у абхазской сторон речь вновь идет о сохранении, о сохранении своей социокультурной общности, как целостного образования, в то время как у грузинской стороны речь идет лишь о расширении своей ресурсной базы. Базовые интересы сторон несут различные смысловые и ценностные нагрузки, что, несомненно, следует адекватно учитывать при моделировании политической формулы ненасильственного урегулирования конфликта.

При моделировании такой политической формулы требуется учет не только базовых интересов сторон, но и других интересов, которые могут играть не менее важную роль в миротворческом процессе.

---

¹ В аналитической литературе, посвященной абхазо-грузинскому конфликту, наряду с понятием «урегулирование» используется и другое: «трансформация». Последнее понятие используется и нами (см., в частности: О. Н. Дамения. Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования. В сб. «Аспекты грузино-абхазского конфликта», №5, Ирвайн, 2001, стр. 324-336). Не вдаваясь в подробности дефиниции этих понятий, отметим здесь лишь следующее: мы ис-

пользуем эти понятия как однопорядковые, но, разумеется, не как тождественные. Термин «трансформация» выражает определенный аспект конфликта, а именно – его изменчивость во времени. Но при этом он как бы нейтрален по отношению к направлению, в котором это изменение происходит. Ценностное отношение к характеру и направлению развития конфликта лучше схватывается и выражается через понятие ненасильственного урегулирования, которое предполагает осмысленное участие коллективного социального субъекта в миротворческом процессе. Причем урегулирование, как и трансформацию, мы понимаем как процесс, а не как единожды принятый политический акт. (Прим. автора.)

² О. Н. Дамения. Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования. В сб. «Аспекты грузино-абхазского конфликта», №2, Ирвайн, 2000, стр. 83-100; там же, №5, 2001, стр. 324-336.

³ Мартен Тео Янс. Теория и опыт регулирования этнонациональных конфликтов: их применимость к грузино-абхазскому конфликту. В сб. «Грузины и абхазы. Путь к примирению», М., «Весь мир», 1998, стр. 226.

⁴ Мы уже отмечали, что грузинская сторона не признает наличия у абхазов своих национальных интересов (см. О. Н. Дамения. Абхазо-грузинский конфликт: проблемы и перспективы урегулирования. В сб. «Аспекты грузино-абхазского конфликта», №5, стр. 331). К сказанному следует добавить: мифологизируя эту реальность, грузинская сторона считает, что «национальные интересы Абхазии» придуманы третьей силой, т. е. Россией, против Грузии. По ее (грузинской стороны) мнению, Абхазия по сама себе никогда не вынашивала идей о создании независимой от Грузии своей государственности и стремление к национальной (государственной) независимости инициируется той же Россией через определенные элитные структуры абхазского общества. Нетрудно заметить несостоятельность такой аргументации. Во-первых, коль скоро Россия использует Абхазию против Грузии, то только потому, что Абхазия не является обычной частью Грузии. Если бы Абхазия была частью Грузии, как это изображается грузинской стороной, то Россия лишилась бы возможности использовать Абхазию против Грузии. Именно наличие у абхазов своих определенных интересов позволяет России использовать ее в своих геополитических играх на Кавказе. Во-вторых, если Абхазия всегда была ориентирована на Грузию и не стремилась бы к национальной независимости, то как понять сам факт войны между ними вообще? В-третьих, не только Абхазия не считает себя частью Грузии, но и сама Грузия не считает Абхазию своей частью. Не об этом ли свидетельствует сам факт вооруженной агрессии Грузии против Абхазии? Об этом свидетельствует также сама политика огрузинивания Абхазии, которая проводилась здесь на протяжении XX столетия. (Прим. автора.)

⁵ В контексте данной работы понятие социокультурной идентичности используется в широком смысле, при котором оно выражает совокупность наиболее существенных признаков и характеристик социокультурной (этносоциальной, национальной и пр.) общности. При таком использовании оно отражает не только самосознание общности как форму и способ самоотжествления и понимания себя в контексте внешнего мира. Оно (понятие социокультурной идентичности) выражает также своеобразие структурной организации уклада жизни общности (тип

хозяйственной деятельности, социальные отношения, система запретов и разрешений, ценностная ориентация, обычаи, нравы, верования, мировоззрения, язык и т.д.) (Прим. автора.)

⁶ О.Н. Дамениа. Абхазо-грузинский конфликт: проблема и перспективы урегулирования. В сб. “Аспекты грузино-абхазского конфликта”, № 5, стр. 324-336.

ДИСКУССИЯ

Манана Гургулия. Вы сейчас сказали, что Грузия преследует какие-то цели в Абхазии, пытается обеспечить себе доступ к ресурсам и свою безопасность. Вы сказали, что Абхазия должна это учитывать. Как вам видится, в какой форме при нынешнем геополитическом раскладе Абхазия может сделать хотя бы какие-то шаги в этом направлении? Сможет ли она сегодня это сделать?

Олег Дамениа. Конечно, сегодня это нереально. Речь идет о долгосрочной перспективе. Сегодня это, конечно, трудно реализовать, но если мы говорим, что урегулирование или трансформация конфликта возможны в конструктивном историческом русле, то, естественно, абхазские политики должны учитывать реальные грузинские интересы в Абхазии.

Сегодня даже мы в нашем проекте, как правило, говорим о своих односторонних интересах: абхазы – об абхазских, грузины – о грузинских. Но на мой взгляд, нам сегодня стоит реально поговорить о грузинских интересах в Абхазии – о грузинских интересах вообще, и в частности, в Абхазии. Нам следовало бы говорить о грузинских интересах, а грузинской стороне – об абхазских.

Скажем, у нас есть внешние интересы, потому что есть сильная, большая диаспора. У нас есть интересы на Северном Кавказе. Но грузинская сторона не хочет этого понять. Грузинская сторона хочет, чтобы эти интересы реализовывались через нее, чтобы она могла контролировать механизмы реализации наших внешнеполитических интересов. Эти интересы реальны, они существуют, потому что часть

нашего народа живет на Северном Кавказе, а еще большая часть – в других странах.

Нателла Акаба. У меня тот же вопрос, что и у Мананы – я не услышала на него ответа. Понятно, что взаимозависимость интересов налицо. Но мне кажется, что Грузия для начала сама должна осознать свои интересы в Абхазии.

Олег Дамения. Несомненно.

Нателла Акаба. А потом уже можно думать о том, чтобы абхазы как-то попытались это учесть и в соответствии с этим скорректировать свои интересы.

У меня есть еще другой вопрос – очень болезненный. По-моему, он очень часто возникает, в частности, прозвучал и во время нашей поездки в Тбилиси и выступления по грузинскому телевидению – это вопрос об образе врага. Я все-таки не уверена в том, что этот образ врага в лице Грузии и всего грузинского народа действительно существовал у абхазов в течение всего двадцатого века – или я не очень хорошо понимаю, что такое образ врага. Когда я сравниваю отношение армян к туркам или к азербайджанцам – вот это действительно образ врага, и это очень серьезно, и на генетическом уровне.

До войны я не видела, чтобы в абхазском обществе существовал такой образ врага, мне казалось, что есть, скорее, какая-то постоянная конкуренция, ощущение у абхазов какой-то угрозы, которая исходит от преобладания грузинского населения в Абхазии. Скорее это было чувство демографической незащищенности. Иначе у нас не было бы, наверно, такого количества смешанных браков, таких тесных связей – дружеских и пр. Мне кажется, что все-таки нельзя разбрасываться этим термином, это – очень серьезно.

Олег Дамения. Я еще раз вернусь к этому вопросу. Именно потому я и говорил «враг», хотя иногда во врага превращается исторический оппонент. То есть тот или иной народ в своем регионе всегда имеет исторического оппонента, с которым он вступает в какие-то отношения – конкуренцию и т.д. Но такие отношения могут трансформиро-

ваться и привести к созданию образа врага, что и случилось у нас. То, что произошло в начале двадцатого века – столкновение абхазского общества с грузинским – определило геополитические взаимоотношения. Потом события 30-40-х годов, 50-60-х годов и т.д... В абхазском обществе это всегда связывалось с Грузией – не с Россией, а именно с Грузией. Получилось так, что именно в двадцатом веке абхазы не ощущали столь остро угрозы со стороны России, как со стороны Грузии. Это произошло, несмотря на то, что были и смешанные браки. Смешанные браки – это показатель близости культур. А вот на политическом уровне мы тут имеем другие реалии.

Реплика. Вы учились в Тбилиси?

Олег Дамения. Нет.

Батал Кобахия. В Москве училось гораздо больше абхазов, чем в Грузии.

Нателла Акаба. Мы же не говорим, что у Абхазии есть образ врага в лице России.

Олег Дамения. Конечно, не говорим.

Арда Инал-Ипа. Мне, действительно, больше нравится термин Олега Несторовича – «оппоненты». Я согласна, что на протяжении двадцатого века грузины на самом деле были оппонентами абхазов. Когда мы читаем авторов двадцатых годов и еще более ранних авторов – Званба, Симона Басария – они звучат очень современно. Иногда кажется, что они писали это в девяностых годах. Действительно, осознание этой угрозы со стороны Грузии было на протяжении всего двадцатого века. И, собственно говоря, создание большевиками самостоятельной социалистической республики как раз и было продиктовано не какими-то там экономическими соображениями, а необходимостью показать абхазскому народу, что большевики учитывают их опасения. Маленькая союзная республика – самая маленькая в Закавказской Федерации – возникла не случайно.

Тенгиз Пачкория. Можно, батано Олег, задать вам пару вопросов? Вы сказали, что Россия может использовать Абхазию как плацдарм против Грузии. Не кажется ли вам, что она уже много десятилетий использует ее как дубинку, как плацдарм для того, чтобы держать Грузию в сфере своего влияния? Об этом говорилось и на предыдущих встречах. И кстати, многие абхазские политики тоже подтвердили, что Россия очень удачно использовала эту дубинку. В то же время вы говорите, что интересы Грузии в Абхазии – это природные ресурсы. А не кажется ли вам, что здесь все гораздо проще, если посмотреть с психологической точки зрения? Подавляющее большинство грузин – и политиков, и рядовых граждан – считает Абхазию своей территорией. Это чисто психологический момент. Отсюда вытекают все остальные политические направления. Учитывает ли это абхазская сторона, и если да, то в каком плане?

И последнее: вы сказали, что у зарубежной абхазской диаспоры сохранился образ России как врага или оппонента абхазов. Не кажется ли вам, что исходя из этого, часть зарубежных абхазских деятелей, как тот же Инал Казан, за последние годы резко поменяли политику и считают, что надо договариваться с Грузией, потому что Россия для них – главный враг, более опасный? И намерено ли абхазское общество учитывать интересы той части диаспоры, которая придерживается такого мнения? Спасибо.

Олег Дамения. Спасибо за вопросы. Я затрудняюсь найти сейчас какое-то адекватное объяснение того, в какой форме Россия использует Абхазию против Грузии, но в том, что Россия использует Абхазию против Грузии, в первую очередь, на мой взгляд, виновата сама Грузия. То есть, Россия довольно успешно использует отношение Грузии к Абхазии. Когда Россия использует Абхазию, и грузинская сторона об этом говорит, сам факт того, что грузинская сторона считает, что Абхазия используется Россией против Грузии, является показателем того, что Абхазия не является обычной частью Грузии. Если она была бы обычной частью Грузии, то Россия лишилась бы такой возможности – использовать Абхазию против Грузии. Понимая интересы Грузии и ее притязания на Абхазию, Россия, естественно, этим пользуется. Это, конечно, далеко не полный ответ. Но, во всяком случае, это одна сторона ответа.

И следующий вопрос. Завоевание той или иной территории происходит либо военным, либо мирным путем. В отношении, например, России существуют две конкурирующие теории. Одни считают, что Россия на самом деле завоевала Кавказ, завоевала Урал и Зауралье. Другие исследователи считают, что российская государственность шла как бы следом за демографическим освоением каких-то территорий. Потом уже российская администрация утверждала свою форму правления. Население опережало администрацию – перемещалось, убегая от жесткой тоталитарной формы российской государственности. В самом деле, в российской истории такое имело место – население бежало из центральных регионов, искало какие-то территории и находило их. В XIX в. и в начале XX в., когда грузины переселялись из Западной Грузии в Абхазию, у самой Грузии не было государственности, и она не могла проводить политику демографического освоения территории Абхазии. Но, получив государственность, она, естественно, тут же стала утверждать на абхазской территории свою форму правления. И то, что грузины, как вы сказали, считают Абхазию частью их страны и т.д., произошло в результате работы грузинской государственной машины в двадцатом веке. Но если посмотреть с точки зрения этнического самосознания грузин, то окажется, что не только абхазы не считают себя частью грузинского этноса, но и сами грузины не считают абхазов частью грузинского этноса. Здесь возникает то самое противоречие, о котором говорил Гия Нодия, а потом и Эмзар Джгереная. Грузинское самосознание, с одной стороны, не считает абхазов частью грузинского этноса, но с другой стороны, считает территорию Абхазии частью грузинской территории. То есть мы здесь не можем найти жесткой логической последовательности и стройной схемы.

Батал Кобахия. Почему? Версия о том, что мы из космоса прибыли, потому и была придумана, чтобы как-то...

Олег Дамения. Третий вопрос касался диаспоры...

Тенгиз Пачкория. Такой версии, Батал, что прибыли из космоса, не было. И не надо иронизировать, когда мы говорим о серьезных вещах. Никто такую версию не предлагал...

Батал Кобахия. Говорить, что с гор – это лучше, да?

Олег Дамения. Я не связываю действия каких-то представителей нашей диаспоры – если они как-то изменили свою позицию или еще что-то такое – с тем, что я сегодня говорил здесь в своем сообщении.

Тенгиз Пачкория. Я понимаю. Я хочу сказать, что очень многие представители зарубежной абхазской диаспоры, которые критиковали и критикуют политику руководства Грузии, в то же время не в меньшей степени критикуют и нынешнее абхазское руководство, обвиняя его в том, что мирный процесс зашел в тупик. В частности, я назвал одного человека – было опубликовано обращение Инала Казана, и вы, наверно, его видели. Там очень много спорного и для грузинской стороны...

Олег Дамения. Я не стал бы это связывать с такими масштабными, глобальными явлениями, с которыми мы имеем дело, когда выясняем взаимоотношения Грузии и Абхазии. Это, я бы сказал, либо частное мнение, либо мнение какой-то небольшой группы людей, которая плохо знакома с абхазскими реалиями. Их можно понять, но насколько их позиция адекватна реалиям?..

Тенгиз Пачкория. Олег Несторович! А не кажется ли вам, что подключение таких людей – это попытка определенных сил на Западе (в тех же Штатах), которые, возможно, за ними стоят (ну, может быть, робкая попытка) как-то воздействовать на процессы, происходящие в абхазском обществе и в грузино-абхазском конфликте?

Олег Дамения. Такие силы, возможно, есть. Возможно, есть и другие силы. Вряд ли мы можем назвать спектр политических сил, воздействующих на этот конфликт, простым и однообразным. Здесь действуют разные политические силы.

Лиана Кварчелия. Мне кажется, что для диаспоры образ врага скорее связан с Россией. Сам факт, что они сегодня находятся за пределами Абхазии – результат политики России в XIX в. С другой стороны, я не согласна с мнением Нателлы, что в абхазском обществе не было образа врага в лице грузин. Мне кажется, «исторический оппо-

нент» – более деликатное выражение, но на самом деле образ врага существовал. Складывался он в результате известной политики Грузии. Другое дело, что мы жили в условиях определенной политической системы, когда этот образ врага просто затушевывался, хотя каждое десятилетие происходили известные события, и тогда отношение к этому врагу проявлялось публично и коллективно. Как только система распалась, мы получили то, что получили. Угроза существовала, и эта угроза формировала образ не просто оппонента. Я не вижу особой разницы между образом врага и образом оппонента. Просто последний термин более нейтральный.

Мы жили вместе, причем жили в определенных условиях, в определенной политической системе. Мы вынуждены были приспосабливаться к этой системе. А степень враждебности менялась, иногда она проявлялась больше.

Тенгиз Пачкория. Просто была цензура. Если бы не было цензуры, враждебность могла бы выплеснуться еще раньше.

Давид Бердзенишвили. Спасибо. Я с удовольствием слушал вас, вы высказали очень ценные мысли. Я думаю, что ваши формулировки дают возможность четче увидеть реальное сходство интересов грузин и абхазов. У нас есть интересы на Северном Кавказе, несмотря на то, что северокавказцы воевали в Абхазии против грузин. В Грузии даже считали, что на абхазской стороне воевали все чеченцы, и тем не менее, Грузия сейчас поддерживает Чечню, Грузия – единственная страна, которая поддерживает Чечню. Мы единственный народ, который, даже на уровне руководства (даже такого руководства, как наше), не скрывает, что поддерживает Чечню. И поддерживает не только из-за каких-то нравственных моментов: «вы вот воевали против нас в Абхазии, а мы, раз уж вы боретесь против России, поддерживаем вас». Нет, тут присутствует и чисто прагматический интерес. У нас нет образа врага по отношению к абхазо-адыгейской группе на Северном Кавказе – кабардинцев, адыгейцев, черкесов. Даже во время абхазской войны, может быть чисто стереотипно, в Грузии всех поголовно называли чеченцами, чтобы не считать врагами адыгейцев, кабардинцев и других. У нас есть свои интересы в Турции. Во время войны я был в Турции, был там в парламенте, встречался с министрами, помню ту ситуацию. Депутаты-гурджи смог-

ли защитить интересы Грузии в турецком правительстве и парламенте – они были активнее, влиятельнее, чем представители абхазской диаспоры в Турции. Я даже помню, что в группе «друзей Грузии» было восемнадцать депутатов, было несколько министров-гурджи, они разговаривали по-грузински. То есть появление независимого Гурджистана стало для гурджи – граждан и патриотов Турции – серьезным фактором для усиления их политической, военной и экономической роли. Так что мы имеем механизмы защиты своих интересов в Турции.

Только в один исторический период – во второй трети девятнадцатого века – Грузия не была против России, по той простой причине, что в политическом плане Грузии как таковой тогда не существовало. До начала 60-х годов Грузия, фактически, была орудием в руках России в Кавказской войне против горцев. А вот с 60-х годов Грузия начинает создавать свою национальную идентичность, и Россия является ее историческим оппонентом. Построение новой Грузии, новой грузинской нации, начинается в борьбе с Россией.

Итак, и в Турции, и на Северном Кавказе у Грузии есть не только свои интересы, но есть и механизмы сохранения этих интересов. У абхазов, как вы говорили, тоже есть свои интересы и в Турции, и на Северном Кавказе, без реализации которых абхазская государственность, по-моему, имеет еще меньше шансов состояться. К чему я клоню? Без всякой политической конъюнктуры я часто говорю, и не только на наших встречах, что конфликт будет урегулирован в том случае, если Грузия и Абхазия окажутся в едином пространстве – может быть, в российском, может быть, в другом. Это оперативное пространство, потому что Грузия и Россия конкурируют на Кавказе, и на протяжении многих десятилетий они так и останутся конкурентами. Поэтому я все еще надеюсь, что Грузия с Абхазией не станут снова иерархическими частями российского пространства. Я не имею в виду вхождение в российско-белорусский союз или в Российскую Федерацию. Я имею в виду военное, политическое, экономическое присутствие России на Кавказе и на Южном Кавказе, в том числе в Грузии. Если этого не произойдет, есть альтернатива – здесь у грузин и абхазов общих интересов гораздо больше. И я вам благодарен за то, что впервые услышал, где конкретно можно найти общность наших интересов. Это Ближний Восток, это Турция, это наши возможности

в Турции, это абхазские возможности в Турции. Ни те, ни другие не любят Россию, очень даже не любят. Это возможности на Северном Кавказе. Так что, я думаю, если удастся выйти из-под российского контроля, возможности урегулирования грузино-абхазских проблем, возрастут. Я буду говорить об этом в своем докладе. В данном случае я не имею в виду конкретную форму грузино-абхазского сосуществования. Я не настаиваю, что это обязательно должно быть единое государство и т.д. Но мне кажется, что вовсе не обязательно (вы подчеркнули, что со временем образ врага или, скажем так, исторические оппоненты меняются), чтобы на протяжении многих десятилетий историческим оппонентом Грузии оставалась Россия, а историческим оппонентом Абхазии – Грузия. Потому что на протяжении многих веков это было не так – далеко не всегда Грузия была историческим оппонентом Абхазии. У меня еще вопрос. (У меня уже получилось целое выступление.) Как вы считаете – исторический оппонент – это было актуально до стадии глобализации и появления серьезных демократических интеграционных процессов, ну, допустим, до создания Евросоюза? Вот на этом и заканчивается создание национальной идентичности и осознания национальных интересов или это просто непрерывные процессы, которые являются необходимым условием для сохранения идентичности? Я говорю о Евросоюзе – там немцы, бельгийцы и другие – являются они сейчас историческими оппонентами или просто преодолели этот этап и сейчас национальные интересы защищаются, не опираясь на образ врага?

Олег Дамения. Спасибо за выступление и за вопрос. Я понимаю эту проблему так – существование исторического оппонента, оппонирующей внешней силы – это необходимость для формирования и развития той или иной социальной общности. Избежать этого почти невозможно. Этому можно найти подтверждение в этнологической, исторической и т.д. литературе, в серьезных исследованиях, в том числе и в психологической литературе. С другой стороны – как, скажем, складываются отношения оппонирующих друг другу субъектов? Если мы возьмем, скажем, европейский альянс, то увидим, что они довольно толерантны. Но там тоже есть эти конкуренты, там тоже есть эти оппоненты. *(Запись прерывается.)*

Зураб Чиаберашвили

АБХАЗИЯ И ГРУЗИЯ: ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ПРАВА ЛИЧНОСТИ

Еще раз огромное спасибо, что вы пригласили меня сюда. Прежде всего должен сказать, что так как я участвую в этой встрече всего второй раз, может быть, я затрону некоторые аспекты и проблемы, которые здесь обсуждались уже много раз, но представляются мне заслуживающими внимание.

И второе, что я хочу сказать с самого начала – это то, что у меня нет никакой схемы, никакой формулировки, ничего. Просто я пытаюсь для себя осознать, какие проблемы я вижу важными. Поэтому простите, если мой доклад покажется вам фрагментарным, я ведь и сам участвую в этом процессе для того, чтобы построить себе какую-то схему или увидеть какую-то новую картину. Эта картина пока, может быть, не так уж ясна для меня самого, но я все-таки пытаюсь ее разглядеть.

Первый тезис у меня такой: обе стороны – и грузины, и абхазы – находятся в процессе формирования своих национальных государств. Может быть, путь грузин в этом смысле проще, потому что их государственность уже признана мировым сообществом. Но и грузины не могут сказать, что они завершили этот процесс формирования национального государства. Что касается абхазской стороны, то они достигли независимости, но эта независимость не признана, и поэтому сейчас главная проблема для абхазской стороны – это признание их независимости.

На этот процесс формирования национального государства можно посмотреть с двух сторон: с точки зрения каждого индивида, который живет в этом сообществе – это индивидуалистский подход, и с точки зрения всего коллектива, всего государства – это можно назвать коллективизмом, а можно и этатизмом (не будем сейчас спорить о терминах).

И тут две проблемы: если взять грузин как коллектив, то как они ощущают все то, что с ними происходит, и что чувствует грузин как

одиночный член этого сообщества, как индивид. И с абхазской стороны тоже стоит так вопрос. Доклад батони Нодара, когда он предлагал нам ту свою схему, помог мне еще раз это осознать.

Для государственности Грузии проблема – это территориальная целостность, и индивиды тоже чувствуют эту проблему. Для грузин это что-то вроде фактора неполноценности, поэтому в Грузии трудно доказывать множеству индивидов, что сейчас главная проблема – это не территориальная целостность (например, мне лично это трудно), а главное – это строить демократические институты для развития этой государственности. И поэтому многие грузины являются объектами манипулирования этими темами – вернуть Абхазию, восстановить территориальную целостность... Это если посмотреть с точки зрения этатизма.

Если посмотреть с точки зрения отдельного индивида, то, конечно, в Грузии он не защищен, не гарантировано благосостояние и развитие каждого индивида. При этом каждый индивид как бы обязан думать о территориальной целостности, о возвращении Абхазии, но в реальности ничего для этого не делает, даже если ставит перед собой такие цели, потому что у государства (я говорю о Грузии) нет граждан в западном понимании этого слова, есть неполноценные граждане – даже психологически неполноценные. Мы уже говорили, что у нас у всех та карта Грузии, которая включает в себя Абхазию, и мы никак не можем сменить эту карту на другую, где Абхазия была бы отдельным государством. Это даже порождает у нас комплекс неполноценности, потому что мы не смогли найти в себе силы, чтобы изменить эту карту. Мы не можем ни восстановить эту карту, ни сменить ее другой. Так что это главная наша проблема.

У абхазов то же самое. Если рассмотреть проблему государственности, то тот факт, что эта независимость не признана – это тоже какой-то фактор неполноценности для каждого индивида в Абхазии, и поэтому этих индивидов легко использовать для разных целей, ими можно очень свободно манипулировать.

Если посмотреть на абхазское сообщество с точки зрения индивидов, то именно из-за того, что негарантирована защищенность каждого индивида, их развитие и благосостояние, это сообщество не может стать консолидированным сообществом, в позитивном смысле этого слова. Конечно, в негативном смысле – это консолидированное общество, ког-

да мы говорим, что сейчас у абхазов... может быть в предыдущем столетии этого не было, грузины были просто историческими оппонентами, но сейчас все-таки это сообщество консолидировано в негативном смысле из-за того, что есть образ врага, а конкретно грузин.

Позитивная консолидация — я имею в виду создание таких механизмов, когда сообщество может само развиваться, причем развиваться на каких-то ценностях — затрудняется именно из-за того, что и абхазское государство не имеет полноценных граждан.

Может быть, я неясно выражаюсь, но все-таки я попытался построить себе такую картину — параллельные описания состояния грузин и абхазов, как обществ, так и индивидов. Это абсолютно параллельные состояния, что бы мы не рассматривали — проблемы государственности или проблемы каждого индивида, потребности конкретного индивида или интересы всего общества.

Сейчас я сделаю небольшой комментарий — или, скорее, оценку всех людей с обеих сторон, может быть, только тех, которые сейчас сидят за этим столом. С обеих сторон есть разные люди. Некоторые из них... вы, наверное, лучше знаете, но наверняка с грузинской стороны некоторые ставят вопрос так, что сперва надо договориться, восстановить территориальную целостность Грузии, а потом говорить об правах отдельного индивида. Это подход, когда этатизм выступает более приоритетным, чем индивидуализм и защита отдельных людей (всё равно, абхазов или грузин). Такого грузина мы здесь можем обозвать империалистом и кем угодно, вот и весь результат.

Есть и другой подход — когда я читал эту книгу, то увидел, что есть люди, которые говорят так: «Давайте сначала построим демократию в обоих сообществах, а потом посмотрим». В таком случае, когда говорят «потом посмотрим», всегда остается какое-то сомнение — эти люди такие же империалисты, как и первые, или они говорят это честно и действительно заинтересованы в том, чтобы построить демократию, а уж там посмотреть, что будет? Потому что «потом посмотрим» подразумевает два варианта: первый — что абхамам понравится демократическая Грузия и они согласятся на единое государство, а второй — что абхазы все-таки отвергнут грузин. Во втором случае тоже два варианта. Или мы, грузины (в таком понимании мы всегда выступаем субъектами решения, решения принимаем мы),

дадим им эту независимость, или все-таки применим силу. Аргумент за применение силы такой – международное сообщество нас поддержит из геополитических соображений. На Балканах всё уже идет к завершению, и скоро центром внимания мирового сообщества или геополитической игры между Западом и Россией станет Кавказ, и можно предположить, что, исходя из геополитических соображений, мировое сообщество поддержит грузин.

Я уже говорил, что ожидания обеих сторон параллельны, и тут тоже есть параллель. Если кто-то с абхазской стороны начинает с заявления, что сначала должна быть независимость, а потом решим проблемы с отдельными индивидами – например, проблемы беженцев – то с грузинской стороны это уже называется абхазским сепаратизмом.

Но есть среди абхазов и такие, кто говорят: «Да, мы согласны с тем, что мы сначала должны построить демократию, а потом посмотрим». И тут уже у грузин возникает сомнение: а действительно ли эти абхазы искренне хотят «сначала демократию, а потом посмотреть», или они это говорят, как грузинские империалисты – чтобы как-то повлиять на этот процесс, а потом завоевать себе независимость?

«Потом посмотрим» с абхазской стороны может выглядеть так: после построения демократического сообщества для грузин не будет иметь особого значения, будем ли мы, абхазы, вместе с ними или отдельно.

Возможен и другой вариант – грузины все-таки постараются нас присоединить. И здесь тоже два варианта: или мы соглашаемся присоединиться к Грузии, или, если они нападут на нас, снова стараемся защитить свою независимость силой. И здесь абхазы тоже могут думать, что мировое сообщество будет за них – но не из геополитических соображений, а из соображений демократии. Мировое сообщество может быть на стороне грузин, так как Грузия – это страна, через которую должна идти нефть, но на Западе найдутся и такие люди, которые будут защищать абхазов, потому что этого требует демократия, защита отдельных наций и отдельных людей.

Вот такая абсолютная параллельность. И потому заключение может быть таким, что у грузин нет ресурсов, чтобы стремиться к обеим целям, чтобы и государственные интересы реализовать, и в то же время удовлетворять отдельные нужды отдельных граждан. Точно так же и у абхазов нет ресурсов для того, чтобы стремиться к удов-

летворению и государственных интересов (чтобы их независимость была признана) и в то же время удовлетворять потребности отдельных граждан. (Я имею в виду и тех людей, которые сейчас живут на этой территории, и тех, которые имеют право туда возвратиться.)

Я думаю – и это, может быть, мой главный тезис – что и грузины, и абхазы должны выбрать, что для них главное: коллективные интересы или нужды отдельных людей, граждан? Я для себя выбрал такую модель, когда грузины идут по тропе индивидуализма, когда для них главное – это не территориальная целостность, а отдельные граждане и, может быть, именно беженцы. А для абхазцев приоритетом должны быть не отдельные нужды самих абхазов как индивидов, а абхазский этатизм и коллективные интересы абхазов.

Может быть, это звучит как-то странно, но все-таки преследовать сразу обе цели – чтобы и государству было хорошо, и отдельным индивидам было хорошо – это мне видится нереальным, и поэтому оба сообщества должны выбрать какие-то четкие приоритеты. При этом для грузин приоритетом должна быть забота об отдельных гражданах.

Может быть, я сейчас утрирую, но я надеюсь, что вы видите пафос моего выступления – в какую сторону и какие шаги надо делать. В этой связи даже забота грузин о беженцах... я здесь прочел момент, когда, по-моему, батони Олег задает такой вопрос: «Если мы соглашаемся с тем, что Абхазия была орудием в руках России для давления на Грузию, то если Грузия признает независимость Абхазии, то орудие в руках России исчезнет?» По-моему, это вы задали такой вопрос. То же самое я могу повторить и с грузинской стороны. В каком смысле? Если Грузия говорит: «Мой интерес – это чтобы отдельные беженцы возвратились и отдельные люди жили хорошо», и если это осознает все грузинское сообщество, тогда гибель каждого беженца становится проблемой не Гальского района, не Сухуми, не грузино-абхазских отношений, а создает напряжение уже в Тбилиси – все грузинское сообщество призывает к ответу грузинское правительство. Поэтому я тоже могу сказать, что если грузинское сообщество дойдет до этого, то и абхазская сторона тоже может: возвращенные в Гальский или другие районы беженцы – они ведь тоже могут служить орудием в руках уже абхазов, чтобы отстоять свои интересы перед грузинским правительством, потому что защищен-

ность каждого беженца отражается уже на Тбилиси и на центральном правительстве Грузии.

Когда я это писал, я ловил себя на мысли, что я как-то... Вот я сказал, что в действительности грузинские демократы – неоимпериалисты. (Это Дато подсказал мне такую мысль.) И когда я сделал здесь акцент на возвращении беженцев, то я поймал себя на мысли: а кто я сам – демократ или неоимпериалист? Может быть, это какая-то задняя мысль мне подсказывает, чтобы так говорить? Но все-таки это написано, и я говорю то, что написал, а не что-то другое.

Если посмотреть с точки зрения абхазов, абхазского сообщества, почему я говорю, что сейчас для них главное – это государство, а не отдельный индивид? Прежде всего, когда я говорю, что грузины должны заботиться о потребностях каждого индивида, а не интересах всей страны, это потому, что грузинская государственность уже признана. Наступил другой этап, и сейчас задача – обеспечить нормальную жизнь каждого гражданина этой страны. Что касается Абхазии, то пока их независимость не признана мировым сообществом, то это, по-моему, для них главная проблема, если посмотреть реально. А что касается интересов отдельных индивидов, то я могу сказать вот что (это звучало во всех предыдущих выступлениях, но я все-таки повторю): все-таки в Абхазии есть не только проблема защищенности отдельного индивида, но и проблема защищенности всего сообщества, всего коллектива. Даже в этом сборнике кто-то, я не помню кто, говорит, что весь этнос нуждается в какой-то защищенности, и поэтому, как я вижу, для абхазов главным сейчас должно быть государство.

Если связать эти два подхода, то абхазы должны стремиться к такому возвращению беженцев, какое будет в интересах Грузии.

Может быть, то, что я говорю о возвращении беженцев, кто-то воспримет как обратный десант в Абхазию. Но все-таки, если мы говорим, что беженцы должны быть возвращены, то абхазы должны стараться направлять это возвращение в такое русло, чтобы оно помогало становлению их государственности. А грузины, напротив, должны придать становлению абхазской государственности такое направление, чтобы оно работало на возвращение беженцев.

Сейчас Давид и Абесалом будут говорить о промежуточных моделях, и у меня есть несколько конкретных вопросов к ним и ко всем

вам. На некоторые у меня уже есть свои ответы, и я вам их сейчас скажу. Но на некоторые нет. И мои ответы обусловлены некоторыми критериями. И это уже было озвучено, и я с этим соглашаюсь, что основной критерий для меня – это редуцируется ли российское влияние на этой территории или нет. Вот такой у меня подход.

Сначала я скажу вот что. Когда мы вчера говорили с Давидом и Мишей, мы обсуждали то, что у Бельгии оба субъекта живут в едином государстве, но у них есть очень большая доля независимости даже во внешней политике, когда Валлония может заключать какое-то соглашение с Францией. Я категорически против. Мой подход такой – федерация и широчайшие права у обеих сторон, не только во внутренней политике, но и во внешней.

Еще один подход – это абсолютно разные государства. Это значит, что Грузия признает независимость Абхазии. Но даже по тому же меморандуму, если Грузия признает независимость Абхазии и даст мировому сообществу повод признать эту независимость, то у Грузии останутся некоторые права и рычаги влияния на внешнюю политику Абхазии.

В каком смысле? Покажу на конкретных примерах. Мы сейчас должны говорить прежде всего об Абхазии. Может быть, я не прав, но не стоит сейчас дискутировать вопрос о том, какой будет Грузия. Какова она будет, это мне сейчас неинтересно, и я уже не ищу параллелей по обе стороны конфликта и в дальнейшем буду размышлять об абхазской государственности. Это хорошо, когда грузин думает об абхазской государственности. *(Смех в зале.)* Я скажу очень коротко, потому что я уже долго говорю.

Реплика. Он говорит хорошие идеи, поэтому пусть говорит. *(Смех в зале.)*

Зураб Чиаберашвили. Есть такой грузинский пример (и об этом тоже упоминалось). В начале девяностых у нас был такой лозунг: «Сперва независимость, потом демократия». Абхазы тоже идут по той же тропинке – сперва независимость, потом государственность. И что нам дал грузинский пример, всем вам хорошо известно. Поэтому для меня сейчас главное, чтобы абхазы строили государственность так, чтобы если им удастся добиться признания этого государства, то чтобы это

государство функционировало нормально. Поэтому, если мы сейчас говорим о государственности Абхазии, то мы должны думать о совместных проектах. Как уже здесь было сказано, это коммуникации, информация, экономические проекты. Почему абхазская сторона должна сотрудничать с грузинской? Она должна сотрудничать не как с отдельным государством, а как с партнером больших партнеров. Вот если мы говорим, что есть транспортный коридор через Грузию и Грузия – партнер других, больших государств, которые заинтересованы построить здесь транспортный коридор, то Абхазия должна участвовать в этом коридоре в партнерстве с Грузией. Может быть, на какой-то момент Абхазия выступит как самостоятельный партнер в этом партнерстве, но чтобы войти в этот коридор, в это партнерство, другого прохода все-таки пока не видно. Поэтому уже сейчас абхазская сторона должна идти на партнерство с мировым сообществом в таких проектах, где можно как-то сузить грузинские амбиции, грузинскую политику, повысить политический статус Абхазии, выступая не как государство-партнер, а чисто как сообщество или регион. Грузия как регион и Абхазия как регион.

Что касается интересов России. Мы все говорим о гарантии безопасности и для абхазов, и для грузин. И грузин часто упрекают в том, что они надеются лишь на западные гарантии. Не только абхазы упрекают, но и другие тоже. Они говорят, что надеяться лишь на западные гарантии, на НАТО – это nonsensical, вы, мол, должны договориться с Россией. Я могу то же самое сказать абхазам: одни российские гарантии безопасности – это не реальные гарантии безопасности. А вдруг Россия потеряет свое влияние на Кавказе из-за того, что в этом заинтересованы Запад, Соединенные Штаты и т.д.? Я хочу услышать от вас – если идет минимизация российского влияния на Кавказе, как вы сможете сбалансировать грузинское наступление на эту территорию? Я всегда вспоминаю, как строилась единая Европа. Единая Европа строилась как? Во-первых, это была экономика, Сообщество угля и стали, когда все стороны доверили часть своей экономики некоей международной организации. Во-вторых, это было НАТО. В-третьих, был Совет Европы. Вот поэтому мы все здесь должны задуматься о том, будет ли у нас общая система ценностей, чтобы жить вместе. Для меня вот это главный вопрос. Если Абхазия остается в сфере влияния Рос-

сии, это для меня означает не военную базу в Гудаута, это означает, что социальный контекст, устройство государственности, гражданская культура там будут абсолютно другие, чем в Грузии, если Грузия останется сторонницей внедрения западных институтов и западных ценностей на своей территории. Так что это тоже имеет значение.

Поэтому для нас все идет к тому, чтобы как-то снизить российское влияние на Кавказе. И если нам – абхазам и грузинам – удастся это сделать совместными усилиями, я, например, как грузин, я сам лично на этом этапе готов – может быть, я когда-нибудь возьму свои слова обратно, но на этом этапе я готов – заменить в своей голове эту карту, которую я видел с детства в учебниках, другой картой.

Поэтому мое пожелание абхазам – постройте государственность, и вы увидите, что у вас будет независимость.

А к грузинам пожелание – если грузины помогут абхазам строить такое государство, то они увидят, что эта Абхазия возвратится в то пространство, которое называется грузинским пространством.

А сейчас очень конкретно. Абесалом упомянул в статье, что в свое время у Абхазии было представительство в грузинском парламенте. Я думаю, что и в таких проектах, как ТРАСЕКА и нефтяные проекты, обязательно должен быть абхазский представитель. Не для того, чтобы он с самого начала участвовал в принятии каких-то решений, нет. Просто для того, чтобы абхазское сообщество имело информацию о том, что происходит. И если есть какой-то прогноз на счет Абхазии, то чтобы они имели доступ к этой информации.

Я дошел до того в своих мыслях, может быть, это абсолютно оторвано от реальности, но я думаю, что даже в таком объединении, как ГУУАМ, должен быть абхазский представитель. И это для меня будет сигналом того, что Абхазия в самом деле может видеть гаранта своей безопасности не только в России. Если абхазское сообщество когда-нибудь, может быть, через пять лет... может быть, ГУУАМ тогда уже не будет существовать, но будет существовать другая организация, которая будет балансировать российское влияние, и если Абхазия сможет там предъявить свои интересы, то для меня лично это будет сигналом, что Абхазия может уйти от российского влияния.

Мы должны создать юридический совет, чтобы он как-то работал в формате этих встреч. Может быть, это уже было сказано, я не

знаю, но все-таки, если мы говорим о том, что экономикой должны сблизиться, то и юристы с обеих сторон должны стремиться к тому, чтобы и таможенные системы, и другие экономические структуры были похожи друг на друга и не создавали барьеры тем транспортникам, которые везут товар из Ирана, например, на Украину.

И третье. Я знаю, что эта идея может вызвать какое-то раздражение, я ведь чувствую, что для абхазского сообщества это означает уменьшение той независимости, которую они приобрели, но все-таки для того, чтобы абхазы имели доступ к мировому сообществу, у меня есть такая идея. По-моему, при Совете Европы есть ассамблея европейских регионов и местных самоуправлений, где от Грузии участвуют Аджария и Имеретия. Я, конечно, согласен с тем, что это – уменьшение независимости Абхазии, но все-таки, если абхазцы перешагнут через этот психологический барьер и будут участвовать, например, в таком форуме – это уже будет какая-то прелюдия к тому, чтобы абхазское государство и абхазское сообщество вышли потом один на один с мировым сообществом. Конечно, все могут воспринять это как то, что Абхазия будет выступать как регион Грузии, но все-таки вы должны использовать такие существующие институты, чтобы почувствовать, что такое государственность. Если мое предложение кого-нибудь обидело – прошу прощения.

ДИСКУССИЯ

Тенгиз Пачкория. Вы серьезно полагаете, что какое-нибудь грузинское правительство или парламент в обозримом будущем могут пойти на признание абхазской независимости в какой-то форме? Вы думаете, что такое правительство сможет удержаться у власти? Это раз.

И второй вопрос: как вы думаете, если, грубо говоря, отпустить Абхазию – это поможет Грузии нормально развиваться? Судя по вашим словам, нерешенность абхазской проблемы мешает развитию и укреплению грузинского государства.

Вы думаете, что если отпустить абхазов, это позволит ускорить развитие грузинского государства и укрепит его развитие? А не ка-

жется ли вам, что появятся другие проблемы, что те же силы, которые способствуют отторжению Абхазии от Грузии, будут отторгать от нее и другие территории? Как по вашему, такой опасности нет?

Зураб Чиаберашвили. На первый вопрос я отвечаю так: я действительно думаю, что если у Грузии будут рычаги, чтобы ограничивать некоторые решения абхазского государства, особенно по военно-политическим вопросам и вопросам внешней политики, то вполне реально, что какое-нибудь грузинское правительство на это и пойдет. Если это будет хорошо сформулировано для граждан Грузии.

Второе: я абсолютно не связываю решение грузино-абхазского конфликта с укреплением грузинской государственности. Может быть, конфликт когда-нибудь и будет урегулирован, но от этого наше государство не перестанет быть коррумпированным. Я не думаю, что урегулирование абхазского конфликта – это какая-то предпосылка для решения других проблем Грузии. Нет, это абсолютно отдельный вопрос. То, что мы, например, должны реформировать в Грузии полицию – это абсолютно другая проблема, никак не связанная с абхазской.

Нателла Акаба. Когда вы говорили о России, мне показалось, что вы ее видите очень статично: Россия, которая есть сегодня, мне не нравится, и такой она будет всегда. Но на самом деле в России тоже происходят какие-то изменения, и очень заметные. Я знаю, что сейчас там есть такое лобби, которое очень активно стремится к более активной роли России в Евросоюзе, и это перспектива на будущее.

Если у России есть такое серьезное намерение – а оно действительно есть, от этого ей никуда не деться – и если она будет идти к Евросоюзу и рассматривать возможности вступления в НАТО (почему бы и нет?), значит, что-то меняется.

Мы знаем, что нет ничего невозможного в этом мире, и поэтому, мне кажется, говоря о сегодняшней России, лучше быть более гибкими и не пытаться предопределить ее будущее.

Зураб Чиаберашвили. Конечно, такое упущение в моем выступлении есть. Но, честно говоря, я именно так и думаю – я в обозримом будущем не вижу Россию частью Евросоюза и даже НАТО.

Может быть, через десять или пятнадцать лет НАТО и согласится, чтобы Россия стала ее членом. Но для меня важнее другой вопрос: изменится ли в России гражданская культура? Изменится ли менталитет правительства? Изменится ли система ценностей, изменится ли менталитет этого общества и каждого индивида в этом обществе? Для меня на этот вопрос нет позитивного ответа. Поэтому я лично не хочу оставаться в той системе ценностей, в которой живет Россия. Я не хочу жить в том пространстве с такой гражданской культурой – если вообще можно назвать гражданской культурой то, что сегодня есть в России.

Батал Кобахия. Я все-таки не понял – вы сказали, что поскольку Грузия ориентируется на западную культуру, вы боитесь влияния России, потому что тогда у нас будут другие гражданские ценности, другая гражданская культура?

Я бы поставил вопрос так: я нигде и никогда не слышал (может, вы мне подскажите, что кто-то из ученых или исследователей это утверждает), что Россия ориентируется на какие-то другие ценности, кроме демократических. Если вы просто ориентируетесь на западные ценности, отбрасывая вообще понятие демократии, то тогда мне это понятно. Но если вы имеете в виду демократию, то насколько я знаю, в России все представители неправительственных организаций – правозащитники, люди, на которых я ориентируюсь – они не то что проповедают или пропагандируют, они ориентированы на демократические ценности. Почему мне должно казаться, что западные ценности, на которые ориентируется Грузия, более соответствуют абхазскому сообществу, нашему менталитету, и больше помогут уравновесить взаимоотношения, чем ценности, на которые ориентирована демократическая Россия? Чем различаются эти демократические ценности?

Зураб Чиаберашвили. Попытаюсь ответить коротко. Я сейчас вспомнил, как во время визита Путина в Америку Ларри Кинг задал ему очень длинный вопрос о гибели «Курска». Вопрос был очень длинный, и пафос его был в том, что в нормальной демократической стране это было бы падением правительства, правительственным кризисом, а в России ничего не произошло. И под конец этого длинного вопро-

са Ларри Кинг риторически спрашивает у Путина: «И все-таки, что произошло с «Курском»?». И тот отвечает: «Он затонул». *(Шум в зале.)*

Нателла Акаба. А что он должен был сказать? Покаяться?

Зураб Чиаберашвили. Я не говорю, что он должен был каяться. Но ни один лидер демократического государства не будет в таком эфире смеяться над такими жертвами.

Батал Кобахия. Вот такое замечание вам дает основание думать...

Зураб Чиаберашвили. Да, для меня это очень символично.

Олег Дамения. Я склоняюсь к мысли, которую высказал Зураб под конец своего выступления. В самом деле, существуют какие-то демократические – или общечеловеческие, или европейские, или западные – ценности, но в различных сообществах, в различных обществах эти ценности не всегда идентичны. Оказываясь в контексте той или иной культурно-цивилизационной жизни, эти ценности преобразовываются, а иногда принимают иной характер.

Дело не в том, что заявил президент России. Дело в том, какова ценность человека, ценность жизни индивида в российском обществе и в том же американском обществе – на мой взгляд, это различные ценности. За жизнь отдельного индивида президенту Америки придется держать ответ перед парламентом, перед американским обществом. А российскому императору, генеральному секретарю или президенту никогда не приходилось нести ответственность за жизнь отдельного человека, а то и сотни, а то и тысячи человек. Несмотря на то, что Россия, как она говорит, придерживается тех же ценностей и тоже стремится в европейское или мировое сообщество и т.д., у нее другие традиции. Я не хочу оценивать действия правящей элиты российского общества. Здесь другие принципы – они придерживаются других ценностей. Россия может угробить сотни тысяч людей для завоевания того же самого Кавказа и считает, что это нормально. Здесь, на территории санатория, я общался за шахматами с одним молодым русским генералом. Мне не удалось не то что убедить его в том, какую

беду, трагедию они сегодня творят, а даже вызвать в нем хотя бы малейшее сомнение. Он уверен, что именно так надо действовать – воевать надо в Чечне, вот и всё. Он так думает. Это – стереотип.

Реплика. Он уже не думает.

Олег Дамения. Он, может быть, в самом деле не думает. Это, по всей вероятности, передается по традиции, и, к великому сожалению, в российском обществе это существует.

Нателла Акаба. Не только в российском, а во всем постсоветском обществе.

Олег Дамения – Да, конечно. Но дело еще и в том, что к нам на Кавказ – скажем, в ту же Абхазию или в ту же Грузию – эти ценности поступают в российской редакции. Они не всегда прямым путем передаются. Хотя я, конечно, очень высоко ценю влияние русской, в самом деле великой, величайшей мировой культуры на Кавказ, в том числе и на Абхазию и Грузию. Есть один слой, один пласт – это великая русская культура, культура Толстого и Чайковского, скажем. Но есть и геополитические российские реалии. От них мы никуда не можем деться.

Следующее, что мне хотелось сказать: когда вы говорите, что Грузия сегодня ориентируется на Запад, и если бы абхазы тоже стали, как и Грузия, ориентироваться на Запад, то мы смогли бы решить многие проблемы – я с вами согласен. Но при этом я думаю, что ни одно государство, ни один ориентир – будь то Запад, Восток, Север или Юг, Россия или, скажем, Иран – ни одна внешнеполитическая сила не может выступать в качестве гаранта нашего существования. Гарантом нашего существования – и для Грузии, и для Абхазии – в первую очередь должны быть мы сами. Мы сами должны состояться как цивилизованные общества, в которых почитаются ценности, выстроенные в правовом политическом отношении. И тогда мы можем решить все успешно, тогда мы можем решиться на поддержку со стороны Запада, Севера или еще кого-то. К великому сожалению, в этом плане мы, в лучшем случае, находимся только в процессе. Говорить, что мы состоялись, сегодня пока преждевременно.

Следующее, на что мне хотелось обратить внимание – прокомментировать вопрос о том, согласится ли Грузия когда-нибудь на абхазскую независимость. Придет ли когда-нибудь такое правительство, которое сможет признать независимость Абхазии, и согласится ли Грузия на территориальные изменения? Конечно, заранее это предрекать очень рискованно, но я хочу заметить одно: любое общество, любая социальная общность, в том числе и государство, пространственно то расширяется, то сужается. Если смотреть в историческом контексте, то увидим, что нет твердых раз и навсегда установленных границ. Грузия существовала и существует, слава Богу, на протяжении многих тысячелетий (во всяком случае, последних тысячелетий), но она существовала в различных границах. Тут сегодня Гия Анчабадзе уже говорил, и правильно говорил, что эти границы подвижны, они меняются. Как бы ни помогали горы Кавказа – экологические, естественные границы – более или менее устойчиво сохранять эти границы, все равно они меняются – и в этническом, и в культурном, и в политическом плане. Сказать сегодня, что в Грузии придет к власти такая политическая элита, которая признает абхазскую независимость, мне трудно. Но и исключать это – тоже трудно. Прогнозировать и предрекать, что скажут ваши будущие внуки, Тенгиз, когда придут и будут править Грузией – в каком направлении они будут ее развивать и какие отношения будут строить с Абхазией – сегодня нам, конечно, трудно об этом говорить. Я так смотрю на эти вещи.

Тенгиз Пачкория. В выступлении Олега Несторовича была попытка осмысления интересов конфликтующих сторон, и когда оно будет опубликовано в полном виде, я думаю, оно станет предметом оживленных дискуссий и в грузинском, и абхазском обществах. Я допускаю, что часть абхазского общества может принять в штыки то, что вы сказали. Многим грузинским деятелям часть ваших идей тоже не понравится, но я считаю, что это очень серьезная заявка на интересное развитие дискуссий в плане урегулирования отношений двух сторон. Отвечая на мой вопрос, вы сказали одну очень интересную фразу: «Грузины тоже, возможно, виноваты в том, что Россия смогла использовать абхазов как рычаг, как дубинку против Грузии, чтобы она, Грузия, не вышла из сферы влияния России». Я с вами частично могу согласиться-

ся – и, наверное, не только я, но и многие мои единомышленники (хоть вы и не расшифровали конкретно, что вы имели в виду). Еще в 1988-89 гг., когда начались бурные события, мы среди своих коллег, друзей обсуждали – смогут ли грузинские политики, новая волна и новое поколение грузинских политиков, учесть ошибки и опыт прошлого, когда Россия уже использовала абхазский фактор, чтобы вернуть Грузию в свою сферу влияния. (Имеются в виду события 1918-21 гг.) К сожалению, грузинские политики этот опыт и эти ошибки по разным причинам не учли. Одни из-за недооценки событий, другие из-за иллюзий относительно того, что Запад на этот раз окажет большую поддержку Грузии, поставит Россию на место и не допустит, чтобы Россия так вмешивалась. Были еще и другие моменты. Но факт остается фактом – в том, что Грузия не смогла воспрепятствовать тому, чтобы Россия использовала абхазов как дубинку, как рычаг воздействия, конечно, в какой-то степени виноваты и грузинские политики. Во-первых, из-за того, что они, не учтя опыта прошлого, решили опять с такой же скоростью оторваться от России, и, во-вторых, из-за того, что не смогли не обострить грузино-абхазские отношения. Конечно, с абхазами и без России были проблемы, но далеко не все было использовано для преодоления этих проблем. Ну, и абхазская сторона внесла свой вклад. Но Грузия могла бы это предотвратить. Если есть цель – оторваться от России, то зачем искусственно торопить развитие событий? Но волна была большая, сильная. Я спорил с людьми: зачем вы пишете «Долой оккупантов!», не лучше ли писать «Да здравствует независимая Грузия!». Суть-то одна и та же, но первый лозунг звучит очень некорректно. Недавно в Тбилиси были демонстрации в связи с тем, что Россия не выполнила стамбульские обязательства и своевременно не вывела из Гудауты свою базу. И опять (к сожалению, на мой взгляд) повторилась та же ошибка – появились лозунги «Иван, иди домой!». Есть ведь и более корректные лозунги. Я не думаю, что если бы в Москве написали «Кацо, убирайся домой!», то это было бы приятно. Конечно, здесь речь идет о тактике и о стратегии.

Второй момент. Не имея никаких гарантий западной поддержки ни тогда, ни сейчас, не надо было Грузии с такой скоростью, такими темпами убегать от России. Добившись независимости ценой больших усилий и жертв, можно было начинать строить свои отношения

с Россией по-другому. Кое-кто воспринимает пророссийскую ориентацию как наше желание вступить в российско-белорусский союз – абсолютно ничего подобного. Необязательно вступать в этот союз, можно быть независимым государством, отстаивать свои интересы, но иметь пророссийскую ориентацию или быть союзником России. Далеко не все знают и помнят, что с медведем шутить нельзя и бороться с медведем можно только тогда, когда ты уверен хотя бы в том, что кто-то тебя реально поддерживает. Иллюзии по поводу того, что Россия развалится, прошли. Сейчас идут разговоры о желании России вступить в НАТО... Да Россия же развалит НАТО! У нее цель – развалить НАТО изнутри. Надо исходить из прагматизма. Отсутствие прагматизма погубило многих грузинских политиков и тогда, и сейчас, и в целом страну, я так считаю. Здесь говорили о проблеме, связанной с Чечней. Я не могу полностью согласиться с Давидом в том, что Грузия оказалась единственной страной, которая поддержала Чечню. Скорее всего, внешне это действительно выглядело так. Если во время первой чеченской войны 1994-96 гг. Шеварднадзе несколько раз официально заявлял, что мы поддерживаем Россию, ее территориальную целостность, конституцию и т.д., и в то же время оппозиционные политики заявляли, что мы симпатизируем чеченцам – внешне это напоминало игру, хотя игры здесь не было: президент, наверное, обязан был говорить так, а оппозиция – по-другому. Но во время второй войны уже таких громких заявлений не было. Я думаю, что, скорее всего, Грузия понимала, что полностью не смогла бы предотвратить проникновение в страну большого количества беженцев – женщин, детей. Хотя Азербайджану удалось официально, резко и демонстративно не допустить их на свою территорию.

Давид Бердзенишвили. Там они все равно есть.

Тенгиз Пачкория. Есть, но не в таком количестве. Там было несколько публичных возвращений прямо из аэропорта. Здесь же Грузия просто не могла проконтролировать многочисленные тропинки в горах – это было просто невозможно, этого даже российские пограничники не смогли бы. Просто грузинское руководство не контролирует в полном объеме эту ситуацию. Интересно, что российская сторона букваль-

но два месяца назад заявила, что на территории Панкисского ущелья действует мощная чеченская радиостанция «Ичкерия», которая вещает на Северный Кавказ и т.д. Ответ грузинских официальных лиц был таким: «Мы получили ваш запрос. Мы будем искать, и в случае обнаружения мы не допустим, чтобы на территории Грузии функционировала незаконная, нелегальная, нелицензированная радиостанция».

Давид Бердзенишвили. Но не обнаружили.

Тенгиз Пачкория. Пока не обнаружили. *(Смех в зале.)* Поэтому я думаю, что скорее всего, это просто внешне выглядит так, будто мы поддерживаем Чечню больше, чем другие. Может быть, здесь есть еще один такой момент, что в глазах мировой общественности это выглядит как сочувствие беженцам и пр.

Я не могу согласиться с Давидом, что грузинская диаспора в Турции сильнее защищала и может и в будущем сильнее защищать интересы своей родины, чем абхазская диаспора. В чем это проявляется? Мне трудно судить, но если взять тот же период войны в Абхазии и послевоенный период – турецкие абхазы оказывают значительную политическую, моральную, продовольственную, военную и иную помощь. Турецкие грузины, может быть, по каким-то секретным каналам оказывали такую помощь, но я никакой помощи не замечал. Если даже не брать в военном плане, а просто взять период последних лет, в Турции было несколько инцидентов, например, когда сборная Грузии по баскетболу играла с турками и местная абхазская группа болельщиков фактически заставила сидящих в баскетбольном зале местных грузин убрать грузинский флаг. Это вроде бы бытовой эпизод, спортивный. Но я очень сомневаюсь в том, что наша диаспора и эта группа «гурджи» в том или ином вопросе была сильнее, чем абхазо-северокавказская диаспора. Хотя, в принципе, я знаю, что между ними тоже были контакты, переговоры, они думали, как урегулировать этот конфликт, какой вклад они могут внести и т.д.

И, наконец, вопрос возвращения беженцев и те вопросы, о которых говорил Зураб. Я не думаю, что урегулирование конфликта надо сводить к проблеме беженцев. Это 274 тысячи официальных вынужденно перемещенных лиц, которые, по официальным данным, нахо-

дятся на территории Грузии, и более 50 тысяч за ее пределами. Какая-то их часть уже адаптировалась, другая часть уехала, третья часть, например, вообще не хочет адаптироваться. Например, я тоже не имею такого желания. Не потому, что я плохо отношусь к жителям Тбилиси или Кутаиси – это своеобразный внутренний протест, хочется сохранить свою, так сказать, ауру. Каждый по-своему это воспринимает, но если вопрос только в том, чтобы вернуть беженцев – пройдет время, часть выйдет замуж, женятся, уедут... Нужно одно или два поколения, чтобы основная их масса смешалась с этим обществом. Но дело не в них. Конечно, заблуждаются те, кто утверждает, что «неурегулированность абхазского конфликта мешает развиваться Грузии». Очень заблуждаются те, кто думает, что если сегодня признать независимость Абхазии, она от нас отойдет, мы начнем строить дружеские, добрососедские отношения, и на этом крупные проблемы Грузии закончатся. Ничего подобного. Те внешние силы (не обязательно северные), кто содействовали отторжению Абхазии, они будут и дальше использовать любой шанс, чтобы завладеть другой частью, другим регионом Грузии, и в первую очередь – черноморскими регионами. По вашей логике, надо сразу всех отпускать. Я чему удивляюсь? Сторонников признания Абхазии я спрашиваю: «Почему вы тогда не допускаете того же самого в отношении Аджарии? Почему вы против того, чтобы и другие регионы Грузии – Имеретия, Мегрелия, Гурия и др. – получили статус внутренней автономии?»

Давид Бердзенишвили. Потому что Аджария не ставит вопрос о независимости.

Тенгиз Пачкория. Нет, Аджария этот вопрос не ставила и не ставит.

Давид Бердзенишвили. Да, и не поставит никогда. Зачем обвинять Аджарию при обсуждении вопроса о дезинтеграции Грузии?

Тенгиз Пачкория. Я не обвинял Аджарию, я говорил, что, если отпустить Абхазию, то на этом проблемы Грузии не решатся. Дело не в том, ставит ли Аджария или не ставит этот вопрос. Дело в том, что эти силы, как за рубежом, так и внутри Грузии, не успокоятся и будут и дальше отторгать от нее разные регионы и разрушать страну.

Давид Бердзенишвили. Подтекст таков, что дезинтеграции Грузии будут способствовать американцы.

Тенгиз Пачкория. Пусть даже и американцы, а почему бы и нет? Вот вы говорите, что мы не хотим, чтобы Россия участвовала в приватизации в Абхазии, если дело дойдет до приватизации. Те же самые разговоры идут в Тбилиси – что российские кампании не должны участвовать. Допустим, Россия оказывает политическое давление на Грузию, тут всё ясно. Но почему то же самое нельзя сказать в адрес Франции, Америки, Великобритании? Почему? Из-за того, что Россия держала нас под колпаком двести лет? Пройдет еще двести лет, и следующее поколение грузин будет говорить, что двести лет нас держит под колпаком Америка. Зачем мы меняем одну форму закабаления на другую форму закабаления? Я не говорю о западной культуре и цивилизации, это совершенно другое. Я говорю о политическом закабалении. Я, например, считаю и могу заявить, что Соединенные Штаты Америки заинтересованы в консервации абхазского конфликта в рамках борьбы за вытеснение России с Кавказа. Это – их право, Америка стремится к своим целям, и никто ее за это не осуждает. Америку это устраивает, но мы должны отстаивать свои интересы. Мэлор Стуруа – я считаю его одним из величайших журналистов – писал: «Вы должны отстаивать свои интересы, вы не должны менять подчинение Москве на подчинение Вашингтону. Вы должны отстаивать свои интересы и с теми же американцами, и с теми же россиянами, иначе вас никто уважать не будет ни как государство, ни как народ, ни как страну. А если вы будете уступать во всем, лишь бы уступить, этого не поймут ни американцы, ни русские и никто другой».

Арда Инал-Ипа. Меня немного удивила острая реакция на высказанные опасения по поводу России. Я, например, со стороны России никак не ожидаю признания независимости Абхазии. Для нее это был бы нежелательный прецедент – я имею в виду войну в Чечне и вообще проблемы на Северном Кавказе. Конечно, Россия очень помогла Абхазии и в чем-то продолжает помогать и поддерживать, и я этого не забываю. Но ожидать действительного политического ре-

шения в желаемой для абхазов форме я никак не могу, потому что интересы России совершенно в другом. Мне как-то случайно в Ленинке попался том из серии этнографических и исторических исследований, посвященный Уралу. В 20-30-е годы как-то очень откровенно писали о политике царской России, сейчас уже этих вещей не прочтете. Это была книга, если не ошибаюсь, 1931 г., и там была статья, в которой описывались события, связанные с завоеванием Россией Башкирии. Оказывается, для покорения Башкирии страшным образом были казнены до десяти тысяч башкиров. Писали об этом сами русские ученые. Мы немножко забываем и о том, как это государство завоевывало Кавказ, и как сейчас в России относятся к лицам «кавказской национальности». Почему так безусловно держаться именно за эту и только за эту ориентацию – я не понимаю.

Я благодарна Зурабу за его выступление. Мой пессимизм в некотором смысле немножко развеялся, потому что я услышала какие-то новые предложения, над которыми очень хочется подумать и о чем-то поспорить. Мне кажется, что здесь заложены некоторые возможности для продвижения. Если бы подобные предложения появились в 1994 г. или тогда, когда предлагалось союзное государство, переговоры могли бы и не зайти в тупик. Я думаю, здесь много интересно. Я считаю, что признание Грузией Абхазии, даже с теми или иными оговорками, стало бы очень серьезным шагом и для решения чеченской проблемы. Это очень важно. Мы много говорим о каких-то общекавказских гарантиях, но даже если мы будем хотя бы думать в этом направлении, то это рано или поздно окажет позитивное влияние на общую ситуацию.

Паата Закареишвили. Мне очень понравилось выступление-вопрос Батала, но я очень недоволен ответом Зураба. Потому что при чем тут Россия? Даже если Россия будет значительно демократичнее, чем Грузия, почему мы должны смешиваться друг с другом? Голландия демократичнее, чем Россия, но никто не ставит вопрос, почему Абхазия, например, не ориентирована на нее – Абхазия никакого отношения к Голландии не имеет. Хотя, к сожалению, сегодня, я думаю, Шеварднадзе при такой ситуации ответил бы Ларри Кингу еще хуже. Я никак не считаю его лучше, чем Путин.

Зураб Чиаберашвили. А как ответил бы Клинтон?

Паата Закареишвили. Не в Клинтоне дело. Дело в грузинах, в нас. Как отвечал Шеварднадзе Мише Мачавариани, когда тот подал в отставку? Или как он себя повел во время псевдвоенного переворота, например? Демократы-президенты так себя не ведут. Так что он для меня не лучше Путина.

Если смотреть на Россию, в какую сторону она развивается, то надо смотреть на законы, которые там принимаются. Батал задал правильный вопрос – чем российская демократия хуже, чем грузинская? Он был абсолютно прав, когда говорил: «Среди вас, грузин, я вижу таких же людей, каких я вижу и в России». Чем мы лучше? На уровне гражданского общества, на уровне тех людей, которые и в России, и в Грузии хотят построить гражданское общество – все похоже друг на друга. Но ни мы, ни они не имеем никаких рычагов влияния на власть, на политиков, которые ведут себя абсолютно бездарно и безобразно. И поэтому твой ответ меня удивил, потому что ты почему-то захотел поставить под сомнение демократичность России в лице ее президента, хотя в его недемократичности никто не сомневается. Я постараюсь ответить на вопрос по-другому. Независимо, кем является Россия. Пусть она будет хоть более демократичной, чем Грузия, хоть менее демократичной. Речь идет о конфликте между Грузией и Абхазией. И формально, и фактически это так. Кто в него вмешивается, чьи грязные или чистые руки в него вмешиваются – это совсем другое дело. Факт тот, что между нами конфликт, и если мы хотим какого-то разрешения конфликта, мы должны понаравиться абхазам, и абхазы должны нам поверить. Дело не в том, что Россия хуже нас. Ты почему-то захотел показать Баталу, что русские – плохие. Меня абсолютно не волнует, какие они, русские. Какие мы – вот что для меня важно. Потому что очень легко сваливать свои проблемы на других. Мы в Грузии очень часто ищем причины наших проблем где-то вовне, часто их видим в России, в том, как ведет себя Россия или как ведут себя другие, западные страны, например. Для меня важно, насколько мы – те, кто представляет наше общество, кто выходит на абхазов и хочет их как-то заинтересовать новой Грузией, новым лицом Грузии – насколько мы можем дать какие-то

гарантии за грузинское общество? Готовы ли мы взять на себя такую ответственность, и заявить, что мы именно то общество, которое для них должно быть интересным? К сожалению, два года тому назад я мог бы смелее сказать, что мы на что-то способны, что вы на самом деле должны нам поверить, и что вы увидите, что у нас много общего. Сегодня, к сожалению, все становится хуже и хуже. Я не вижу, например, никаких оснований, чтобы сказать абхазам: «В прошлом году у нас было так хорошо, а в этом году еще лучше. А в следующем году будет еще лучше». Раньше я видел какой-то прогресс, но сейчас не вижу. Мне кажется, что когда возникает вопрос о том, что мы можем предложить, то мы должны быть готовы осознать, на что мы способны сегодня. Тенгиз сказал, что не согласен с утверждением, что неурегулированность абхазского конфликта мешает развитию Грузии. Я тоже. Я абсолютно согласен с тем, что пока Грузия не будет способна найти внутри себя какую-то энергию, она никогда не сможет урегулировать проблему в Абхазии. Никогда. Потому в этой ситуации, в такой Грузии урегулировать проблему Абхазии невозможно. И любой другой вопрос тоже невозможно урегулировать. Поэтому надо ставить целью не урегулирование абхазского конфликта, а создание государства как такового. В том числе строить отношение даже к своим беженцам, перемещенным лицам, которые находятся внутри. То, как государство к ним относится, покажет, насколько оно их ценит и насколько для него важны люди. А сейчас их всячески стараются использовать как пушечное мясо. Государство всегда старается ими спекулировать. Вот, мол, у нас нет бюджета, потому что у нас столько-то беженцев, пенсии раздавать не можем из-за беженцев, какие-то другие вопросы не можем решать тоже из-за беженцев. Все валят на них, и никто их не защищает. Как только мы стараемся защитить перемещенных лиц и сказать, что у них свои права, они должны выбирать своих депутатов по мажоритарному принципу в местное самоуправление – они обижаются: вы, мол, не хотите нас вернуть в Абхазию. Когда кто-то из них выступает на митингах и обвиняет нас, то остальные молчат, и никто из их среды не вступает в спор и не говорит, что это не так. Может быть, кто-нибудь про себя и думает по-другому, но он не выступает. К сожалению, пропадает всякое желание помочь им в отстаивании всех их прав, потому что

они сами не хотят защищать свои права. Я не знаю, насколько людям приятно находиться в болоте. Ты протягиваешь руку, чтобы вытащить его оттуда, а он не хочет. Он считает, что ты ему делаешь плохо, настолько люди привыкли к такому состоянию. Это относится и ко всему обществу. Все привыкли так жить, никто не хочет меняться, никто не хочет чего-то другого. Это не общество. Потому что мы живем не в обществе. Мы в лучшем случае живем в общине. У нас какие-то общинные отношения. У нас нет никакого желания изменить что-то – а вдруг станет хуже? А хуже уже невозможно. Ниже пола уже невозможно упасть.

Георгий Анчабадзе. Это не общинные отношения, потому что там все отношения строго регламентированы.

Паата Закареишвили. Здесь тоже все строго регламентировано. Есть лидер, дальше лидера идти нельзя, самое главное – что скажет лидер. При этом неважно, что именно он говорит – хорошее или плохое, для них важно, что он что-то сказал. Поэтому я считаю, что нужно не сравнивать себя с абхазским или с российским обществом, а находить в себе какую-то энергию и рассчитывать на себя. То есть задаться вопросом – на что мы способны сегодня? Что мы можем предложить сегодня, с одной стороны, абхазскому обществу, а с другой стороны – грузинскому? Потому что я чувствую, что даже наше движение, так называемое гражданское общество, превратилось в общину. У нас тоже общинные отношения. Мы друг друга знаем хорошо, на одних и тех же встречах всегда одни и те же люди, одни и те же люди проводят разные митинги, одни и те же люди пишут статьи. Я заранее знаю, что будет писать, например, Зураб.

Зураб Чиаберашвили. Ну и что я тебе сейчас отвечу? *(Смех в зале.)*

Паата Закареишвили. И мы, хотя и называемся гражданским сообществом, но на общество не влияем. Мы замкнулись в собственном кругу. Недавно устроили встречу в парламенте с новыми лицами. И все лица оказались старыми, ни одного нового лица там не было. К сожалению, мы варимся в своем соку, и никакого выхода на обще-

ство (если это можно назвать обществом), вот на эту массу людей, которые являются гражданами Грузии, или населением Грузии, или народом Грузии, у нас нет. Они плывут себе по течению, и, к сожалению, пропасть между нами расширяется и расширяется. То есть не заполняется, а наоборот – расширяется.

Зураб Чиаберашвили. Я во многом согласен с Паатой. Но сейчас я уловил одну ошибку, которую мы все совершаем на протяжении уже многих встреч. Дело в том, что мы находимся в каком-то ожидании. Нам представляется, что будет смена правительства в обоих обществах, многое изменится, и мы должны готовиться к этой смене, чтобы потом выдвинуть некоторые проекты, предложить некоторые схемы, после чего будем договариваться. Я говорю вам – качественной смены не будет. Ее не будет еще десять, двадцать, тридцать лет. Не будет. Это обман, в котором мы живем – те, кто сидит за этим столом. Поэтому мы должны выдвигать такие требования, что даже если за стол переговоров сядут Шеварднадзе и Джергения или Шеварднадзе и Ардзинба, или Арсенишвили и Джергения, то они смогли бы их обсуждать. Что я имею в виду? Я сейчас не о демократии говорю. Для меня сейчас главный критерий – уменьшается ли российское влияние на Кавказе. Если абхазы выдвигают какое-то предложение, я смотрю на это так: если оно способствует уменьшению российского влияния, я на него соглашаюсь, если не способствует – не соглашаюсь. И всё. Это совсем не касается демократии. Конечно, когда я говорил, что Путин – не демократ, я не говорил, что мой Шеварднадзе – демократ.

Есть еще другой миф. У Тенгиза, по-моему, есть такой миф: если обе стороны – и абхазы, и грузины – окажутся в российском пространстве, то конфликт будет урегулирован. Не будет урегулирован!

Тенгиз Пачкория. Я не говорил ничего о российском пространстве.

Зураб Чиаберашвили. Или если мы оба будем в западном пространстве. Существует такой миф, будто конфликт у нас потому, что Абхазия находится в пророссийском пространстве, а Грузия – в прозападном, и если обе окажутся в едином пространстве, то конфликт будет

урегулирован. Это – миф. Если мы окажемся в российском пространстве, то это не будет означать, что конфликт быстро и мирно разрешится – это не то пространство, не тот менталитет, не та культура, где конфликты разрешаются мирным путем.

Давид Бердзенишвили. В западной культуре тоже не разрешаются.

Зураб Чиаберашвили. По поводу западной культуры тоже есть много сомнений. Поэтому я и говорю, что дело не в демократии. Я, конечно, согласен, что если в Грузии создается механизм для решения сложных проблем, это будет хороший сдвиг в сторону урегулирования и абхазского конфликта. Но здесь мы должны использовать не демократическое, а чисто геополитическое видение. Я вообще люблю демократию, а не геополитику, и когда пишу о грузинских проблемах, часто говорю, что Запад иногда продает нас из геополитических соображений. (Например, когда Запад признает президентом Шеварднадзе – нелегитимного президента, мы все это знаем – это продажа нас, демократов в Грузии.) Но когда Абхазия и Грузия договариваются между собой в таком контексте, мы все-таки должны мыслить именно геополитически. Именно из геополитических соображений, чтобы ослабить Россию, Западу, возможно, когда-нибудь понадобится чеченская независимость. И чтобы был прецедент для такой независимости и пересмотра границ, может быть, именно Запад надавит на грузинское правительство, может быть, даже на недемократическое правительство Шеварднадзе, и заставит его признать независимость Абхазии. Это тоже возможный сценарий, об этом тоже мы должны думать. Поэтому, когда я говорю, что я не хочу, чтобы Абхазия оставалась под влиянием России, то не потому, что я задумываюсь о том, демократично ли будет устроена Абхазия. И если я об этом буду думать, то только в связи с одним вопросом – защищены ли там права беженцев или нет. Всё остальное – это дело абхазов, я об этом даже не хочу думать, это их дело, хотят они демократию или нет. Если я хочу демократию в Абхазии, то для того, чтобы возвращенные туда грузины ощущали себя жителями свободной страны, чтобы у них там были условия для развития и самореализации. А захочет ли Абхазия быть членом Совета Европы или другой органи-

зации – это ее дело. Таким образом, я не о демократии говорю. У меня есть четкий критерий – это уменьшение влияния России. Даже если Россия будет демократической, это еще не повод для того, чтобы я отказался от этого критерия.

Давид Бердзенишвили. После этих теплых слов про демократов (*смех в зале*), которые я услышал от Тенгиза и от Пааты, я просто вынужден напомнить, что я не демократ, я республиканец.

На наших встречах уже можно уловить некоторую динамику продвижения вперед (или, может, не вперед, а в какую-то сторону). Когда в Грузии пару лет тому назад было публично сказано, что Абхазия имеет право на создание независимого государства, это, естественно, было встречено в штыки не только беженцами, но и большей частью грузинского общества, политически активной частью. Тем не менее, эта идея была введена в политический оборот, в лексикон, и теперь уже обсуждаются разные модели, речь уже идет не только об общем государстве, но и создании некоего гипотетического общего пространства. Но эти обсуждения, естественно, не могут продолжаться до бесконечности, потому что мы так или иначе связаны реалиями. Это не научная конференция, и мы не только получаем интеллектуальное наслаждение и высказываем какие-то гипотетические идеи, но и стараемся как-то сбалансировать существующие реалии и возможные варианты выхода из этой тупиковой ситуации. А ситуацию я считаю тупиковой не только для Грузии, но и для Абхазии.

Зураб больше говорил о геополитической аргументации, чем о демократической. Однако я не думаю, что одно исключает другое, наоборот. Геополитические интересы России на Кавказе – с ее опытом, с ее сегодняшним днем и войной в Чечне – и геополитические интересы североатлантических структур – не одно и то же. Я не русофоб. Если бы я видел, что Россия движется в сторону усиления демократических структур, и если бы я видел возможность вхождения России в евроатлантическое пространство через пять, семь, десять, хотя бы пятнадцать лет, и если бы это евроатлантическое пространство протянулось бы от Атлантического океана до Ванкувера, с одной стороны, через всю Европу, Россию, Японию – если бы я видел такую возможность, я был бы не против. Наоборот, я был бы рад.

Но, учитывая существующие реалии, я не вижу такой возможности. У меня нет такого подхода – во что бы то ни стало вытеснить Россию с Кавказа. Но путинская Россия – это Россия беспартийная, недемократическая, это Россия, которой нужна атрибутика из советского и царского прошлого – это и есть символы современной России. Мои друзья в Москве стараются не слушать свой гимн, потому что их этот «старый новый» гимн очень раздражает. Но они, в том числе и в политических кругах, хорошо понимают, что находятся еще в большей изоляции от российского истеблишмента и, что еще хуже, от российского общества в целом, чем мы с Паатой и Зурабом от нашего грузинского общества и вы от абхазского общества. Поэтому я не вижу для России возможности продвижения вперед. Наоборот, на Кавказе и вообще по всему миру (по всему миру им просто не дают возможности) Россия действует старыми методами, так, как умеет. А как она умеет на Кавказе, мы хорошо помним. Россия завоевывала Северный Кавказ при помощи значительной части Южного Кавказа – и, кстати, при помощи грузин, потом армян и т.п. Тогда Россия имела больше возможностей контролировать этот регион, чем сейчас. Сейчас она фактически в изоляции. Но она наращивает силы, она наступает. Наступает, потому что этот регион абсолютно не в состоянии противостоять российскому натиску. И поэтому, когда я говорю, что у нас есть интересы в Чечне, на Северном Кавказе, я абсолютно прагматично считаю, что эти наши интересы могут способствовать урегулированию грузино-абхазского конфликта. То есть, эти внешние факторы, региональные факторы – северокавказский, турецкий, евроатлантический – эти факторы могут способствовать уменьшению напряженности в грузино-абхазских отношениях. Поэтому, учитывая и геополитику, и возможности демократизации Грузии, а мы это связываем с североатлантическим пространством, потому что за десять лет мы, к сожалению, убедились в том, что у грузин не хватает внутреннего ресурса для построения демократического общества и государства... Я часто говорил, что грузинская государственность фрагментарна, не сложилась. В последнее время я думаю, что дело обстоит еще хуже: может быть, грузинская государственность уже сложилась, и сложилась такой, какая она есть. Ведь многие латиноамериканские государства на протяжении ста с лиш-

ним лет существуют как государства со своим флагом, атрибутикой, но они вот так живут. Может быть, кто-то в Грузии напишет хороший роман, поставит хороший спектакль, может быть, появится хорошая футбольная команда. Но все равно, как бы мы это не называли – псевдогосударством или «ткемалевой республикой»... Это мы с Ивлианом Хаиндрава придумали такой термин: из-за отсутствия своего банана, наш стратегический продукт – это ткемали, застолие и т.д. И еще в грузинском языке есть такое выражение: когда кто-то говорит неадекватно, о нем говорят, что он «сидит на ткемали». Вот у нас власти думают, что народ сидит на ткемали. А народ считает, что власти и вся политическая элита – на ткемали. И получается, что в оценке друг друга и власть права, и народ прав. У нас власть и народ изолированы друг от друга, поэтому и государство сложилось вот такое. Оно существует, оно не рухнуло, оно не гибнет. Когда мы имеем реальные опасения, не стоит, не имеет смысла вводить новые псевдоугрозы. Нет угрозы сепаратизации Аджарии, не может быть такой угрозы у населения, которое считает себя грузинами и обижается, когда кто-то считает их какими-то «другими грузинами».

Тенгиз Пачкория. Можно, я вас перебью? Они говорят, что внешние силы используют Аджарию, чтобы оторвать ее от всей Грузии – только так я сказал.

Давид Бердзенишвили. Я об этом и говорю. У нас и реальных угроз хватает. Почти все карты на территории Грузии разыграны. Сейчас проблема, как правильно было сказано, в нас самих: сможем мы создать нормальное общество или не сможем? Если вернуться к мысли Зураба – да, это длительный процесс. Может быть, мы так и останемся на этой зачаточной стадии создания нормального государства, останемся на стадии постсоветской Грузии, «ткемалевой» или фрагментарной, но это не фатальная неизбежность. Никто не знает, какие политические силы – скорее всего, харизматические – плохие или хорошие, придут к власти после Шеварднадзе. Во внешней политике, по крайней мере, и в какой-то степени в уменьшении роли коррупции у нас еще есть шанс. И рано еще говорить, что уже все опре-

делилось, что Грузия – такая, какая она есть. Я согласен с Зурабом, что не стоит ожидать, что в ближайшие годы Грузия вдруг станет процветающей страной и власти будут очень хорошими. Они могут быть лучше нынешних, но могут быть и хуже (правда, хуже уже вроде бы некуда). Но независимо от того, насколько они будут способствовать продвижению Грузии в сторону независимости, в сторону государственности, мы все же работаем и для тех условий. Если в Грузии и в Абхазии будет хоть чуточку лучше, чем сейчас, то мы со своим промежуточным подходом должны быть к этому готовы. На протяжении вот этих встреч и этих трех лет с нашей стороны было четко, ясно и прямо сказано, что в принципе мы рассматриваем возможность существования независимого абхазского государства. Но мы рассматриваем этот вариант, естественно, не как посторонние наблюдатели, а как возможность реализации как грузинских, так и абхазских интересов. И мы не видим возможности реализации и тех и других интересов в такой ситуации, когда Грузия ориентирована, хотя бы во внешней политике, на Запад, а Абхазия является заложницей России. Я думаю, что и Грузия долгое время была заложницей и в какой-то степени продолжает оставаться ею и сейчас. Скажу хуже: я думаю, что, может быть, те демократические институты Грузии, которые как-то существуют на уровне НПО и разных политических групп, долгое время были заложниками власти Шеварднадзе. И мы это ощущали, но у нас не было возможности выйти из этого состояния. Гамсахурдия, Шеварднадзе, Джаба Иоселиани, Шеварднадзе... То есть, мы все время старались, но не смогли создать альтернативу. Так что ситуация, я думаю, такая: с одной стороны, Россия в какой-то степени контролирует Абхазию, но не полностью и вроде бы чем-то ей помогает, но с другой стороны, Россия мешает ей идти вперед, мешает ей стать настоящим государством и обществом. России это не нужно – зачем России полнокровное, живое абхазское общество? Поэтому предложенный нами подход базируется на подлинных, ярко выраженных грузинских интересах. Возможно существование абхазской государственности в общем пространстве с Грузией, где защищены интересы безопасности как Грузии, так и Абхазии.

А что касается беженцев, я скажу об этом в своем докладе. Естественно, эта государственность видится нам не как моноэтническая

абхазская государственность, и, естественно, этот вопрос связан с беженцами. А о механизмах мы поговорим попозже.

Батал Кобахия. Но она и сейчас не моноэтнична. 70 тысяч грузин, армян, русских – что значит «моноэтничная»?

Давид Бердзенишвили. Я хотел сказать, что будущая Абхазия видится мне не как – ну, скажу по-другому – этнократическое государство, где какая-то, значительная часть населения (допустим, русские) фактически не принимает участия в общественной и политической жизни. То, что там на птичьих правах сейчас грузины живут в Гальском районе – я не это имею в виду. Я имею в виду нормальные отношения.

Миша Мирзиашвили. Я начну с того, чем закончил свое выступление Зураб. Если Абхазия будет нацелена на построение государственности, а Грузия будет настроена на построение государства, где будут соблюдаться права личности, то они все-таки окажутся в пространстве, где та национальная идея, которая все время звучит в Грузии – о территориальной целостности вместе с Абхазией – будет осуществлена. В общем, и овцы будут сыты (абхазские), и волки (грузинские) будут целы. *(Смех в зале.)* Зураб считает – и в этом есть какая-то логика – что такие маленькие в сравнении с Россией общества, как Грузия и Абхазия, могут достигать каких-то целей, в том числе общественных преобразований, и осваивать западные ценности быстрее, чем Россия, большая и разношерстная. В маленьких обществах этот западный эксперимент может удаться быстрее, чем в большой России. В принципе, имеет право на существование и такая идея, что Россия может опоздать на этот поезд. Но преобразование наших обществ в демократические, переосмысление ценностей – это такая объемная цель, что это случится не завтра, даже если придет другое руководство, даже если в Абхазии и в Грузии целиком поменяют политиков и их окружение. Это долгий процесс. Поэтому для меня важно знать, как создавать предпосылки, чтобы дожить до этого? Для меня важно, что мы – те, кто здесь собираются – как бы стали заложниками двух сторон, гарантирующими, чтобы не произошло ухудшение отношений или столкновение. Мне кажется, что оба

общества – и абхазское, и грузинское – готовы к эскалации конфликта. По разным причинам, но мне кажется, что такая опасность есть. Для меня показательно уже то, что вот эта встреча произошла в Сочи, а не в Абхазии или в Грузии. В Абхазии или в Грузии эта встреча была бы для меня качественно другой. Для меня важно, чтобы я как грузин, который поехал бы в Абхазию, был бы гарантом того, что приеду я, а не приедут грузины на танках. И для общества это важно. Для общества важно, чтобы были обычные поездки...

Батал Кобахия. На танках тоже ездят. Позавчера, пока мы тут сидели...

Миша Мирзиашвили. Да, какие-то криминалы свободно переезжают границу, они без проблем переходят границу в ту и другую сторону. Мне не нравится, что не могу приехать я. Я считаю, что это ненормально.

Только что в Сочи завершилась молодежная встреча. Манана согласится, что это была очень интересная встреча. Мне чего-то не хватало, потому что я не смог поговорить со всеми. Там были очень интересные люди, и мне хотелось подолгу говорить с каждым. Может, они этого не хотели, но я это хотел. И я хочу сказать, что та встреча показала мне, что мы не должны замыкаться в своем кругу. Я очень вас всех люблю, конечно, но мы не должны ограничиваться только личностными отношениями. Это дело должно продолжаться. Та встреча с молодыми мне показала, что есть перспектива, потому что они общались более открыто. И мне показалось, что они были, так сказать, более легкими. Я хочу сказать, что наша идея должна уйти в молодежь.

Абесалом Лепсая. Я хочу подхватить ту нить, которую развивал Миша. Конечно, когда мы говорим о народной дипломатии, расширение круга и т.д. – это важно. И в нашем кругу тоже надо, конечно, как-то стараться привлекать новых людей, проводить ротацию. В принципе мы в какой-то степени это и делаем, как мне кажется. Но немножко наивно думать, что если мы будем включать новых людей, это само по себе выведет нас на новый уровень. Они тоже потом исчерпают свой ресурс, мы к ним притремся и опять будем вращаться в одном кругу. Это будет просто видимость новизны, ничего больше.

Важно не столько расширять этот круг в количественном плане, сколько стараться производить новые идеи. Вот что самое главное. Конечно, мы можем сказать, что новый человек принесет новую идею. Но так не всегда бывает. Немножко наивно думать, что расширив наш круг, мы автоматически получим какой-то прирост.

Возвращаясь к вопросу о России, мне кажется, что Зураб в своем докладе немножко смешал разные вещи. Отвечая на разные вопросы, он немножко смешал две вещи – это когда он говорил о России как о государстве и о ее роли в нашем конфликте. Может, я кого-то этим обижу, но в плане демократии между Грузией и Россией, на мой взгляд, нет какой-то принципиальной разницы. Просто Россия – это огромная страна с более тяжелым прошлым, и, естественно, какие-то вещи там проявляются в более масштабных и грубых формах. Но какого-то цивилизационного конфликта или цивилизационного выбора между Грузией и Россией для Абхазии, в принципе, нет, потому что и в Грузии пока и демократия, и ориентация на Запад носят поверхностный характер. Это все еще не укоренилось, и об этом открыто говорят сами наши грузинские друзья. Другое дело, когда мы говорим, что раз нам надо урегулировать конфликт и найти какое-то решение, то это решение должно быть самостоятельным. То есть никакое решение не будет прочным, если стороны не придут к нему самостоятельно. А вот тут-то как раз и встает вопрос о влиянии России и Запада, но Запада в меньшей степени. Является ли Абхазия дубинкой или заложницей, можно разные сравнения подбирать, но ясно, что имеет место очень сильная степень зависимости. В этой ситуации действительно важно сделать так, чтобы найти какой-то механизм, который позволит немного высвободиться и встать в более самостоятельную позицию по отношению к России. Иначе мы не сможем самостоятельно найти такое решение, которое действительно соответствует нашим интересам. Вот этот момент действительно очень важный, и об этом стоит подумать. Потому что понятно, что Россия преследует свои интересы – конечно, это огромная страна, у которой действительно есть интересы на Кавказе, и мы никак не можем, да и не нужно, их игнорировать. Их надо учитывать, но нельзя быть вот таким безвольным заложником или неким медиумом российских интересов. Нам нужно найти или высвободить

такое переговорное, пусть небольшое, пространство, где мы можем встать в хотя бы относительно независимую позицию по отношению к России. Это является одним из условий нахождения формулы мирного урегулирования.

Батал Кобахия. Мои вопросы к Зурабу вовсе не означали, что я чем-то недоволен. На самом деле, мне понравилось выступление Зураба. Основываясь на его выступлении, Арда высказала такую мысль, что признание независимости Абхазии облегчит и решение проблемы Чечни. И если Грузия стремится сегодня помочь Чечне (а она это декларирует), то в первую очередь она должна думать, как это сделать у себя дома. Когда Зураб сказал, что должен признать тот факт, что ни в Абхазии, ни в Грузии государственность не сформировалась, для меня это стало новой точкой отсчета наших встреч. Помните предыдущие встречи? Три–четыре года назад тогда еще оптимистично настроенный Паата говорил, что Грузия идет по пути демократических преобразований и это видно на каждом шагу. Приводилось очень много примеров, которые должны были показать, почему абхазам может быть интересно войти в состав Грузии. Теперь вы уже сами понимаете, что реально сегодня Грузия не является той страной, в которую Абхазия желала бы войти. Это тоже как-то облегчает нашу беседу – хотя наши позиции не менялись, а ваши изменились – но все равно, в каких-то очень глобальных вещах, очень важных вещах у Абхазии и у Грузии много противоречий: очень много факторов лежат в основе нашего конфликта. Но мы о том и размышляем, каким образом можно было бы уменьшить влияние этих негативных факторов и как настроиться на позитивное. Я очень рад, что на этой встрече Зураб отверг идею двойного гражданства для Абхазии, предположив, что в этом могут крыться возможности для будущих конфликтов интересов как индивидуумов, так и коллективов. Я, правда, не понял одну вещь, о которой говорил Зураб. Он говорил, что грузины могут пойти по тропинке индивидуализма, когда в первую очередь важны права индивидов, а не территориальная целостность, например (это прежде всего вопрос беженцев), а для абхазов могут и должны быть приоритетными коллективные интересы. Я вспоминаю одно интервью на телевидении, когда кто-то сказал: «Никаких кол-

лективных прав, пока не будут соблюдены индивидуальные права». Меня испугало, что вообще можно говорить о том, что сегодня для одних приоритетны одни права, а для других приоритетно совсем другое. А вместе о правах нельзя думать? Чтобы и мое право как абхаза, включая право на идентичность и т.д., было соблюдено, и просто мое право как человека, независимо от того, абхазец я или кто-то другой. Мне хочется, чтобы все это вместе было. Честно говоря, я не хотел бы жить в стране, даже независимой и признанной, если мои индивидуальные права там будут на втором плане.

Теперь к вопросу о России. Я вообще не являюсь сторонником ни Грузии, ни России. Дай мне возможность, то я вообще бы ни на кого не ориентировался. Но я не думаю, что это было бы возможным, потому что мы живем в мире, где рядом живут соседи, люди. Но почему-то все время ставится вопрос – либо с ними, либо с нами. Грузины говорят: мы готовы быть какими угодно, лишь бы вы не были с Россией. Вот такая постановка вопроса меня смущает.

Нодар Сарджвеладзе. Начну с того, что мне очень понравился доклад Олега Несторовича и доклад Зураба. И я не собираюсь их оценивать. У меня нет никаких комментариев к докладу Олега Несторовича, нет возражений или вопросов – все было понятно и приемлемо, и я обогатился какими-то новыми соображениями. Но в адрес Зураба, доклад которого мне тоже очень понравился, у меня есть некоторые возражения.

Первое. Прозвучал постулат, якобы на Балканах процесс скоро завершится и внимание будет перенесено на Кавказ. Я думаю, это иллюзия, потому что мы живем в постмодернистском обществе, в постмодернистскую эпоху, где конфликты не заканчиваются, они пролонгируются бесконечно, и когда мы надеемся на то, что балканский процесс завершится и Запад будет уже смотреть на Кавказ, то в этом немножко проявляется такая эгоцентристская позиция кавказского человека – мол на нас обратят внимание. Никто на нас внимания не обратит. Балканский процесс будет длиться долго. Так же, как и израильско-палестинский процесс: даже если Арафат получил Нобелевскую премию и сказал, что все урегулировано, будет второй виток, третий, и так далее до бесконечности. Поэтому я думаю, что это не совсем правильная аксиома.

Второе. Логика строилась таким образом, что Грузия добилась своего признания и дальше надо уже двигаться в направлении того, чтобы учитывать права и интересы отдельных людей, отдельного человека, и таким образом строить свое государство. Я абсолютно приветствую такую постановку вопроса. Более того, государственное строительство в Грузии только тогда и состоится, если она пойдет по пути этатизма. В данном случае это – не индивидуализм, а как раз этатизм. В современную эпоху государство иначе не построишь – главной ценностью должен быть человек, а не само государство.

И еще я задаю вопрос, который уже задавал Тенгиз. Ты правда думаешь, что кто-то со стороны Грузии в обозримом будущем будет готов признать абхазскую независимость? Я считаю, что это невозможно.

Батал Кобахия. Кто-то же признает?

Нодар Сарджвеладзе. Абсолютно невозможно. Это тоже иллюзия. Я приветствую твой пафос и твою идею о том, что это было бы хорошо, но реальность такова, что это невозможно. Почему? Я попытаюсь обосновать. Во-первых, ни один правитель, который добьется власти, не попытается потерять свою власть. Раз он добился власти, то он должен укрепить свои позиции. А признание территориальной нецелостности для любого президента было бы невыгодным шагом в плане удержания или укрепления своей власти. Это во-первых. Во-вторых, территориальная неприкосновенность и целостность Грузии уже зафиксирована и закреплена во всех документах на международном уровне. Великие державы не будут диктовать Грузии, чтобы она отказалась от Абхазии и признала ее. Это их не устраивает, а самостоятельно Грузия ничего не будет решать еще долгие времена.

Реплика. А как Чехословакия?

Нодар Сарджвеладзе. Я согласен с Паагой, что мы должны полагаться на свои внутренние ресурсы. Но какой бы внутренней мобилизации своих богатейших внутренних ресурсов мы ни достигли, все равно в обозримом будущем мы должны будем учитывать

те позиции, которые существуют в современном мире, в постмодернистскую эпоху. Постмодернистская эпоха – это эпоха замороженных конфликтов и вообще заморозения. Это эпоха, которая не любит перемен, пересмотра. Мир уже полностью разделен, и такие вопросы пересмотру не подлежат. Иллюзии были у Ираклия Церетели о том, что завтра он вступит в НАТО. Так быстро ничего не бывает.

Арда Инал-Ипа. Простите, что перебиваю, но, например, Союз совсем недавно распался, и Югославия тоже. *(Шум в зале.)*

Нодар Сарджвеладзе. Как раз в том-то и дело, что советская система со своими сателлитами распалась, а сейчас то, что осталось от этих остатков, будет сохранено. Давид привел прекрасный пример латиноамериканских стран, у которых уже давно были созданы государства, но они остались на том же уровне. Они тысячелетиями будут оставаться такими же – так же как и мы. Это мое мнение.

Поэтому я сомневаюсь в том оптимистическом прогнозе, по которому в Грузии появится какой-то новый правитель или новая группировка, которая пойдет по этой линии – по линии признания абхазской независимости.

А теперь третье замечание. На предыдущем семинаре со стороны Левана Рамишвили тоже прозвучала примерно такая же позиция. И сегодня почти та же позиция повторилась в докладе Зураба. Я, например, против такого типа мышления: «или – или». Или Запад, или Россия. Я думаю, что чем больше мы будем так мыслить, по принципу «или – или», то есть полностью отвергая Россию и устремляя взор только на Запад, ни на восток, ни на север, ни даже на юг, тем сильнее у нас будет иллюзия, что Россия исчерпала свои ресурсы влияния. То, что сейчас Россия ввела визовый режим с Грузией – это еще капля в море, у России есть неограниченные ресурсы воздействия. Это огромная страна со своими огромными ресурсами, не экономическими – это огромная империя, она еще скажет свое слово. Ведь чем больше противостояние с Россией, тем больше усиливается функция державы. И ты как грузин, со своим мышлением «или – или», способству-

ешь российской империалистической политике. *(Смех в зале.)* Я серьезно говорю. Я часто слышу такой подход среди молодого поколения – огульно отрицающий подход: только не Россия. И сейчас я думаю, что не стоит помогать России стать еще более деструктивной, исходя из грузинской конфронтации. Это упрощение – кричать «Долой Ванно! Здравствуй, Джон!». Если так действовать, то мы еще больше и больше, еще дольше и дольше будем зависимыми от России. Дело в том, что в психологии есть такой момент: чем больше ты антиконформист, тем больше ты конформист. Чем больше ты будешь бороться с Россией, тем больше зависишь от России. А потом ты ее не признаешь, отвергаешь. Вот ты хочешь признать Абхазию, но почему-то не хочешь признать Россию.

Давид Бердзенишвили. Если мы останемся хорошими друзьями с Россией, у Абхазии нет шансов на создание независимого государства. Россия не может признать Абхазию, потому что это сразу будет означать и признание Чечни и т.д.

Нателла Акаба. Это все ради Абхазии, да?! *(Смех в зале.)* Как благородно...

Нодар Сарджвеладзе. Вот Зураб здесь говорил о российском менталитете. Мы тоже должны изменить свой менталитет. Радикализм – а я в этом вижу какой-то радикализм – он в какой-то степени хорош, когда ты Декарт и пишешь радикальные вещи, потому что подвергаешь все сомнению; но в политике, когда от тебя зависит судьба людей, судьба наций и т.д., радикализм приводит к очень плохим последствиям.

Поэтому лично я приветствую позицию Тенгиза. Хотя он сейчас здесь не присутствует, но я его опять поддерживаю, как и в прошлый раз. Передайте ему, что я его поддерживаю... *(Смех в зале.)*

Но доклад был действительно очень хороший и очень интересный, потому что я сейчас высказываюсь «за»... *(Смех в зале.)*

Лиана Кварчелия. Когда вы, Нодар, говорите, что Грузия должна признать Россию, что это означает? Это означает, что Грузия должна

согласиться быть в ареале российских военно-политических интересов или согласиться на то, чтобы иметь базы на своей территории?

Нодар Сарджвеладзе. По поводу баз все уже решено и подписано.

Лиана Кварчелия. Да, но в том-то и дело, что Россия использует свои рычаги, в частности, использует ситуацию грузино-абхазского конфликта, чтобы вести торг вокруг тех же военных баз. Я помню, торг вокруг военных баз шел еще осенью 1996 г. Я тогда писала в своей статье, что независимость Грузии находится в прямой зависимости от независимости Абхазии. Сегодня грузинский интерес – ограничить российское влияние в Грузии, наш интерес – получить независимость от Грузии. В чем мы пересекаемся? В том, что Россия на сегодняшний день... вы, может быть, говорите о какой-то России будущего, но на сегодняшний день Россия, действительно, фактор, и мы должны согласиться, что Абхазия является заложницей и рычагом давления на Грузию. Поэтому в этом смысле, если под урегулированием, согласно Зурабу и Давиду, понимать признание независимости Абхазии, решение экономических вопросов, вопросов беженцев, то это, действительно, есть способ для Абхазии получить независимость, а для Грузии – ограничить влияние России. Это не означает, что мы все должны рвать отношения с Россией и делать вид, что этого огромного государства не существует. Тем более, если Россия тоже вынуждена считаться с теми процессами, которые происходят во всем мире. Просто, может быть, сделать эти отношения более цивилизованными и не оставить пространства для торга и размена Абхазии на военные базы и еще на что-то. Я бы не стала столь категорично говорить, что это невозможно. Кто мог подумать в 70-е годы, когда царствовал Брежнев, что Советский Союз развалится? Тогда это было абсолютно нереально.

Батал Кобахия. Я чувствовал...

Лиана Кварчелия. Ты чувствовал, но молчал? *(Смех в зале.)* Правильно Зураб привел пример Чехословакии, Восточный Тимор тоже сейчас в таком состоянии, Германия объединилась. *(Шум в зале.)*

...После того, как я пережила развал Советского Союза, просто уже не могу категорично утверждать, что больше уже ничего не произойдет.

Нателла Акаба. Может быть, и Америка развалится... *(смех в зале)* и беженцы к нам поедут...

Нодар Сарджвеладзе. Если Америка будет разваливаться, то мы против. Мы будем фасилитаторами. *(Смех в зале.)*

Лиана Кварчелия. Абесалом говорит, что мы должны создать некоторое пространство, независимое от России, и это будет способствовать урегулированию конфликта. Смотря что понимать под урегулированием. Я с этим не согласна, мне это как бы не представляется реальным. Я бы скорее сказала, что урегулирование конфликта в таком виде, о котором мы говорили – через независимость, решение экономических вопросов, вопросов беженцев – оно как раз освобождает, то есть тут связь идет в другом направлении. *(Шум в зале.)*

Давид Бердзенишвили. Конечно, мы абсолютно свободны обсуждать, есть ли шансы для подобного решения, нет ли шансов, признает ли Грузия или не признает – времени у нас достаточно. Я такой возможности не исключаю. Мы очень прагматично все это обсуждаем, и те грузинские политики, которые когда-нибудь в случае победы на выборах будут принимать такое или примерно такое решение, тоже, естественно, будут прагматично учитывать грузинские интересы. Мы ничего такого не предлагаем грузинскому народу, что противоречило бы его интересам. Территориальная целостность – это не грузинский интерес. Грузинские интересы – это грузинская государственность и, скажем так, единое пространство. Фактически, для грузинского общества этот подход означает понимание того, что есть грузинское пространство, грузино-абхазское пространство, региональное пространство – часть евро-атлантического пространства, мы не закрываем ведь эти коммуникации, а открываем. И граждане Абхазии, и граждане Грузии, естественно, будут иметь контакты. Речь идет о создании единого пространства, где Грузия имеет возможности для

сохранения своей безопасности, а Абхазия вместе с Грузией ищут и находят возможности обеспечения своих интересов. Так что, я не думаю, что вот этот стереотип – территориальная целостность – является таким уж серьезным препятствием, что в случае продвижения вперед нет возможности нахождения другой формулы взаимоотношений в рамках единого пространства. Я на прошлой встрече упоминал единое пространство Бенилюкса, я не о Сан-Марино говорю, не о карликовом государстве, я имею в виду Люксембург, соразмерное Абхазии государство – соразмерное по масштабам, а не по экономическим и другим показателям, и Грузия тоже далеко не Бельгия, да. Поэтому я не исключаю такой возможности, если будет желание не только продвинутой части грузинского общества пойти на такой риск, но и желание продвинутой части абхазского общества. Если эти разговоры останутся только в наших сборниках, это неплохо, но этого мало. Но если в Грузии свободно обсуждаются разные варианты, в том числе возможность существования независимой по всем формальным показателям абхазской государственности... О государственности – это другой разговор. По сути, то, что мы предлагаем на будущее – это означает: да, абхазское государство, и, можно заметить в скобках, это почти то же самое, что абхазо-грузинское государство под названием Абхазия. То есть грузины, которые живут в Абхазии, будут считать там себя в таком контексте, в такой системе безопасности, не какими-то второстепенными, чужими, и даже не первостепенным, но нацменьшинством, а полноправными гражданами и этого государства Абхазии, и... Я согласен с Зурабом, что если проблема махаджиров вам это позволит, гражданство должно быть одно – гражданство Абхазии (если другие проблемы вам не помешают). Но это государство входит в то пространство, где интересы Грузии защищены, и я не думаю, что Грузия от такого подхода что-то потеряет. Потеряет старая Грузия. Но скажу честно: я не уверен, и я много об этом говорил, что Грузия хватит своих ресурсов для сохранения нормальной государственности. Я хочу убедиться, что у Абхазии есть не просто желание.

Я не думаю, что Багал прав, что абхазская сторона не меняется (абхазская сторона – это не то слово), что представители Абхазии на наших встречах не меняются. Я думаю, что какие-то нюансы меня-

ются. В том же отношении к России. То есть какое-то продвижение, хоть на каком-то этом уровне, может быть. До этого все воспринималось так, что только под покровительством России, а также других, может быть, мы найдем общий язык. Сейчас разговор идет о минимизации функции и роли России в урегулировании нашего конфликта. Так что я думаю, что и от вас многое зависит, сможете ли вы поднять этот вопрос для абхазской общественности. Если этот вопрос будет поднят и в грузинских, и в абхазских средствах массовой информации, то мы посмотрим, какие политики, какие слои общества как отреагируют.

Батал Кобахия. Я отлично понимаю: ты говоришь (во всяком случае, сказал в конце), что абхазам и грузинам нужна общая судьба, общая идея, общий враг, против которого мы должны ополчиться, и если мы выберем в этом качестве Россию, то у нас, по твоему мнению, еще может что-то получиться.

Давид Бердзенишвили. Я бы сказал так: я думаю, что необходимость образа врага в лице России тогда отпадет. Я бы с удовольствием услышал какие-нибудь альтернативные возможности для абхазской государственности. Есть ли такая альтернатива, что Россия отделит Абхазию от Грузии? Это, во-первых, не в ее интересах, а, во-вторых, этого ей никто не позволит. И есть еще Чечня. Я ни разу не слышал альтернативы. Как это может быть, что Абхазия становится независимой, если Грузия не согласна? Непризнанное государство не может десятками лет оставаться государством. Не может.

Нателла Акаба. Но Эритрея боролась 30 лет. Для них это было лучше, чем быть частью Эфиопии.

Давид Бердзенишвили. Да, и Даур на предыдущей встрече приводил пример де Голля, который проявил героизм, признав независимость Алжира. Я бы не хотел, чтобы спустя сорок лет разница между Грузией и Абхазией была такой же. То есть это не пример. Современный Алжир – это что, независимость ради независимости? Алжир же оказался неподготовленным к государственности и независимос-

ти, и спустя сорок лет в нем правят военные, чтобы не пришли фундаменталисты...

Нателла Акаба. И Грузия тоже...

Давид Бердзенишвили. И Грузия, конечно, тоже не Франция.

Абесалом Лепсяя. Нодар говорил, что это невозможно. Мне кажется, то, что говорят Зураб и Давид, это все-таки, действительно, пока мнение меньшинства. Но то, что такие вопросы хотя бы обсуждаются – это показатель. Если посмотреть на этот процесс в динамике, то когда-то этого не было, а сейчас это есть. А в будущем, мы можем сказать, это получит какое-то развитие. Я прекрасно понимаю, что вы сказали. В обозримом будущем это, скорее всего, нереально, конечно. И в науке, кстати, есть такое понятие – есть определенные рамки для прогноза. Но в принципе, если мы хотим оставаться в рамках науки, мы должны эту зону, конечно, иметь. С этой точки зрения вы правы. То есть в этом каком-то прогнозируемом временном отрезке нам сейчас сложно и даже невозможно говорить, что Грузия признает Абхазию, но это зона, граница, а за границей начинается еще какая-то новая зона, поэтому не надо так, мне кажется, жестко ставить вопрос.

В выступлении Давида прозвучал очень ценный момент, и я тоже об этом говорил. Вот и Зураб (может быть, я повторюсь) – в его докладе, может, это четко не прозвучало, но, мне кажется, там тоже эта мысль была таким обертоном, что ли, о какой-то минимизации возможной роли России. Потому что я считаю, например, что Россия не заинтересована в том, чтобы Абхазия была действительно независимым государством, а не просто ярлык. Я не вижу какой-то потребности для России, чтобы Абхазия действительно получила настоящее признание, стала членом международного сообщества и т.д.

Если мы сегодня видим, что грузинские представители говорят: «мы можем допустить, что мы пойдем навстречу каким-то требованиям или потребностям абхазов, если роль России при этом будет как-то уменьшена», нам надо, я думаю, внимательно к этому подойти и самим тоже немножко думать – а что можно сделать вот в этом

промежутке? Просто мы в самом деле находимся между этих двух Сцилл и Харибд. Здесь нельзя вот так отбрасывать какие-то идеи, над этим надо задумываться и думать, как и симптомом чего это все является.

Зураб Чиаберашвили. Прежде всего, маленький комментарий к словам Батала, когда он вспомнил о моем докладе о коллективизме и индивидуализме. Конечно, я понимаю, что в Абхазии у моего поколения нет возможности так же свободно пойти учиться в западные университеты, как грузинские ребята. Но когда нация борется за независимость, это та жертва, которую каждый отдельный индивид должен заплатить. Поэтому я и говорю, что сейчас для абхазов приоритетом должен быть коллективизм. Может быть, когда начиналась война, не каждый абхаз понимал, что ему еще долго придется жертвовать своими индивидуальными правами ради существования абхазского государства, но сейчас каждый абхаз должен это понимать. Это реальность. (*Шум в зале.*) Это одно.

Второе. Я не ставлю вопрос так: или к нам, или к России. И вообще, я должен разрушить этот миф, о котором всегда говорит Паата, что мы должны быть привлекательными. Мы **не** должны. Когда ты строишь новую тюрьму возле Рустави, ты думаешь о том, что это понравится абхазам? (*Шум в зале.*) Нет, это делается для того, чтобы грузинское общество было нормальным.

И еще. Почему я хочу, чтобы у абхазов были собственные паспорта и они свободно выезжали на Запад? Вот, вы видите, какое различие между поколением батони Нодара и моим поколением, потому что у нас уже разные ориентиры. И вот что я скажу, по поводу культуры, по поводу менталитета. Я, например, Гюго и Достоевского читал по-русски, но мой сын уже, может быть, Фолкнера прочтет на английском, и Достоевского тоже на английском, и это не беда. Я думаю: какая разница между нашими поколениями! Хотя я не владею хорошо ни русским, ни английским, но понимание мира, структура познания мира, у меня, в моем поколении, они уже другие... Москва и МГУ не должны быть единственным рупором для абхазской молодежи.

Нагелла Акаба. Это не единственный выбор, есть Абхазский университет.

Зураб Чиаберашвили. В Тбилиси тоже есть университет, но я, например, не хочу, чтобы мой сын учился в Тбилиском госуниверситете. Я хочу, чтобы он на Западе учился. *(Шум в зале.)*

А теперь о невозможном. Когда я с другими журналистами сидел на тротуаре у канцелярии после убийства Георгия Саная, там ребята раздавали такой лозунг, лозунг 68-го года. Когда в Риме или Париже были студенческие забастовки, у них был такой лозунг: «Чтобы быть реалистом – нужно требовать невозможного!» Если мы сейчас требуем невозможное, то мы реалисты. Мы реалисты в том понимании, что когда-нибудь это невозможное станет реальностью. *(Шум в зале.)*

Нателла Акаба

ОТ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

На одной из наших последних встреч перед участниками была впервые поставлена задача: сформулировать позиции и интересы сторон в грузино-абхазском конфликте. Думаю, что результаты очень красноречивы: если с позициями мы справились довольно легко (они, в общем-то, довольно широко известны), то анализ интересов, и особенно общих интересов сторон, дался участникам нелегко. Предпринятая попытка сформулировать общие интересы абхазов и грузин, на мой взгляд, отчетливо продемонстрировала нам трудности на пути сближения взаимных интересов. Мне показалось, что присутствовавший на той встрече известный конфликтолог Джон Пол Ледерах был несколько обескуражен тем, что, хорошо осознавая все то, что нас разделяет (позиции конфликтующих сторон), мы с большим трудом пытаемся осмыслить то, что могло бы стать почвой для сотрудничества (наши общие интересы).

Наверное, не является открытием следующее утверждение: нереалистично рассуждать об интересах Абхазии и Грузии, не принимая во внимание интересы России в Закавказье. По-моему, неудачные попытки мирного урегулирования конфликтов в этом регионе связаны именно с некоторым игнорированием интересов России. Аксиома и то, что первостепенным и общим интересом на сегодня для Абхазии, Грузии и России является безопасность. Но насколько проблема безопасности одной страны укладывается в рамки интересов другой (или других)? Не существует ли опасений, что повышение безопасности для одной стороны вполне может означать уменьшение или утрату безопасности для другой?

Интересы Абхазии

Общая проблема безопасности для Абхазии распадается на два более частных аспекта. В условиях неурегулированности грузино-абхазского конфликта жизненно важное значение приобретает воп-

рос о физической безопасности людей, проживающих сегодня на территории Абхазии. Вполне понятно, что до тех пор, пока между Абхазией и Грузией не будет подписано соглашение о мерах по возобновлению военных действий, гарантом которого будут выступать ООН, Россия и, возможно, какие-то другие страны или организации, обеспечение безопасности будет оставаться наиболее болезненной проблемой.

Другим не менее важным измерением безопасности для абхазского этноса можно считать демографическую, языковую и культурную безопасность. Пожалуй, для этнических абхазов это наиболее чувствительный вопрос. Весьма печальный опыт предшествующего существования в границах других, более крупных государств, да и мировая практика, привели абхазов к твердому убеждению, что лишь собственная, абхазская государственность способна обеспечить выживание абхазского этноса и гарантировать его политические, экономические и культурные права. Отчасти с этим соглашаются и некоторые представители грузинской интеллектуальной элиты, в частности Г. Нодия, отметивший, что претензии абхазов на особый территориально-политический статус совершенно законны.¹ Дополнительным аргументом для абхазской стороны может служить то обстоятельство, что, несмотря на вовлеченность в переговорный процесс многочисленных дипломатов, политиков и экспертов, за восемь лет не было предложено никакой реальной альтернативы, способной политически гарантировать абхазскому этносу этнокультурную безопасность. С учетом сегодняшних политических реалий на Южном Кавказе, понятно, что широкая автономия, равно как и вхождение Абхазии в качестве субъекта в состав федеративной Грузии, не могут эффективно защитить ни политические права, ни языковую и культурную самобытность абхазов.

Говоря о демографической защищенности, нельзя не сказать о проблеме, которая чрезвычайно волнует многих абхазов. Речь идет об абхазской диаспоре, причем если до войны этот термин применялся в отношении потомков махаджиров, насильственно выселенных в страны Ближнего и Среднего Востока в результате русско-кавказской войны, то сегодня это не только потомки махаджиров. Создание условий для репатриации этих людей на родину означало бы

торжество исторической справедливости и, в то же самое время, соответствовало бы интересам абхазского народа. За пределами исторической родины сегодня проживает значительная часть предпринимчивых и мобильных абхазов, среди которых немало профессионалов в различных областях деятельности. Участие этих людей в строительстве государства и в выработке и реализации программы социально-экономического развития способно определить будущий облик Абхазии как современного демократического государства с рыночной экономикой.

Проблема сохранения языка и культуры тесно связана для абхазов и с сохранением и укреплением связей с родственными народами Северного Кавказа, что также может рассматриваться как фактор, определяющий особые отношения как с Россией, так и с Северным Кавказом.

На мой взгляд, определенная форма кавказской интеграции соответствует жизненным интересам Абхазии и может рассматриваться как способ сохранения этнокультурной идентичности. Кроме того, историческая практика свидетельствует, что для безопасности Абхазии открытые границы и прочные связи с Северным Кавказом тоже имеют важное значение.

Одним из самых ключевых вопросов для жителей Абхазии является вопрос о том, кто может в наибольшей мере обеспечить их безопасность. На примере событий последних лет и руководство страны, и ее общественность все больше убеждаются, что на сегодня реальные гарантии безопасности Абхазии может обеспечить только Россия, хотя в будущем ситуация вполне может измениться. Но в настоящий момент присутствие России в регионе для Абхазии желательно. В частности, данное мнение подтверждается серьезной обеспокоенностью рядовых жителей Абхазии в связи с выводом российской военной базы из Гудаута и принятием в октябре 2001 г. постановления грузинского парламента о выводе российских миротворцев из зоны конфликта. Опыт грузино-абхазской войны 1992-93 гг. и непрекращающаяся террористическая деятельность грузинских бандгрупп в Гальском, а теперь и в Гульрипшском районах, имеющая тенденцию к распространению на Очамчирский и Ткуарчалский районы, демонстрируют населению Абхазии, что, несмотря на не-

последовательность и противоречивость российской политики в отношении Абхазии, лишь сохранение (а то и расширение) российского военного присутствия в регионе способно гарантировать абхазскому и русскоязычному населению стабильность и безопасность. По сути дела, альтернативой России могли бы стать только военные структуры НАТО или какого-нибудь государства, дружественного Грузии. Однако события последнего десятилетия на Балканах, наряду с многочисленными заявлениями грузинских политиков относительно желательности применения боснийского или косовского силового варианта в отношении Абхазии, способствовали росту среди населения антинатовских настроений. И чем больше Грузия будет стремиться к вступлению в НАТО, тем больше Абхазия будет рассчитывать на поддержку России, хотя бы потому, что ориентация на Россию позволит Абхазии избавиться от посягательств Грузии.

То, что изолированная и заблокированная Абхазия продолжает находиться в российском культурно-информационном поле и основным поставщиком информации для Абхазии продолжают оставаться российские масс медиа, что молодежь имеет возможность обучаться в российских вузах – все это и многое другое усиливает ощущение близости России и привязанности к ней. Как справедливо отмечает Г. Тархан-Моурави, абхазы считают, что русская культурная среда представляет меньшую опасность для их культурного выживания ввиду многообразия и размеров российского культурного ареала.²

В свете вышеизложенного вряд ли следует удивляться тому, что Россия продолжает оставаться для Абхазии единственным, хотя, возможно, и не вечным, союзником. При этом существование напряженности между Грузией и Россией действительно дает Абхазии шанс в максимальной степени достичь своих целей, т.е. не допустить восстановления довоенной модели абхазо-грузинских взаимоотношений.

Росту пророссийских настроений в Абхазии способствует и отношение к грузино-абхазскому конфликту международных организаций и ведущих стран Запада – многие граждане Абхазии считают его необъективным и даже циничным. Если в России осудили вторжение грузинских войск в Абхазию в 1992 г. (постановления российского парламента, выступления видных представителей российской интеллигенции и др.), то страны Запада и крупные межгосударствен-

ные организации, руководствуясь сомнительными политическими соображениями, не сочли нужным это сделать и дать хотя бы моральную оценку ни вводу войск Грузии в Абхазию, ни угрозам главнокомандующего войсками Госсовета Каркарашвили уничтожить все абхазское население (прямому и публичному подстрекательству к геноциду), ни действиям в ходе этой «операции» грузинских военных и гражданских властей – убийству мирных граждан на этнической почве, взятию заложников, пыткам и расстрелам военнопленных. Зато ответные действия абхазских вооруженных формирований (тоже неправомерные) с легкой руки грузинских лидеров были неоднократно осуждены с высоких международных трибун и даже квалифицированы как геноцид.

Сформировавшееся в Абхазии мнение, что западные дипломаты занимают откровенно прогрузинскую позицию, имеет под собой достаточно веские основания. Довольно характерным является высказывание известного американского политолога Ариэля Коэна, не скрывающего своих антипатий к Абхазии: «Без надежного военного сдерживания все дипломатические усилия Грузии по урегулированию ситуации могут свестись к нулю. Абхазии еще очень далеко до того, чтобы считаться государством XXI века. Ее лидеры едва ли заинтересованы в иностранных инвестициях или развитии рыночной инфраструктуры. Националисты в Абхазии предпочитают быть бедными, но гордыми (и независимыми от Грузии). В данной ситуации обычные экономические рычаги, используемые для подъема страны, могут не сработать, особенно пока льются рекой поддержка со стороны России... и доходы от контрабандной торговли сигаретами и спиртными напитками».³

Ориентация на демократические ценности, путь к строительству правового общества вполне соответствуют интересам Абхазии, т.к. являются важными аспектами утверждения абхазской государственности. В силу этнокультурного многообразия абхазского общества, каждая этническая или конфессиональная группа нуждается в защите, и, вероятно, это потребует каких-то институциональных решений, чтобы обеспечить общественный консенсус и внутреннюю стабильность. В то же время и Гальский район имеет свои специфические черты, его население также нуждается в защите своих этнокуль-

турных прав, чтобы ощущать себя полноценными гражданами абхазского государства, и власти Абхазии обязаны выполнить эти обязательства. Следовательно, интересам Абхазии соответствует защита индивидуальных прав всех граждан, наряду с защитой и поощрением прав меньшинств.

Интересы Грузии

Приоритетной задачей для Грузии является сегодня построение полноценного государства. Такое государство, ориентирующееся на демократические ценности при сильной правовой защите прав этнокультурных и конфессиональных групп, должно рассматриваться как государство не этнических грузин, а всех людей, проживающих в Грузии. Сильные демократические институты, обеспечивающие высокую степень участия в государственном управлении всех граждан страны, независимо от их национальной или религиозной принадлежности, позволят Грузии избежать центробежных тенденций, которые сегодня продолжают представлять серьезную угрозу для ее территориальной целостности. Высокая степень децентрализации управления, передача полномочий на места, в регионы смогут постепенно ликвидировать угрозу дезинтеграции страны. Особенно это должно касаться районов компактного проживания армянского и азербайджанского населения, и таких «проблемных» регионов, как Мегрелия и Абхазия, проявляющих тягу к большей самостоятельности.

Известно, что политическая элита и наиболее активная в социальном смысле часть населения Грузии традиционно придерживается прозападной ориентации, т.е. имеет сильное чувство своей принадлежности к Европе. Одним из серьезнейших вызовов для Грузии, как независимого государства, является интеграция в европейские политические структуры, которая, по мнению грузинской политической элиты, будет способствовать безопасности страны и ее экономическому развитию. Но на самом деле для многих граждан этой страны независимость Грузии означает независимость от России. Возможно, интересам Грузии, в действительности, отвечала бы более сбалансированная политика в отношении России и ее интересов на Южном Кавказе, тем более, что далеко не все население Грузии ви-

дит в России некую демоническую силу. Нельзя не заметить, что общее советское прошлое, советский менталитет все еще удерживают людей, особенно представителей старшего и среднего поколений, в некоем общем духовном пространстве. Как выразился З. Чиаберашвили, «на сегодняшний день не только Сухуми, но и Тбилиси ментально зависит от России».³ В связи с этим статус нейтрального государства, возможно, в большей степени соответствовал бы интересам Грузии, чем интеграция в НАТО и безальтернативно западная ориентация.

Если Грузия действительно собирается решать проблему своих взаимоотношений с Абхазией политическим, а не военным путем, то грузинское общество, в первую очередь, нуждается в пересмотре своего отношения и к Абхазии. Продолжая рассчитывать на некие внешние силы, которые якобы готовы помочь «вернуть Абхазию в лоно Грузии», последняя обрекает себя на вечную зависимость от них, в лучшем случае, на роль их вечного должника. Необходимо хорошо взвесить, что может приобрести Грузия в случае восстановления своей юрисдикции над Абхазией, и с какими новыми вызовами ей придется столкнуться в таком случае. Скорее всего, возвращение Абхазии в лоно Грузии имеет для грузинского общества в большей степени символический смысл. Учитывая тот факт, что основная масса населения Абхазии, как и ее правящая элита, не видят своего будущего в составе Грузии и настроены в этом плане довольно враждебно, понятно, что добровольное воссоединение в обозримом будущем нереально. Но даже если умозрительно допустить такое воссоединение, вряд ли оно сулит Грузии значительные дивиденды: еще недавно процветающая Абхазия в своем развитии отброшена войной и послевоенной блокадой на полвека назад, знаменитые курорты Гагры и Пицунды нуждаются в радикальной реконструкции и создании совершенно новых инфраструктур, что требует весьма серьезных инвестиций. Вряд ли можно на самом деле ожидать, что западные инвестиции потекут рекой, а если даже потекут, уровень коррупции повсюду таков, что все вложения могут бесследно исчезнуть. Грузинским политикам, да и обществу в целом, пора отказаться от мифа, что возвращение Абхазии означало бы для Грузии переход на новую, более высокую ступень государственного строительства. Ско-

рее всего, в сегодняшних условиях воссоединение потребует от ослабленного грузинского государственного организма непосильного напряжения. Чрезмерные ожидания могут смениться разочарованием, когда выяснится, что пресловутое восстановление территориальной целостности не только не решает проблем, а, напротив, создает новые.

Но и сегодняшняя политика санкций и угроз, как и попустительское диверсионной деятельности в Абхазии, в корне противоречат интересам Грузии.

С другой стороны, очевидно, что радикальное изменение политики в отношении Абхазии может серьезно разрушить и без того непрочный гражданский мир в Грузии. В этой связи интересные предложения можно найти у Д. Дарчиашвили. Он предлагает подвергнуть ревизии книги по истории, публиковать статьи, готовить телепрограммы и пропагандистские акции, которые бы разъясняли населению Грузии, что грузино-абхазское единство существовало не всегда, а на протяжении довольно короткого исторического периода. Надо популяризировать идею, считает Д. Дарчиашвили, что нация является довольно изменчивым социальным организмом, а границы государства могут изменяться. Грузинскому обществу пора осознать, что абхазы веками жили на территории сегодняшней Абхазии и не считают себя частью грузинского национального организма, а также – что Абхазия чаще была нелояльна по отношению к Тбилиси, чем лояльна. Дарчиашвили указывает, что даже в случае экстраординарного решения «абхазского вопроса» это не должно стать национальной трагедией.⁴ Хочется добавить, что всем народам бывших империй надо привыкнуть к мысли, что даже наличие общего прошлого совершенно необязательно влечет за собой наличие общего будущего.

Самым серьезным аргументом сторонников возвращения Абхазии любой ценой является решение проблемы беженцев. Признавая важность этой проблематики, в то же время можно отметить, что даже восстановление территориальной целостности Грузии не привело бы автоматически к возвращению беженцев. Понятно, что для Грузии вопрос о беженцах связан в первую очередь с проблемой гражданского мира и внутривнутриполитической стабильности. Однако политика, проводившаяся до сих пор в отношении беженцев, может быть оха-

рактирована как крайне недальновидная. Маргинализация этих людей, лишение их элементарных гражданских прав (в частности, права голоса), использование их в качестве политического инструмента – все это продиктовано отнюдь не заботой об их будущем, а стремлением ослабить позиции абхазской стороны на переговорах, представить ее в негативном свете на международной арене. Интеграция в грузинское общество тех беженцев, которые к этому готовы, и лоббирование интересов тех, кто действительно готов вернуться в суверенную Абхазию – такая стратегия соответствовала бы долгосрочным интересам Грузии и общепризнанным нормам. Вполне отчетливо просматривается заинтересованность Грузии в становлении Абхазии как правового государства с демократическими институтами и сильным гражданским обществом, которые станут необходимыми условиями для равноправия и полноценного существования этнических грузин в Абхазии.

Внутриполитическая стабильность и оздоровление экономики (особенно, борьба с коррупцией) являются важным условием для реализации крупных международных проектов, т.е. находятся в русле важнейших интересов Грузии.

Интересы России на Кавказе

Развитие событий на Южном Кавказе после распада СССР показывает, что основной целью России, как и всех внешних игроков, было ограничение влияния других держав в регионе. Многие исследователи отмечают эволюцию российской политики в Закавказье. Сразу после краха СССР российская политическая элита, да и значительная часть общества, уставшие от кровавых конфликтов и иных вызовов, склонялись к тому, чтобы уйти с Южного Кавказа, сохранив этим жизни российских военнослужащих и избежав затрат, разорительных для экономически ослабшей России. Однако постепенно происходило осмысление российских интересов, а затем и трансформация российской политики на Кавказе. Со временем в Москве сформировалось вполне обоснованное убеждение, что уход России из Закавказья создаст для нее вакуум безопасности, ибо место России будет заполнено такими региональными державами, как

Турция и Иран, а, возможно, и внешними игроками – США, Великобританией и Германией.

Безопасность и является одним из главных приоритетов, определяющих политику России в Закавказье. А проблема безопасности во многом связана с отношением к данному региону как к единому комплексу. Северный Кавказ, естественно, рассматривается как неотъемлемая часть РФ, но значительная часть коренного населения этого региона тесно связана в лингвистическом и культурном отношении с народами, проживающими к югу от Большого Кавказа и на равнинах, населенных преимущественно русскими. Следовательно, указывает российский эксперт Д. Тренин, на карту поставлено единство федерации. Нельзя сбрасывать со счетов и интересы российских нефтяных корпораций, претендующих на более активную роль в освоении энергетических ресурсов региона.

Конфликты в Закавказье способны серьезно угрожать стабильности на Северном Кавказе. Так, конфликт в Нагорном Карабахе породил напряженность по всему Кавказу, вынудив тысячи этнических армян к переселению в Краснодарский и Ставропольский край, а также в Москву.⁵ Можно добавить, что одним из результатов грузино-абхазского противостояния стала и массовая миграция населения из зоны конфликта в Россию. Блокада ряда важнейших транспортных артерий региона наносит ощутимый удар и по российской экономике.

Особую остроту приобрели отношения России с Грузией. Это связано в первую очередь с реальностью интеграции Грузии в европейские и трансатлантические структуры, что не может не вызывать растущую тревогу в Москве. Раздражение Москвы вызывала также позиция Тбилиси в отношении Ичкерии – политические контакты с ее лидерами, а также проявление солидарности со стороны грузинской общественности. Обстановка в Панкисском ущелье остается нестабильной и может представлять угрозу для внутривнутриполитической ситуации в Грузии.

Хотя эскалация вооруженных конфликтов на Кавказе, по большому счету, не в интересах России, в отдельных случаях не исключено, что Россия попытается извлечь выгоду и из такого развития событий, чтобы укрепить свои позиции в регионе. Поскольку ряд стран этого региона настойчиво ищут альтернативные центры регионального вли-

яния, в частности, активизируя свои контакты с США, Турцией и НАТО, Россия неизбежно попытается использовать всевозможные рычаги для того, чтобы нейтрализовать влияние новых акторов. Эти тенденции проявляются даже внутри СНГ в форме создания ГУУАМ (1997 г.) как реакции на его несостоятельность. Приоритетной целью этого объединения государств является поиск новых моделей обеспечения безопасности его участников. Реакция Москвы на образование ГУААМ была довольно болезненной, поскольку это образование не без оснований рассматривается как попытка нарушить сложившийся баланс сил в постсоветском пространстве. Совершенно очевидно, что Москва будет противодействовать этому всеми доступными ей способами. И, надо признать, у России все еще сохраняется достаточно способов воздействовать на государства Южного Кавказа – российские войска в регионе, русскоязычное население Грузии и Азербайджана, особенности менталитета и политической культуры. Не менее важны экономические связи: как выяснилось, все надежды на быстрый выход закавказских государств на мировые рынки оказались эфемерными, и необъятный российский рынок все еще продолжает оставаться для них наиболее привлекательным.

По-видимому, грузинскому руководству пора осознать, что ожидать ухода России из региона или ее согласия довольствоваться второстепенной ролью ошибочно. Россия остается и хочет, чтобы с ней считались. В этой связи неубедительными выглядят попытки некоторых грузинских исследователей представить дело таким образом, что уход России из Южного Кавказа соответствует интересам России.⁶

Таким образом, если эскалация конфликтов на Южном Кавказе и может соответствовать интересам России в краткосрочном плане, как один из способов сохранить свое влияние в регионе, то в долгосрочной перспективе Россия заинтересована в укреплении стабильности и сотрудничества, оставаясь при этом одним из ведущих игроков.

Заключение

Хотя интересы различных сторон, на первый взгляд, выглядят диаметрально противоположными, тем не менее, нельзя не заметить, что между Россией, Грузией и Абхазией существует определенная

взаимозависимость – без усилий каждой из сторон невозможно добиться существенного повышения уровня безопасности данного региона. Укрепление стабильности и безопасности создало бы условия для развития транспортно-магистральных путей, которые соединили бы Восточную и Северную Европу со странами Ближнего Востока и Индией, что соответствовало бы интересам не только государств региона, но и наиболее крупных экономически развитых стран. Однако важнейшим условием этого является окончание конфронтации и начало мирного сотрудничества. Пока что Южный Кавказ почти полностью изолировал себя от окружающего мира и, практически, не может использовать свое выгодное географическое положение.

И Абхазии, и Грузии необходимо осознать, что в условиях нарастающего влияния процессов глобализации и регионализации национальная независимость может на деле означать не более, чем выбор между несколькими экономическими и политическими зависимостями от других государств. Независимость в лучшем случае является зависимостью по собственному выбору. Если сотрудничества различных этносов не удалось добиться внутри государства, то этого нужно добиваться через интернациональную кооперацию.⁷

Российско-грузинские отношения еще долго будут определяющими для баланса сил на Южном Кавказе. Именно от развития этих отношений зависит, станет ли Грузия нейтральным государством, своего рода буфером между Россией и НАТО, или предпочтет выполнять функции плацдарма одной из сторон, как выразился И. Хиндрава. На мой взгляд, Грузии необходимо перейти к более прагматичной, сбалансированной политике в отношении РФ. В то же время России необходимо четко сформулировать свои политико-экономические интересы на Кавказе и разработать совместно с Евросоюзом программу стратегического партнерства в сфере международной политики и безопасности.

---

¹ Г. Нодия, Конфликт в Абхазии: национальные проекты и политические обстоятельства, в сб.: Грузины и абхазы. Путь к примирению, М., 1998, стр. 35.

² Г. Тархан-Моурави, Грузино-абхазский конфликт в региональном контексте, там же, стр. 142.

³ З. Чиберашвили, Обреченные на совместную жизнь, рукопись, стр. 4.

⁴ D. Darchiachvili, Some considerations about ways to solve the conflict in Abkhazia, in "Discussion Room for the Caucasian Journalists", <http://www.cipdd.org/>, pp. 10-11.

⁵ Д. Тренин, Интересы безопасности и политика России в Кавказском регионе, в сб.: Спорные границы на Кавказе, М., 1996, стр.106.

⁶ Такое мнение высказывает Г. Нодия, утверждающий, что усиление западного присутствия в регионе имеет стабилизирующий эффект и России следует лишь приветствовать его дальнейшее расширение. Автор считает, что это сразу же усилило бы у грузин дружеские чувства к России и по прошествии определенного времени повысило бы политическое и, особенно, экономическое влияние России. (Подробнее об этом у Г. Нодия, Конфликт в Абхазии..., стр. 62).

⁷ Э. Ян, Демократия и национализм, он же патриотизм: единство или противоречие? Рукопись, 1977, стр. 29.

ДИСКУССИЯ

Батал Кобахия. Нателла, в начале доклада ты сказала, что хотела сформулировать существующие общие представления. Как ты собирала и обобщала информацию?

Нателла Акаба. Нет, на это я не претендую. Никаких опросов я не проводила. Я просто пыталась встать на точку зрения женщины, которая каждый день мучается с тачкой на Псоу, или какого-нибудь армянина из Гульрипшского района, просто попыталась подумать, увидеть жизнь их глазами... Что касается интересов Грузии и России, то это мои чисто умозрительные заключения... А как иначе говорить об интересах?

Олег Дамения. *(Плохо слышно.)* ...Когда находишься в обществе, читаешь соответствующие публикации, газеты, журналы, получаешь информацию по телевидению, общаешься с людьми на похоронах, на свадьбах и пр., ты составляешь определенное впечатление о настроениях людей в целом...

Нателла Акаба. К тому же мне приходится встречаться со многими людьми, в том числе и из отдаленных районов, с которыми уже давно вообще никто не встречался...

Нодар Сарджвеладзе. У меня три вопроса. Первый: почему в интересы Грузии входит признание интересов России на Кавказе?

Нателла Акаба. Я думаю, это очевидно – ведь Грузия заинтересована в стабильности, она же не хочет, чтобы Россия постоянно старалась что-то спровоцировать, задействовать какие-то механизмы. Если Грузия не будет страной, дружественной России, Россия будет стараться, чтобы Грузии было плохо...

Нодар Сарджвеладзе. Второй вопрос: почему Россия заинтересована в стабильности на Кавказе?

Нателла Акаба. Я пыталась об этом сказать. Мне кажется, и сотрудничество, и общекавказская интеграция с участием Европы, в принципе, тоже входят в интересы России, с точки зрения ее экономического развития. В конечном итоге, все заинтересованы в том, чтобы быть богатыми и сильными. Я не думаю, что Россия заинтересована в бесконечных конфликтах на Кавказе. Разве последствия этих конфликтов – потоки беженцев, блокада и т. д. – соответствуют интересам России?

Нодар Сарджвеладзе. Нет, почему же... Каким-то кругам в России это, наверно, довольно выгодно...

Нателла Акаба. Я пыталась говорить о той политике, к которой сегодня стремится Россия. Мне кажется, она пытается быть более прагматичной. Может быть, это не получается, но идеологических догм явно стало меньше. Если раньше Госдума была чисто коммунистической и многое там было основано на каких-то идеологических догмах – на желании восстановить Советский Союз и т.д., то сейчас, мне кажется (может, я и ошибаюсь), что российская политика стала более прагматичной.

Лиана Кварчелия. Нателла, мне кажется, что ты скорее говоришь о том, что должно быть в интересах России с твоей точки зрения.

Нателла Акаба. Я сказала, что стабильный Кавказ будет в интересах России, если Грузия будет ей дружественной страной, по край-

ней мере, не будет враждебной. Но сейчас Россия может удержать Грузию только посредством дестабилизации. Поэтому, по большому счету, стабильность входит в ее интересы, но многое зависит и от других факторов.

Нодар Сарджвеладзе. У меня последний вопрос: почему в интересы России входит единство Северного и Южного Кавказа? Испокон веков механизм владения ситуацией включает разделение, разобщение – так почему же они должны заботиться об объединении?

Нателла Акаба. Как почему? Нет, я совершенно не имела в виду единство в составе одного государства. Я говорила о Кавказе как о комплексе безопасности: если Россия будет вынуждена совсем уйти с Южного Кавказа, начнется процесс дезинтеграции на Северном Кавказе. Я не говорю, чтобы Россия сохранила Южный Кавказ в составе своего государства, я не это имела в виду.

Зураб Чиаберашвили. По вашим словам, если влияние России ослабнет, нужно искать альтернативу. Почему бы нам не рассмотреть Турцию как альтернативу для Абхазии, как силу, которая могла бы дать Абхазии новые гарантии безопасности? И у грузин, и у абхазцев там есть диаспоры. Там есть люди, которые могут выступить медиаторами в этом процессе. Между тем, Турция – не Запад. Мы знаем, какие отношения существуют между странами Европы и Турцией, между Евросоюзом и Турцией, так что Турция однозначно не отождествляется с Западом, и поэтому мы можем говорить о Турции. Как вы на это смотрите?

Мой второй вопрос очень конкретный: вы говорили о том, что Россия остается единственным источником информации. Практически, для Абхазии это единственный канал общения с внешним миром. Если Россия заинтересована в том, чтобы у абхазцев были контакты с внешним миром, почему Россия не выделяет очень маленькие деньги, необходимые, чтобы в Абхазии появился Интернет? Ведь с помощью Интернета вы свободно можете прочесть, например, «Независимую газету», как только она выйдет – не ждать, пока пресса приедет в Сухуми. Почему Россия не помогает Абхазии развить Интернет?

Нателла Акаба. Я, если можно, сперва отвечу на второй вопрос. Разве я сказала, что Россия очень заинтересована в контактах Абхазии с кем-то, кроме России? Она и не должна быть в этом заинтересована, это такая политика – неоимперская – не знаю, как ее еще назвать. Совершенно Россия в этом не заинтересована, поэтому нас никуда и не выпускают. Возможно, вы меня слишком буквально поняли. Я не считаю, что Россия желает нам только добра. Я вижу, что Россия, прежде всего, желает добра себе. И это нормально, наверное.

А что касается Турции, я могу сказать, что Турция воспринимается в Абхазии положительнее, чем Запад. Если она действительно проводит какую-то свою политику (а говорят, что это так), то, может быть, она и смогла бы сыграть определенную роль. Но опять же, что вы будете делать с Россией, у которой еще очень силен антитурецкий настрой? Правда, лично я Турцию в качестве гаранта только в страшном сне могу представить. Это совершенно недемократическое государство.

Тенгиз Пачкория. У меня один вопрос. Если вдруг в ближайшее (или не очень ближайшее) время Грузия резко развернется (или постепенно развернется) к Москве и будет смотреть в сторону Кремля, как вы представляете поворот событий, в том числе в плане урегулирования абхазского конфликта? Не думаете ли вы, что может в какой-то степени повториться приднестровский вариант? Вы знаете, что там начались уже переговоры о статусе Приднестровья в составе Молдовы, о подчинении приднестровской армии и приднестровской милиции Кишиневу? Хотя ситуация в Приднестровье, конечно, специфическая, но возможен ли такой вариант в Абхазии? Вспоминается, как иногда раньше абхазские политики говорили: если Грузия вдруг повернется к Москве, мы назло вам примем западную ориентацию.

Нателла Акаба. Я думаю, что какое-то поле для маневров всегда остается. Отношения между Грузией и Россией никогда не будут безоблачными. Я думаю, что всегда можно как-то манипулировать. Мне сейчас трудно представить такую ситуацию, но я не исключаю и переориентации на Запад.

Тенгиз Пачкория. Тем более, что Шеварднадзе уже сделал первые шаги к сближению с Россией, но он их не афиширует.

Нателла Акаба. Первые-то он сделал, но кто ему даст сделать последние? *(Шум в зале.)*

Давид Бердзенишвили. У меня почти тот же вопрос, что у Тенгиза, может быть, чуть шире. Может быть, вы нам объясните: если Грузия и Россия станут дружественными странами, зачем они тогда будут печься о государственности Абхазии и о создании механизмов для ее признания?

Нателла Акаба. Если говорить о России, я думаю, она будет всегда заинтересована в том, чтобы Грузия оставалась таким довольно рыхлым или аморфным образованием, чтобы легче было проводить свою политику, оказывать свое влияние. Ну, а что касается Грузии, то об ее интересах, наверное, никто и не будет спрашивать, ей придется делать то, что будет диктовать Москва.

Давид Бердзенишвили. В 21-ом году грузино-российская сделка привела к упразднению пусть советского, но, тем не менее, независимого государства...

Нателла Акаба. И тем не менее, суверенитет остался, может быть, он был бумажным, но тем не менее, были все-таки какие-то элементы государственности. Только в 31-м году это было упразднено. Я просто пытаюсь быть объективной, а на самом деле мне бы хотелось, чтобы события развивались совершенно по-другому.

Миша Мирзиашвили. С одной стороны, население Абхазии не доверяет Западу и НАТО, потому что туда стремится Грузия. С другой стороны, если провести грубую аналогию с ситуацией в Косово, то натовские силы, так сказать, бомбили аналог Грузии, а не Абхазии.

Тенгиз Пачкория. В Косово НАТО фактически поддерживало сепаратистов.

Нателла Акаба. Я тоже не понимаю – может быть, это иррационально, но симпатии большинства населения Абхазии были на стороне сербов. Не знаю почему. Может быть, потому, что в советский период уже был заложен антинаатовский стереотип.

Батал Кобахия. Не думаю, чтобы население Абхазии столько думало о НАТО, о политике. Народ больше реагирует на то, что бомбить гражданское население – это нехорошо. Не думайте, что грузинам было приятно, что сербов бомбят. *(Шум в зале.)*

Нателла Акаба. Российское телевидение показывало свою версию событий. В Лондоне была одна картина этой войны, а в Москве – совершенно другая. Мы видели только московскую картину.

Лиана Кварчелия. В Косово проявились двойные стандарты. Когда мы сравнивали свою ситуацию и ситуацию в Косово, мы ощущали, что и здесь, и там проявляются двойные стандарты. И если мы себя ощущали изгоями, то на Балканах изгоями оказались сербы, а не албанские сепаратисты. Мы себя больше ассоциировали с сербами, в отношении которых тоже осуществляются двойные стандарты. Таким образом, международное сообщество в одном случае поощряет сепаратизм, а в другом его осуждает. Не удивительно, что Запад не воспринимается абхазами как сторона, которая считается с интересами Абхазии.

Миша Мирзиашвили. Вы сказали, что из Грузии не слышно таких предложений, которые рассеяли бы тревоги абхазцев и обеспечивали бы им сохранение этнокультурного пространства. Вы сказали, что единственно, кто может гарантировать сохранение абхазского этноса – это Россия.

Нателла Акаба. Единственное, что может гарантировать сохранение абхазского этноса – это государственность Абхазии.

Батал Кобахия. Я просто хочу напомнить, что не всегда выражаю мнение большинства, поэтому хочу задать вопрос. Ты говорила, что

выражаешь точку зрения большинства, пытаешься абстрагироваться от своих собственных суждений. Я достаточно хорошо понимаю – у нас такая ситуация. Но хотелось бы знать твое личное отношение. Как ты относишься к тому, что Абхазия сегодня настолько открыта по отношению к России? Как ты считаешь, что это может нам дать, насколько в этом стремлении ориентироваться на Россию могут быть реализованы наши прагматические интересы?

Нателла Акаба. Ну, мое отношение совершенно однозначно. Я бы хотела, чтобы Абхазия проводила свою собственную политику, чтобы она всегда делала только то, что в ее интересах, а не так, чтобы ее использовали для достижения каких-то иных целей. Но это звучит достаточно абстрактно. Я не знаю, как тебе ответить более конкретно. Я бы хотела, чтобы Абхазия не была под чьим-то влиянием, но это так банально, что мне даже неловко об этом говорить.

Абесалом Лепся. Частично Батал задал тот вопрос, который хотел задать я. Нателла сказала, что в своем докладе отражает те настроения, которые есть в обществе, но какие-то ее мнения с ними не совпадают. Мне просто хотелось узнать, какие именно, с чем она согласна, а с чем не согласна?

Нателла Акаба. Понимаете, умом я где-то согласна с тем, что я написала, но сердце мое против. Это очень далеко от исследовательской работы.

Батал Кобахия. Мы твое сердце хотим беречь...

Олег Дамения. Мой вопрос, мне кажется, сложноват, но я постараюсь четко его сформулировать. Вот вы правильно говорили о российских интересах. Такое понятие существует – мы говорим об абхазских и грузинских и прочих интересах. Когда мы говорим, скажем, об абхазских интересах, то более или менее четко себе представляем, в чем они заключаются. То же самое можно сказать и о грузинских интересах. То же самое можно сказать, скажем, об американских интересах где-то в Юго-Восточной Азии. Эти интересы

совпадают с интересами американского общества, потому что в конечном итоге государство старается создать какие-то ресурсы базового, экономического, социального, информационного и прочего развития. А вот когда мы, например, это понятие применяем в отношении российских реалий, то вот что получается – Россия постоянно расширяет свое геополитическое пространство, свои владения, эти интересы ощущаются в регионах, но что-то не видно, чтобы это отражалось на экономико-социальном, культурном, информационном развитии, с точки зрения качественного состояния российского общества, как происходит в европейских общностях. Это тянется уже несколько столетий, но российское общество ничего от этого не выигрывает. Вот потому хотелось бы услышать, как вы понимаете, когда вы говорите о российских интересах – какие социальные компоненты или экономические, или культурные, или духовные компоненты являются составляющими этих российских интересов?

Нателла Акаба. Может быть я, говоря о России, часто путала позиции и интересы. Может, я действительно не очень хорошо проанализировала, может, надо мной тоже довели какие-то стереотипы. Может быть, присутствие России вообще на Кавказе и не в ее интересах, понимаете? Но мне очень трудно вот так взять и вынести такой вердикт, для этого, наверное, надо иметь какие-то более точные данные, какой-то материал, которого у меня не было. Я писала доклад, ориентируясь на официальную точку зрения России, потому что я опиралась на какие-то публикации в российской и западной прессе, на публикации российских экспертов, а так, конечно, что на самом деле нужно России – это тема для докторской диссертации. Я этого, конечно, не знаю. Не думаю, что и в России это знают четко. Вы понимаете, маленьким государствам, таким, как Грузия или Абхазия, легче определить свои интересы, их интересы – это выживание и достойная жизнь, а у такого государства, как Россия, помимо этих базовых потребностей, наверное, есть и какие-то иные претензии. Насколько они соответствуют интересам общества, мне трудно судить.

Паата Закареишвили. Благодарю вас. Выступление в самом деле было очень интересным. Сразу возникло много тем, и хочется про-

комментировать некоторые из них. Например, то, что независимость Грузии – это независимость от России, а не полная независимость. К сожалению, сложилось так, что понятие независимости Грузии воспринимается как ее независимость от России. Всю энергию грузины направили именно на то, чтобы получить эту долгожданную независимость, а что делать дальше – они не знают. Как оказалось, проблем очень много, проблемой, пожалуй, стало все, и случилось так именно потому, что Грузия не была готова к настоящему самостоятельному, свободному существованию – когда берешь на себя ответственность за то, что делаешь. Это одна из составных частей независимости – независимость не от кого-то, а для чего-то. Нечто подобное можно сказать и про Абхазию. Она тоже требовала независимости от Грузии, и справедливо, потому что абхазы тоже не чувствовали себя в безопасности в составе Грузии – в составе будущей независимой Грузии. Они беспокоились, что Грузия может предпринять нечто такое, что может потом ударит по безопасности абхазов или по их достойному существованию. (У них были для этого основания.) Как только они получили независимость (или еще не получили, но считают, что находятся на пути к ней), у них, как мне кажется, возникли та же проблема – для чего эта независимость? Что потом делать с этой независимостью от Грузии, если они ее в итоге получают? В принципе, они уже сейчас могут сами решать свои вопросы – и хозяйственные, и другие... Я, конечно, не хочу сравнивать Абхазию с Грузией, нет.. Они находятся в разных условиях, я это прекрасно понимаю, но в любом случае реализация независимости возможна. И вот здесь-то и наступает момент, скажем так, поиска союзников. Вот вы вынуждены искать союзника в лице России, потому что поняли – от нее очень трудно избавиться. И нам советуете поступить так же: поскольку от России очень трудно избавиться, лучше не сопротивляйтесь, соглашайтесь. Есть хорошая поговорка: если вы заметили, что вас все-таки насилуют, расслабьтесь и постарайтесь получить максимум удовольствия. *(Смех в зале.)* Я хочу поставить на чашу весов двух союзников – Россию и США, или, скажем так, Запад и Россию. Кто они? Есть ли между ними разница, кроме той, что Грузия не выбирает Россию, а Абхазия не выбирает Запад? Разница – огромная. Не просто в их ценностях, а в том, что они у нас реализуют – на что тратят

деньги. Это самая главная проверка, потому что можно много о чем говорить, но тратить деньги на что попало – такого не бывает. Запад финансирует фундаментальные, серьезные проекты по развитию гражданского общества и в Абхазии, и в Грузии. Кто хочет привить этим обществам независимое мышление, кто хочет, чтобы в этих обществах проводились свободные демократические выборы? Именно это и соответствует западным ценностям, именно на это и тратятся большие деньги. Вы говорили, что международные организации не отреагировали на заявление Каркарашвили. Это так, но это было во время войны, и Запад тогда никак не был подключен к этой войне. Это история из прошлого – эта фраза, слава Богу, так и осталась фразой! Потому что Каркарашвили оказался нулем, и он уже на обочине истории. Кстати, когда в Грузии был переворот, когда сбрасывали Гамсахурдия, и тот со своими людьми сидел в бункере, Каркарашвили тоже сделал очень кощунственное заявление: а что с ними возить-ся, зальем туда бензин и подожжем.

Нателла Акаба. И его назначили главнокомандующим?!

Паата Закареишвили. Но он же этого не сделал. Все знали, что он пустое место. У него не было никакой поддержки. Им все возмущались и возмущаются. Он был никто. Я сейчас не оправдываю это, я хочу сказать, что Запад сейчас довольно серьезно работает. Международные организации тратят большие деньги во имя демократии, а что в это время делает Россия? Может быть, я не имею права так говорить, но мне кажется, что в Абхазии общественное развитие идет не так, как бы вам хотелось. Я не жду ответа, я понимаю ситуацию. Но мне кажется, что для вас было бы намного лучше, если бы там больше развивались демократические процессы, были бы значимее гражданские ценности, гражданский диалог. К сожалению, очень многое происходит не так, как хотелось бы вам. Но Запад очень серьезно и непосредственно реагирует на то, что происходит, например, в Грузии. Это очень правильно, когда Запад прямо через посольства диктует, что им не нравится – когда, например, у нас притесняют иеговистов, когда в правительстве происходят перестановки, которые абсолютно не соответствуют демократическим ценностям. А что делает Россия, то есть ваш со-

юзник, в Абхазии? Что-нибудь она вам советует? Сейчас я знаю, в Абхазии хотят, чтобы министры одновременно могли быть депутатами – это же явно антидемократический шаг.

Нателла Акаба. Не министры, а директора.

Паата Закареишвили. Я уверен, что Россия никогда официально не скажет вам: это плохо! То есть Россия никогда не захочет, чтобы в Абхазии пошли демократические процессы. И не может быть, чтобы вы не задумывались, почему Россия ведет себя с вами так. Россия тратит на Абхазию, как и на Грузию, огромные деньги – на разные там подкупы кого-то, на поддержку кого-то. На что Россия тратит деньги в Грузии? На подкуп определенных чиновников, чтобы связать их экономически, чтобы через те или иные структуры у них были свои экономические интересы в России, чтобы впоследствии они были вынуждены поддерживать антидемократические процессы в Грузии. В Грузии это сейчас явно бросается в глаза. С одной стороны – коррумпированные министры, за которыми стоит Россия, с другой – министры-реформаторы, за спиной которых Запад, и между ними идет самая настоящая борьба. Мы видим, кто на что тратит деньги. Может быть, это очень тривиально, но говорится же, что злой человек свое дело делает в темноте, ночью, а добрый – днем, при солнечном свете. Запад работает открыто, все его фонды прозрачны – все видят, какие деньги, когда и на что идут. Но куда идут российские деньги – на военные цели или на что-то другое – и какие это деньги, никогда не узнаешь. Неужели это вас не беспокоит? И это не просто выбор союзника – главное, по какому качеству делается этот выбор. Об этом и должна идти речь. Почему мы выбираем Запад? Не только потому, что это антироссийская сила, а потому, что считаем, что там больше истины. Потому что они хотят, чтобы мы, рано или поздно, начали жить самостоятельно, чтобы нашли свое место, чтобы сами выбрали свое право, свои ценности и стали бы надежным государством, чтобы мы не создавали проблемы другим – вот главная цель западной политики. Чего я не сказал бы про Россию. Поэтому я, как человек, на самом деле очень переживающий за судьбу Абхазии, не могу смотреть на это спокойно – наблюдать, в какую пропасть толка-

ет Абхазию Россия. Я говорю со всей искренностью. Вот в вашем выступлении это не прозвучало.

Нателла Акаба. К сожалению, я так и знала, что то, что я скажу, будет истолковано как моя позиция. Паата, ваша речь – такая эмоциональная – абсолютно соответствует моим собственным взглядам и ощущениям. Но, я вам еще раз говорю, что сегодня я пыталась говорить от имени простых людей Абхазии, и даже от имени абхазского руководства, понимаете? Почему вы думаете, что та женщина с Псоу или какой-нибудь там наш министр хотят, чтобы в Абхазии развивалось гражданское общество? Почему вы думаете, что им нравится то, что делает Запад? Вы понимаете, что мы с вами говорим совершенно о разных вещах? И потом, если вы говорите о том, что Россия нас толкает в пропасть, то можно смотреть на это и по-другому – что туда толкает нас Грузия. В конечном итоге, на всё это толкает нас Грузия. Я говорю: ну, дайте нам какую-то альтернативу. Вы нас, так сказать, ругаете за то, что мы такие безвольные, что нас куда-то толкают, а мы катимся и даже чуть ли не радуемся этому. Ну, дайте нам альтернативу. Пусть нам кто-то даст альтернативу.

Паата Закареишвили. Но Грузия не может дать альтернативу.

Нателла Акаба. Грузия не может? Тогда пусть Соединенные Штаты дадут. Они ведь даже наши выборы игнорируют. Может, по отношению к Грузии Запад действительно строит свою политику с такими хорошими намерениями, но то, что делается по отношению к Абхазии, вызывает у меня определенные сомнения. Зачем столько лет игнорировать наши выборы и тем самым давать нашим властям прекрасную возможность манипулировать ими и проводить их как хотят? Я не уверена, что Запад так уж заинтересован, чтобы в Абхазии строилось нормальное общество. Более того, мы часто слышим: в конце концов, для нас не важно, нарушаются у вас там сейчас права человека или нет – для нас важно, чтобы вы с Грузией нашли, так сказать, взаимоприемлемое решение. Вот в чем причина. Это же опять такой вот двойной стандарт.

Лиана Кварчелия. У нас тоже обсуждаются эти вопросы, о которых говорил Паата. Но то, что говорит он, связано как бы с долгосрочной перспективой безопасности. А то, что говорит Нателла – реальность, сегодняшняя безопасность. К сожалению, сегодня Запад, Турция и международные организации, которые участвуют в урегулировании конфликта, ставят знак равенства между урегулированием конфликта и восстановлением территориальной целостности Грузии. Это абсолютно неприемлемо для Абхазии. Россия как бы не признает Абхазию, но тем не менее, оставляет какое-то пространство для маневров (разумеется, исходя из собственных интересов).

Паата Закареишвили. Россия тоже признает территориальную целостность Грузии...

Лиана Кварчелия. Она признает территориальную целостность Грузии, но в силу того, что ее интересы находятся в конфликте с интересами Запада и Грузии, остается какое-то пространство для существования Абхазии.

Что касается вопроса Давида, что станет с абхазским государством, если Россия и Грузия вдруг договорятся. Дело в том, что российско-грузинские отношения никогда не строились и не будут строиться на доверии. Россия не поверит в лояльность Грузии до такой степени, чтобы не оставить какой-то механизм, который в нужный момент, как только Грузия опять повернется в сторону Запада, будет незамедлительно задействован. Не в российских интересах допустить, чтобы Абхазия полностью была поглощена Грузией.

Давид Бердзенишвили. Зачем Грузия согласится на государственность Абхазии, если найдет общий язык с Россией? Вот что я имел ввиду.

Нателла Акаба. ...Ну Россия же не поверит Грузии навсегда!

Батал Кобахия. Затем, чтобы лишить Россию такого механизма воздействия на наши взаимоотношения.

Лиана Кварчелия. Для Грузии сегодня важно восстановить территориальную целостность. Грузия сегодня не требует, чтобы Абхазия не имела вообще никакого статуса, она хочет, чтобы Абхазия стала просто автономией. Да, Абхазия в этом случае лишится независимости, но Грузии за это придется расплачиваться собственной независимостью.

Нодар Сарджвеладзе. Представим гипотетически, что Грузия и Россия договорились, пошли на сделку. Почему же они тогда будут заботиться о том, чтобы Абхазия была независимой?

Нателла Акаба. Этого Абхазия больше всего и боится.

Арда Инал-Ипа. Если бы Абхазия не имела своей позиции, они давно бы договорились. Грузия и Россия вполне могут договориться и сегодня, только строптивость Абхазии не дает этого сделать.

Давид Бердзенишвили. Какая же возможность существует для урегулирования конфликта с учетом интересов трех сторон: России, Грузии, Абхазии? Ведь если договорятся с учетом всех интересов, то где здесь независимость Абхазии?

Олег Дамения. Истоки независимости Абхазии все равно остаются. Даже при договоренности России и Грузии, даже полной договоренности.

Зураб Чиаберашвили. Здесь обсуждаются очень интересные проблемы. У меня тоже нет ответа на вопрос, кто может дать Абхазии гарантии безопасности, если не Россия. Когда я говорю о Турции, это всего лишь один подход, можно поискать и другие варианты.

Конфликт в Нагорном Карабахе совсем не должен был входить в интересы России, потому что в Краснодарский и Ставропольский край хлынул поток армян. Но сейчас мы видим, что нужды жителей Краснодара и Ставрополя никого не волнуют, когда речь идет о геополитических интересах России. Россия никогда не заботится о конкретном человеке, о конкретном регионе, она заботится только о своих

геополитических интересах, которые совершенно оторваны от нужд реальных людей и реальных регионов.

Что касается заинтересованности Запада в становлении демократии в Грузии или в Абхазии, здесь есть два основных момента: во первых, почему на наш взгляд, Запад действует по двойным стандартам? Это бросается в глаза, когда, например, Запад тратит так много денег на демократию, но в то же время признает легитимными нелегитимные выборы президента в Грузии. Но, как писали многие журналы и газеты, это соотношение демократии и геополитики – к сожалению, грузинская демократия и грузинские демократические ресурсы не достигли той критической массы, чтобы приоритетом стала не геополитика, а демократия, т.е. чтобы демократия и геополитика дополняли друг друга, а не были какими-то альтернативами. То же самое, я думаю, касается и Абхазии: если Запад почувствует, что в Абхазии уже набирается такая критическая масса демократии, чтобы можно было сделать на Абхазию геополитическую ставку, то, я думаю, помощь Запада для построения демократического общества в Абхазии возрастет. Я думаю, что какой-то сигнал Западу должны подать сами абхазцы. Можете ли вы выделить из нынешнего правительства Абхазии такую фигуру, на которую Запад может сделать ставку, как делает ставку, например, на Саакашвили? Может быть, это звучит утрированно, но все-таки, можете ли вы назвать какого-то человека в нынешнем правительстве Абхазии, который имел бы такую же самостоятельную позицию, какую имеет в нашем правительстве Саакашвили?

Нателла Акаба. Честно говоря, я никого не хочу обидеть, но мне не совсем понятно ваше отношение к Саакашвили. Я с большой симпатией отношусь к этому человеку, но я не понимаю – разве он что-то решает? И потом, моя встреча с ним, честно говоря, меня немного разочаровала – я поняла, что он очень далек от абхазской проблемы и считает, что ее можно решить потом, а сейчас есть гораздо более важные вещи. Но это совершенно не значит, что абхазские министры лучше. Может быть, они даже хуже, потому что, оказавшись в блокаде, имеют меньше возможности научиться чему-то за рубежом. Честно говоря, я даже не знаю, кого я должна назвать. Я не совсем поня-

ла ваш вопрос. Человека, на которого можно делать ставку? А почему он обязательно должен быть министром? Мне не совсем понятно. Может быть, ответ даст кто-нибудь другой?

Батал Кобахия. Я тоже не понял вопроса. Я не могу сказать, что среди наших министров есть такие передовые, что и Запад, и Россия думают: как бы их перетянуть на свою сторону. Да и у вас таких нет.

Лиана Кварчелия. На самом деле в Грузии и в Абхазии очень разная ситуация. Позицию Запада в отношении Абхазии я понимаю так: признавать мы вас не хотим, особенно помогать вам не хотим, а вот вы давайте, стройте демократию. И при этом проблем больше, чем помощи. Нам действительно надо пройти долгий путь демократизации, и мы все время преодолеваем препятствия, как внутренние, так и внешние. Так что мы не в такой ситуации, чтобы делать какие-то рывки.

Зураб Чиаберашвили. Спасибо, Лиана. В принципе, я услышал от Лианы, то, что хотел услышать. Все же я разъясню, что я имел в виду. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что ваше мнение о Саакашвили складывалось в рамках грузино-абхазской встречи и ваши впечатления зависели от того, что он говорил о грузино-абхазской проблеме. Но я не имел в виду позицию Саакашвили по поводу этого конфликта. Я имел в виду вот что: несмотря на то, что грузинское общество идет к самоизоляции и коррумпированные министры продолжают разрушать грузинскую государственность, практически уже разрушенную, в правительстве все же есть человек, который пытается этому противостоять...

Паата Закареишвили. Он не один... Скажи, что есть еще и другие... Там их четверо... *(Смех в зале.)*

Зураб Чиаберашвили. Не так важно количество таких министров, как общество, которое поддерживает демократов в правительстве. Дело в том, что у Саакашвили есть поддержка со стороны общества – его рейтинг очень высок. Есть ли в Абхазии такое демократическое общество,

на которое мог бы опереться такой человек, если бы он даже появился в правительстве Абхазии? Вот что я имел в виду, и это очень трудный вопрос. Когда Лиана говорит, что Запад ждет, когда вы построите демократическое государство и, может быть, только потом окажет помощь, я вспоминаю, что в Грузии именно так и произошло. Во время Звиада Гамсахурдия Запад не стал нам помогать. А после того, как в 1992 г. Шеварднадзе пригласил Геншера и Бейкера, началась и помощь Запада. Поэтому вы тоже должны дать Западу какой-то сигнал.

Лиана Кварчелия. Возможно, тогда Запад присматривался. Хотя, если поддерживали Алиева, и поддерживают сегодня, то могли бы поддержать и Гамсахурдия.

Потом, демократия – это ведь не только наличие неправительственных организаций, демократизация должна быть на всех уровнях. Дело в том, что в случае Абхазии Запад абсолютно игнорирует именно официальный уровень и экономический аспект. Да, работа неправительственных организаций имеет поддержку. Но когда такая помощь несбалансирована, она имеет не очень приятные последствия, и воспринимается как имеющая иные цели. То есть, вроде бы намерения хорошие, а вот результат – не очень. Если в Грузии поддержкой пользуются демократические институты на разных уровнях – на официальном, включая все ветви власти, на уровне гражданского общества, на уровне общин – то у нас совершенно другая картина.

Нателла Акаба. Я думаю, Запад поддержит того абхазского министра, премьер-министра или президента – кого угодно, кто будет ратовать за восстановление территориальной целостности Грузии. Больше никаких критериев для них не нужно. Пусть он будет хоть диктатором, хоть кем угодно. Это мое мнение.

Паата Закарейшвили. Я не буду называть фамилий, но очень многие западные структуры поддерживают некоторых ваших депутатов, чтобы поддержать демократические преобразования в Абхазии.

Батал Кобахия. Особенно тех, кто не имеет никаких идей – таких поддерживают с удовольствием. Просто Запад сильно реагирует на антураж.

Манана Гургулия. Знаете, я бы не давала такой однозначной оценки Саакашвили. С одной стороны, его позиция в отношении грузино-абхазского конфликта показалась мне совершенно неоригинальной, более того, ординарной, но с другой стороны, есть его принципиальная позиция в отношении внутренних процессов, происходящих в Грузии, его роль в этих процессах. Вы его называете реформатором, и я не имею права подвергать это сомнению. Это очень хорошо.

Теперь, что касается вопроса, есть ли в Абхазии такой министр, которого поддержали бы люди. Понимаете, по-моему, это похоже на рассуждение по принципу «или – или». Не бывает так, чтобы появился какой-то министр и автоматически поднял до себя общество, как прицеп. Это взаимосвязанный процесс. Чтобы представить уровень политической сознательности и правовой культуры общества, нужно брать общество в целом, а не какую-то небольшую группу НПО, парламентариев, политической элиты или представителей исполнительной власти. В Абхазии, конечно, есть свои проблемы. Но помните анекдот про человека, который всю жизнь хотел разбогатеть, но ничего не делал, а только просил Бога помочь ему? В конце концов, Бог взмолился и сказал: «Дай мне шанс, купи хотя бы лотерейный билет!» Вот и отношение Запада таково. Потому что я не знаю ни одного представителя Запада, который приезжает к нам и ведет с нами разговор о чем-нибудь, кроме признания территориальной целостности, кроме разрешения грузино-абхазского конфликта. Больше ни о чем речь не идет – ни об экономике, ни о праве и т.д.. Фразы всегда одни и те же, будто всем им писали под копирку: мы приехали для того, чтобы познакомиться с ситуацией на месте. Ознакомление с ситуацией на месте сводится к хождению из кабинета в кабинет в течение трех часов. Как-то в Абхазию приехал десант, кажется, из Парламентской Ассамблеи Совета Европы, они добирались сорок восемь часов, в Абхазии пробыли четыре часа и... спали. Демонстративно спали. А когда мы попытались им что-то рассказать, они сказали: нам не интересно. Далее – когда Грузия вступала в Совет Европы, к нам приехали официальные эксперты и говорят: нам не интересна ваша позиция. Таких примеров можно привести много. При такой реакции, при таком отношении очень трудно делать какие-то встречные шаги. Абхазии тоже нужен шанс. Абхазия тоже должна

увидеть, что Запад заинтересован не только в урегулировании грузино-абхазского конфликта, так как это видится Западу, но и в динамичном развитии самой Абхазии. Но ставка на это никогда не делается. Либо делается очень ограниченно, через НПО. Такая вот у нас ситуация. Я не оправдываюсь. Какие-то сдвиги в этом направлении, в плане демократии, делаются. Но есть один мощный консолидирующий фактор, который тормозит демократическое развитие. Не знаю, как это назвать – может быть, боязнь внутреннего раскола при неразрешенности грузино-абхазской проблемы. Страх пред этим расколом, перед фрагментацией общества – силен.

Зураб Чиаберашвили. Манана, огромное спасибо, я тоже не испытываю любви к этим делегациям. Но когда они приезжают в Чехию, Польшу или Венгрию, они не спят, потому что находятся в таком обществе, где им спать не дадут. Мы сами, и абхазы, и грузины, заслуживаем того, что к нам присылают такие делегации. Это наша вина, а не их.

Батал Кобахия. Чем обоснована такая самокритика, не понимаю. Как это вы их не любите? Почему же тогда к ним стремитесь?

Зураб Чиаберашвили. Я не стремлюсь к организациям – к НАТО или к Евросоюзу. Я стремлюсь к ценностям, к такому устройству моего общества, какое существует в Бельгии, в Германии или в Голландии, а не к каким-то организациям.

Нателла Акаба. Но мы не можем сами отбирать тех, кто к нам приезжает, тем более в Абхазии. Я не чувствую своей вины за то, что приезжают спящие представители. Но когда приезжал такой авторитетный человек, как Роблес, верховный комиссар по правам человека Совета Европы (это уж, кажется, достаточно высокий уровень), я была просто в шоке от общения с ним. Мы пытались говорить с ним о том, что нужно делать уже сейчас, несмотря на то, что грузино-абхазский конфликт еще не урегулирован, мы как раз говорили о демократизации, о поддержке гражданского общества. Он не спал, но мы чувствовали, насколько ему все это неинтересно. И он нам сказал: все это только после восстановления территориальной целостности Грузии. Мы ска-

зали, что хотим уже сейчас делать что-нибудь, что мы не можем ждать. Он ответил: единственное, что вы можете сделать, это воздействовать на ваших правителей, чтобы они быстрее заключили договор с Грузией. Можно на таком уровне разговаривать?

Тенгиз Пачкория. Зураба интересовало, есть ли в абхазской интеллигенции и абхазском обществе (и, может быть, в структурах власти) какая-то прозападно мыслящая и прозападно ориентированная часть. Я так понял.

Нателла затронула очень важные темы. Конечно, я не могу во всем с ней согласиться, но думаю, что и грузинским, и абхазским политикам будет полезно прочитать ваше выступление, проанализировать то, что вы сказали.

Один из важнейших вопросов, который здесь и раньше затрагивался, и в вашем выступлении – это вопрос возвращения беженцев. Некоторая часть грузинских политиков и часть грузинского общества весьма поверхностно, может, даже примитивно полагает, что возвращение беженцев означает решение почти всех проблем. Я уж не говорю о тех людях, которые пишут или говорят, что беженцы якобы испортили колорит Тбилиси. К счастью, так думают немногие, хотя и среди деятелей культуры попадаются такие, и среди журналистов.

Нужно отметить, что большинство грузинского общества и грузинских политиков в той или иной форме полагает, что важно не просто возвратить беженцев, затолкнуть их обратно, а важно, в какую Абхазию они возвратятся – Абхазию, как составную часть Грузии, Абхазию как субъект федеративного или конфедеративного государства или Абхазию как другую страну? И они полагают, что для того, чтобы вернуть беженцев, очень важно решить именно этот вопрос. А вот просто так возвращать людей из безысходности их состояния, как, например, в Гальский район, на птичьих правах – это не решение проблемы. Хотя не все, но многие могут вернуться за счет родственных связей, личных контактов, но для большинства общества вопрос стоит именно в этой плоскости – в какую Абхазию они возвращаются. Не говоря уже о том, в демократическую или недемократическую, хотя бы с политико-правовой точки зрения надо знать, куда возвращаться.

Многие политики осознают, что Грузия не сможет никогда состояться как полноценное независимое государство, если не восстановит единство страны (здесь имеется в виду не только Абхазия, но и Южная Осетия), что она никогда не сможет выпрямиться и полностью окрепнуть экономически и духовно, интеллектуально, если не будет восстановлено единство страны. Я не случайно спросил у Нателлы: а если вдруг руководство Грузии развернется к Москве и будет смотреть лицом, а не спиной, что дальше? Я не случайно об этом спросил, потому что первые признаки этого уже есть. Может быть, их не замечают, но признаки есть. Чем они продиктованы, это уже другой вопрос. Боязнью, что Россия еще раз побьет, еще раз накажет, еще раз использует какие-то рычаги против Грузии. Может быть, боязнью, что она будет проглочена. Может быть, руководство Грузии боится не удержаться у власти, и уж лучше пойти на компромисс, пойти на уступки России, чтобы сохранить посты. Но я думаю, что многие разделяют такую позицию, что чем быстрее руководство Грузии, если оно избрало такой путь, пройдет этот путь, тем быстрее могут появиться первые признаки того, что Россия, как это случилось в Молдове, отложит дубинку – и не только в абхазском, но в других вопросах – и будет в какой-то степени содействовать восстановлению единства страны и постепенному выходу Грузии из болотного состояния. Хотя, конечно, ни у кого нет иллюзий, что до конца она этот рычаг не упустит и дубинку далеко не выбросит, чтобы в случае необходимости, если Грузия опять развернется от России на Запад, снова использовать эту дубинку.

Я, конечно, не в восторге от того состояния, в котором находится российское общество. У меня не было никаких иллюзий по поводу тех ценностей, которые там реально есть. Но когда нет реальной помощи и реальной поддержки союзников, чтобы противостоять давлению России, лучше уж не доводить дело до того, чтобы полностью разрушить Грузию. Чтобы этого избежать, лучше своевременно сделать выводы и пойти на компромиссы с Россией. Я очень далек от неокommунистических, неолевыхистских призывов к восстановлению Советского Союза, присоединению Грузии к российско-белорусскому союзу и т.д. Но игнорирование вышеназванных реалий уже много раз приводило Грузию к потерям, жертвам, катастрофам, кон-

фликтам, и это будет повторяться вечно, если Запад не окажет реальную помощь. Тогда другого выхода у Грузии нет, из двух зол выбирается меньшее. Спасибо.

Миша Мирзиашвили. Г-жа Нателла говорила об альтернативе – Россия и Запад в лице НАТО, Евросоюза и международных организаций. Думаю, решения, принимаемые под влиянием международных организаций, будут справедливее тех, которые будут приниматься под, так сказать, зонтиком России. Это очевидно, потому что Россия, в отличие от международных организаций, имеет только один политический интерес, одну позицию. Если политический статус Абхазии будет решаться не в России, а в международных организациях, это будет более справедливое решение, более приемлемое, более сбалансированное. По-моему, об этом даже спорить нельзя.

По-моему, в Абхазии единственный, кто может быть за Россию – это власти. Такую власть, такой режим может поддерживать только одна сторона, один политический интерес. Мне совершенно ясно, что поддерживает Запад. Г-жа Нателла сказала, что западные организации не хотят признавать ваши выборы. Не могут они признать эти выборы, потому что (извините, что напоминаю, но вы и сами это знаете) нарушено право выбора большей части населения. Понятно, что после этого никто уже не станет интересоваться, как будут проходить сами выборы, как будут защищены права кандидатов, не лишены ли они доступа к прессе. Это уже не интересно, потому что с самого начала уже ясно, что это неправильно.

Что мне нравится в Западе и в доминирующих международных организациях – это то, что там все открыто, все ясно. На эти организации надо смотреть (я это, кстати, говорю для грузин) как на спонсоров, как на инструмент, который ты используешь, чтобы достичь каких-то своих целей. Мне непонятно, почему гражданское общество должно быть ориентировано на Россию и почему оно должно ждать от России каких-то гарантий, каких-то справедливых решений – в том числе по проблеме Абхазии, в том числе по проблеме защиты абхазского этноса – больше, чем от западных организаций. *(Шум в зале.)*

Арда Инал-Ипа. Фактически, Миша сказал, что западные организации никак не могут способствовать демократическим преобразованиям в Абхазии, потому что Абхазия априори не вписывается в рамки разделенного мира.

Миша Мирзиашвили. Я этого не говорил.

Арда Инал-Ипа. Ты сказал, что сами по себе наши выборы априори не могут быть признаны, поэтому пусть к власти приходит кто угодно – хоть диктаторы. Мне кажется, в этом есть определенный цинизм. Если для этих западных организаций демократические принципы на самом деле являются ценностью, они не должны быть безразличны к тому, что происходит на этой территории – защищены ли здесь права людей, в том числе и вернувшихся беженцев. Мне кажется, подобное игнорирование противоречит демократическим целям. Это комментарий по поводу твоего выступления.

Еще я хотела сказать об интересах России. В прошлый раз я говорила, что проблема в том, что Россия как бы мечется между своими экономическими и политическими интересами на Кавказе, которые находятся в противоречии друг с другом. Политические интересы требуют стабильного Кавказа, в том числе Южного, чтобы не раскачивался Северный, а экономические наоборот — нестабильного Южного Кавказа, чтобы нефть потекла по территории России. Но сейчас я думаю, что все-таки стабильный Кавказ не входит ни в экономические, ни в политические интересы России. Потому что если Южный Кавказ будет стабильным и экономически развитым, он, естественно, и политически не будет ориентироваться на Россию. Поэтому я все-таки не вижу, в чем стабильный Кавказ может устраивать Россию.

Мне кажется, что мы постоянно смешиваем два каких-то разных подхода и наша дискуссия может ни к чему не привести. Потому что тот разговор, который начинался при Ледерахе, касался поиска интересов, может быть неосознаваемых, каких-то внутренних, глубинных интересов, которые могут вывести конфликтующие стороны на понимание какого-нибудь общего интереса. Сейчас мы говорим о политических интересах внешних игроков, конфликтующих сторон. Эти

политические интересы не всегда, даже с нашей точки зрения, отвечают реальным потребностям этих сторон. И мы постоянно смешиваем то, что на самом деле является интересом России на Кавказе, и то, что является, скажем так, поверхностным интересом, которым руководствуется Россия на Кавказе. Это совершенно разные вещи, и, если мы действительно хотим в этом разобраться, нужно будет, наверное, пригласить на нашу встречу представителей российской стороны. Потому что это не совсем серьезно, когда мы предполагаем, что они считают своими интересами, а что нет.

А что касается российского влияния и российской ориентации, то, конечно, можно поспорить с Нателлой, но нельзя не учитывать, что если Россия перекроет сегодня границу на Псоу – это будет убийством Абхазии. Мы вправе как угодно оценивать сегодняшнее состояние России, но не понимать, что сегодня для нас это жизненно важная артерия, мы не можем. Это очень серьезный фактор, и было бы просто недальновидно его не учитывать. Но с другой стороны, я хочу, чтобы мы воспринимали российский фактор так, как яхтсмены воспринимают ветер. Они знают, что не всегда нужно идти по ветру. Устанавливая паруса с учетом ветра, нужно идти своим курсом. Мне хочется, чтобы мы не оставались беспомощными в тени российских интересов, а учитывая этот интерес, все-таки вели лодку к своей цели.

Манана Гургулия. По-моему, в отношениях между Грузией, Абхазией и Россией складывается интересная ситуация. Если со всех сторон постоянно будут твердить: вот вы пророссийски ориентированы, вы недемократичны, ваши интересы лежат только в России, можно заставить людей в это поверить, то есть вбить в них стереотип. У Абхазии намного меньше возможностей открыто, во всеулышанье заявлять о своей позиции, чем у ее двух соседей – Грузии и России. Поэтому ее голос иногда похож на глас вопиющего в пустыне.

Я бы не оценивала только в черно-белых тонах то отношение к России, которое складывается в Абхазии. И привела бы примером чеченский фактор – чеченскую войну, первую и вторую. В период первой чеченской войны в России очень явственно, очень четко были слышны два голоса: милитаристский и антивоенный. Антивоенный голос звучал очень громко. И, соответственно, формировалось отно-

шение к России как к неоднозначному государству, в котором есть и такие силы, которые не готовы пройтись катком по какому-то народу на Кавказе ради удовлетворения своих нужд, потребностей или интересов, не знаю, как их квалифицировать.

Что касается второй войны, я понимаю, что не все в России думают одинаково, но ситуация сложилась так, что высказать свою позицию может только одно крыло, одно направление. Вот живой пример, когда в качестве способа решения сложной, очень сложной политической проблемы избран один единственный способ – война и истребление народа. И это тоже повлияло на отношение к России по крайней мере части абхазского населения. Я не экстраполирую такую позицию на все абхазское население, но я знаю, что она есть, и она мне достаточно близка. Поэтому не стоило бы говорить так однозначно об отношении Абхазии к России, несмотря на то, что какие-то политические деятели четко заявляют о своей пророссийской ориентации.

Олег Несторович коснулся, по-моему, вопроса о развитии России, как оно происходит и почему. Кто-то спросил, чем России интересна периферия, что она ей дает. Существуют два пути развития: интенсивный и экстенсивный. Россия всегда избирала экстенсивный путь. Чтобы продемонстрировать свою мощь, свою значимость в этом мире, она пытается расширять свои границы, свое влияние. Она идет не путем интенсивного развития, развития глубоких демократических процессов, а путем расширения своего влияния на периферию, и с этим как-то приходится считаться. И мы соседствуем с российской периферией, и это тоже, конечно, влияет на наши отношения.

И еще одна вещь, на мой взгляд, в какой-то степени влияет на формирование позиции Абхазии по отношению к России: цели Грузии и Запада во многом совпадают. По крайней мере, в данном случае в отношении Абхазии поставлена одна четко определенная цель – восстановление территориальной целостности Грузии. Россия тоже декларирует эту цель, она ведь член всех этих международных организаций, которые декларируют западные ценности. И потом (тут я хотела бы с Мишей поспорить), Россия велика, она далеко не так однородна, как мы хотим ее представить. Я не думаю, что там меньше людей, ориентированных на западные ценности, чем в Грузии.

Россия, декларируя вот эту общую с Западом и с Грузией цель – восстановление территориальной целостности – тем не менее, исходя из своих собственных интересов, делает какие-то послабления для Абхазии. То откроет границу, то еще что-то разрешит сделать, и это позволяет выжить нашему маленькому народу на своей маленькой территории. От Запада мы помощи не видим. И я совершенно согласна с Ардой: да, может быть, выборы не легитимны, да, они проходят без участия большинства довоенного населения, но что бы вы ни говорили, они проходили и будут проходить, и раз они проходят, то в какой-то форме, я не знаю в какой – через политические структуры или неполитические – можно влиять, чтобы осуществлялись хотя бы какие-то демократические процедуры. Я не говорю, что их вообще нет, но какие-то нарушения, скорее всего, есть и будут. Влиять на этот процесс нужно. А отношение многих заинтересованных сторон к Абхазии таково – мы вам высказали свою позицию, вы должны с нами согласиться, согласиться на восстановление территориальной целостности, а мы подождем. Это как грозный отец ребенку: я жду, пока ты сделаешь как я хочу; а не сделаешь, я тебя и знать не желаю, хоть умри. Это естественно, вызывает вот такое неоднозначное отношение Абхазии как к Западу, так и к России.

Но я еще раз хочу сказать об одном, меня словно преследует одна мысль: в отношении к Абхазии четко выработаны стереотипы. Все всё знают об Абхазии, не изучая ее – пророссийская, промусульманская, фундаменталистская – причем всё это в зависимости от меняющихся настроений. То, я помню, Шеварднадзе активно говорил, что там развивается фундаментализм, только я так и не увидела, где они, эти фундаменталисты, «где этот «пострадавший»». Все, кроме самой Абхазии, четко знают, какая она. Мне кажется, Абхазия не столь однозначна, не столь однородно в ней и отношение к России, и отношение к Западу. У меня такое ощущение, что она, как маленькая лодочка, пытается выплыть, выжить в этой сложной ситуации, может быть, выждать, чтобы не исчезнуть совсем. Спасибо.

Марина Элбакидзе. Было сказано, что позиция Грузии в какой-то мере инфантильна в том смысле, что она понимает независимость как независимость от России. То есть уходит от одного патрона и ищет другого

– нового, более доброго, более приемлемого. Но такова же и позиция Абхазии. Абхазия тоже хочет избавиться от патрона, который ей не нравится – от Грузии – и найти другого. И выбора у нее вроде бы нет. У Грузии выбор есть – Россия, Европа, Америка, Турция или кто-то еще – выбор большой, а у Абхазии вроде выбора такого нету и остается только Россия. И выбирают Россию, во всяком случае сегодня, не потому, что она однозначно является полноценным гарантом, а потому, что она сегодня нужна Абхазии для выживания. Какие интересы у России? Интересы Грузии понятны – это территориальная целостность, интересы Абхазии – это независимость, государственность, независимое государство. То есть они друг другу противоречат. Если Россия – вынужденный выбор и, как было сказано, нужна для выживания Абхазии, не даст ей умереть, но в то же время в интересы России не входит признание независимости Абхазии, то получается, что для абхазских интересов, для идеи абхазской независимости и государственности просто не остается места. Складывается такое впечатление, что вся эта война, вся эта борьба за независимость нужна была лишь для того, чтобы освободиться от Грузии и присоединиться к России. Я не говорю, что так оно и есть, просто после того, как мы уточнили здесь позиции, создается такое впечатление.

Я, конечно, не собираюсь оценивать или советовать, что Россия плохой выбор, а Европа или Грузия хороший. Если даже Абхазия делает такой выбор и будет до конца за него держаться, то этот выбор надо уважать, если это однозначный выбор. У меня остается впечатление, что это вынужденный выбор, и этот вынужденный выбор не оставляет места для самого главного. Если, конечно, главное – это независимое государство. Если же это сознательный выбор, вынужденный и сознательный, то абхазская идея о независимости – не настоящая идея, не самая актуальная идея.

Батал Кобахия. Недавно мы говорили с представителем международной организации о необходимости проведения образовательного тренинга в Абхазии по технологии демократических выборов. Мне сказали так: к сожалению, мы не можем выдать вам грант на такие проекты, потому что не признаем государственность Абхазии, но вообще-то это хорошо. Мы долго спорили. Для того, чтобы в Абха-

зии развивалось гражданское общество, демократические институты, прививались демократические ценности, нужно упорно работать.

Я совершенно согласен, с теми, кто говорил, что Россия нигде не декларировала никаких ценностей, кроме демократических. Она продекларировала эти ценности так же, как и вы, только чуть раньше вас. Другое дело, что в России многие говорят – совершенно спокойно, без истерики, без аффектации: да, конечно, наша страна декларирует демократические ценности, но, к сожалению, мы не живем в рамках этих ценностей.

И все-таки я хотел бы коснуться взаимоотношений с Россией. Да, безусловно, у Абхазии другого выбора нет. Но я, например, не такой фаталист. Честно говоря, я не люблю ни Россию, ни Грузию, ни ваш Запад. Дело в том, что я люблю Китай, потому что китайцы сегодня меньше всего сосредоточили свои интересы на Абхазии. *(Смех в зале.)* Другое дело, что я например не хотел бы такого будущего, в котором я буду менять одну Китайскую Стену на другую – вот, откроемся Западу, закроемся от России.

Вы понимаете, у нас есть граница на Псоу. Я просто хочу сказать, что, может быть, нам есть смысл думать не о том, от кого полностью отказаться, а сделать так, чтобы эти вещи не влияли на наши взаимоотношения. И сегодня вы зря ожидаете, что мы станем камикадзе или мазохистами. У нас это единственное окошко, форточка, можно сказать, которая еще открыта в мир. Вы требуете от нас самопожертвования, чтобы мы эту форточку захлопнули, потому что это не соответствует вашим демократическим принципам и ценностям? *(Шум в зале.)*

Абесалом Лепся. Во-первых, надо сказать спасибо Нателле Нуриевне, что она спровоцировала все это. Это была такая плодотворная провокация.

Я коротко хотел бы сказать об отношении к России. Конечно, такой постановки вопроса не может быть – смешно думать, что надо как-то упразднить роль России, закрыть форточку и т.д. В полемическом перехлесте могло создаться и такое впечатление. Но здесь никто и не высказывал такого мнения, это просто глупо. Российские интересы есть и будут, и игнорировать их невозможно. Речь идет о другом. Очень часто отношения Абхазии с Россией мне напоминают

один исторический анекдот, когда Сталин с кем-то беседовал и хотел продемонстрировать своему собеседнику, как надо управлять людьми. (Было это или нет, не знаю, но очень похоже на действительность.) Так вот, он поймал курицу, ощипал ее и отпустил на свободу. Эта ощипанная курица побежала обратно к его ногам и стала жаться к его сапогам. Отношение Абхазии к России напоминают мне отношение бедной ощипанной курицы, которая всего боится и в поисках безопасности всё жметя к этим кирзовым сапогам.

Речь идет о том, чтобы такого отношения не было. Надо постараться сделать так, чтобы быть хотя бы чуть-чуть посамостоятельней. Если Абхазия и кавказские государства действительно постараются определить свои реальные интересы, это поможет определить и российские интересы на Кавказе. Потому что ни Россия, ни кавказские государства не могут нормально артикулировать, в чем же заключаются их интересы и как можно эти интересы сбалансировать. Не может быть речи о том, чтобы как-то устранить Россию с Кавказа, наоборот, цивилизованное участие России на Кавказе – это необходимая и важная вещь. Вот о чем мы говорим. В этом случае роль России будет гораздо плодотворней, чем была до сих пор. До сих пор она была не конструктивной, а даже во многом деструктивной.

Манана Гургулия. Какую цивилизованную роль Россия может выполнять на Кавказе?

Абесалом Лепсяя. Она сможет делать то, о чем уже говорил Паата, рассказывая о западных организациях и фондах. К ним можно по-разному относиться, и я, кстати, не являюсь каким-то там особо прозападным в этом смысле. Но Россия тоже может взять на себя эту роль – в развитии гражданского общества, в поддержке каких-то демократических институтов и т.д., в поддержке экономики, в инвестициях. Это, конечно, еще упирается во внутренние особенности Абхазии. И здесь, возможно, не всё от России зависит, но ведь она может это делать. Почему она не может этого делать?

Давид Бердзенишвили. Я хочу сказать два слова о Саакашвили. Грузинских руководителей (и в правительстве, и в парламенте) я делю

на две категории: плохие и еще хуже. Саакашвили может быть для нас интересным в том случае, если он попадает во вторую категорию. Абхазия – не его тема (это, может, и к лучшему). Из-за отсутствия сильного демократического ресурса в Грузии нам приходится интересоваться теми людьми, которые пошли во власть, и наблюдать за их деятельностью. Каковы бы ни были мои нравственные оценки и политические интересы, нельзя перечеркивать того, что Саакашвили делает в своем министерстве. На самом деле в Министерстве юстиции делается много хорошего. Но если не будет серьезного продвижения вперед, если окружение останется таким же темным, построить демократию в одном единственном министерстве невозможно.

Как сказала Арда (очень точная была метафора), можно плыть против течения так, чтобы сохранить лодку и достичь цели. Вроде бы такая возможность существует, но она очень трудно реализуема. Что я имею в виду? Фактически, Абесалом и особенно Марина об этом уже говорили: Абхазия сейчас стоит перед историческим вызовом – способна ли она на государственность, является ли государственность для нее ценностью или это просто инструмент и аргумент для урегулирования (или наоборот, неурегулирования), трансформации (или нетрансформации) абхазо-грузинской проблемы.

Мы можем рассматривать возможности становления, признания, содействия независимой абхазской государственности, если эта независимость не будет ориентирована преимущественно на реваншистские интересы России на Кавказе. Я, конечно, согласен с Абесаломом, в конце-то концов, не весь Северный Кавказ старается выйти из состава России, но Чечня старается. И естественно, какие-то интересы, возможности, рычаги у России на Кавказе остаются. Есть и фактор Армении, правда, географически она расположена на Кавказе, но по сути (мы вчера об этом говорили с Олегом Несторовичем) армяне как-то выпадают из кавказского региона, может быть, даже по своему историческому опыту, и ведут себя сейчас не так, как другие этносы и государства Кавказа. У них есть свои причины для этого... Вызов стоит и перед Грузией, и перед Абхазией. Тенгиз не единственный человек в Грузии, который вполне четко формулирует один из возможных сценариев развития русско-грузинских отношений. Кстати, в марте я пе-

речислял возможные сценарии, и этот был одним из самых вероятных. Правда, я буду всячески добиваться, чтобы он стал менее вероятным, но в принципе, такая проблема существует, и поэтому Грузии сейчас тоже надо выбирать, с какой Россией ей иметь дело.

Манана была абсолютно права – Россия входит в те организации, и что особенно важно, в те финансовые международные организации, которые если не контролируют полностью, то в значительной степени корректируют ее внешнюю политику. Это естественно, ведь бюджет России меньше, чем бюджет одного большого города Соединенных Штатов. Не может такая Россия диктовать условия западному сообществу, но на Кавказе, по этому периметру, Россия сохраняет свое преимущество, и я, к сожалению, не вижу серьезных возможностей изменить в лучшую сторону методы реализации российских интересов, если мы не будем этому способствовать. Мы тоже игроки в этом регионе. И серьезные игроки. Я не думаю, что Грузия имеет меньше шансов серьезно играть на Кавказе, чем Россия. Я не думаю, что Абхазия имеет меньше шансов определить свою судьбу, чем это делает за нее Россия. Поэтому мы тоже как-то должны создавать предпосылки для урегулирования наших проблем и активизации нашей деятельности на Кавказе. Я не призываю вас, чтобы вы сразу закрыли границу на Псоу и стали самоубийцами. Но мы можем оттеснить российский реваншизм на Кавказе, и мы можем найти себе партнеров и в Турции, и в Евроатлантическом Союзе, и в самой России, если наша доля в этой игре и наши возможности будут значительно выше, чем теперь.

Олег Дамения. Я тоже очень признателен Нателле за интересный доклад. Единственное, что мне хотелось бы посоветовать, раз уж она представила три стороны, три субъекта, три силы, то доклад был бы полнее, если бы были представлены не только интересы России, Грузии и Абхазии, но и интересы Запада. Потому что, как бы мы к этому не относились, интересы Запада в регионе (и в Абхазии, и в Грузии) сегодня реальны.

Тут очень много говорилось о том, что западные политики, которые приезжают к нам, зачастую больше спят, дремлют, и не проявляют к нам какого-либо интереса. Да, к сожалению, мы до сих пор стал-

квиваемся с политической конъюнктурой и двойными стандартами. Но я хотел бы заметить, что мнение Запада относительно Абхазии тоже меняется – как бы там ни было, все равно меняется, и нам, абхазским политикам и представителям третьего сектора, следовало бы активнее работать, несмотря на эти трудности.

Что касается российской ориентации – это реальность и традиция. Такая ориентация существует. Нателла говорила здесь не о своей личной ориентации, а об ориентации общества в целом. Я хотел бы уточнить, почему такая ориентация пока еще существует. Как я понимаю, это, прежде всего, Северный Кавказ. Мы вчера говорили и сегодня говорим – это Северный Кавказ. И кроме того, для нас Россия пока еще остается тем пространством, откуда мы черпаем информацию и решаем какие-то проблемы, связанные с наукой, образованием, здравоохранением, коммуникациями. То есть все вот эти проблемы Абхазия решает, сохраняя связи и контакты с Россией.

А с другой стороны, к великому сожалению, я не знаю никаких фактов, чтобы Россия официально выделяла Абхазии какие-то финансовые средства. Более того, Россия нам не дает ни копейки. Мы вынуждены вывозить товар контрабандой. У нас, кстати, есть ориентация и на Турцию, и на другие страны Ближнего Востока. Это тоже надо учитывать. То есть наша ориентация на Россию неоднозначна, у нас есть ориентация и на другие страны. Кстати, сегодня у нас есть ориентация и на Запад. Это тоже реальность. Потому что там уже тоже появляется наша диаспора, более того, там появляются какие-то наши интересы. Если Нателла говорила здесь о российской ориентации, то это не значит, что это единственная ориентация, которая может быть у Абхазии.

Нодар Сарджвеладзе. Я хочу затронуть два вопроса. Первое – то, о чем говорила Марина – что проявляется какая-то инфантильность в том, что независимость оборачивается поиском нового покровителя. Давайте зададимся вопросом: можно ли в современном мире жить абсолютно независимым? То есть, когда самая главная ценность – это независимость? Ведь современный мир – это взаимозависимый мир. Очень трудно мыслить независимость в абсолютном ее понимании. И можно ли таким отсталым странам, как Грузия и Абхазия,

мечтать о независимости во взаимозависимом мире, где даже самые большие державы взаимозависимы? О Грузии сейчас даже говорят, что ее исключают из списков развивающихся стран. Может ли такая страна быть независимой? Можно ли вообще жить в этом мире, без какого-то покровителя вроде Всемирного банка? То есть финансово мы вообще все зависимы. Поэтому такая абсолютная независимость самоубийственна, если она не находит модель взаимозависимости. Потому что мир построен по принципу взаимозависимости.

Теперь второй вопрос: как нам надо работать в дальнейшем, когда мы будем говорить о нуждах, интересах и позициях. Дело в том, что здесь возникает проблема наблюдателей. С какой позиции все это выдвигается? С какой позиции нужды Грузии или Абхазии могут быть перечислены наиболее адекватно? С позиции Нателлы лично, с позиции Путина, с позиции Шеварднадзе, с позиции кого? Понимаете, очень трудно маркировать наблюдателя во всех этих рассуждениях. Вот даже в России очень трудно сказать, где чьи интересы – политической элиты, «Яблока», Жириновского или же каких-то других кругов. Дело в том, что, наверное, в дальнейшем мы действительно должны пойти путем изучения этих нужд, интересов и позиций, и чем более дифференцированно мы будем их изучать, тем лучше. Мы уже начали анализировать интересы сторон, и мы должны, наверное, продолжать в том духе, чтобы маркировать различные позиции, которые помогут определить нужды различных слоев населения.

Паата Закареишвили. Я проявил инициативу – хотел познакомить абхазов с нашими политическими деятелями, которые считаются реформаторами. Их называют реформаторами в кавычках, и я к этому присоединяюсь, но все-таки они что-то делают. Они в самом деле много делают и в парламенте, и в некоторых министерствах, но считают, что сейчас не до Абхазии. И это признаю даже я, несмотря на то, что непосредственно связан с абхазской темой. Просто в Грузии сейчас есть более актуальные темы, мы об этом и в марте говорили, и это уже вошло в сборники. Мы хотели познакомить вас не с теми политиками, которые хорошо разбираются в абхазском вопросе, а с теми, кто активно влияет на современное состояние Грузии. Например, о Саакашвили можно сказать много отрицательного, но нельзя

не видеть его положительных сторон. В свое время он, в самом деле, сделал Министерство юстиции полностью прозрачным и показал народу, какими должны быть министры – открытыми, подотчетными народу, доступными для общественного контроля.

Теперь, что касается Запада. Почему-то с абхазской стороны здесь прозвучало (вот и Манана об этом говорила), что Запад – это те, кто официально приезжает в Абхазию: представители ОБСЕ, Евросовета. Но и Пола, и Джонатан, и Норберт, и International Alert – все они с Запада. Кроме проекта Пола, который финансируется из частных фондов, все остальные проекты, которые я назвал, финансируются из государственных структур западных государств. И все они заинтересованы в том, чтобы в Абхазии состоялось демократическое общество, государство, гражданское общество. Они заинтересованы, они тратят государственные деньги – деньги налогоплательщиков. И тратят именно на то, чтобы способствовать развитию гражданского общества в Абхазии и в Грузии, чтобы между нами состоялся более справедливый диалог и принимались более справедливые, обоюдовыгодные решения. И смотрите, с кем они встречаются, когда приезжают – они встречаются с Ардзинба, с депутатами. Почему? Если они нелегитимны, если они непризнаны, если они сами их не признают, почему тогда встречаются именно с ними? Почему Норберт приглашает депутатов и министров на Шляйнингский процесс, если в Германии их не признают? Конечно, формально их не признают, но фактически они признаны. На них лежит ответственность за то государство, которое сегодня называется Абхазией. Поэтому представители западных стран встречаются с ними, считаются с ними, а не с любым человеком, которого встретят в Абхазии. Вы хотите, чтобы вас признали формально – это другое дело. Но фактически они делают все, чтобы показать вам, что для них важны, например, результаты выборов. Очень важны. Они обязательно скажут, что итоги выборов – скажем так – незаконны, но реальны. Всем интересно, кто придет к власти, кто победит в Абхазии – это важно, потому что показывает, в какую сторону развивается общество. Так что недостает только формального признания государственности – всё остальное уже признано. Поэтому не надо валить всё в одну кучу – вот, они не признают наши выборы, но выборы должны состояться. Конечно,

выборы должны состояться в любом случае. В любом случае это интересно и важно, несмотря даже на то, будут ли в них участвовать беженцы или нет, и то, что они не признаются формально, не должно вас угнетать. То, что повсюду, и в Грузии в том числе, обсуждалось, кто будет премьер-министром Абхазии – это уже само по себе признание. В Грузии очень долго обсуждался вопрос, будет ли это Джергения или кто-то другой. Это немаловажный факт. Решение же принималось не в Грузии. Значит, такие решения важны сами по себе, несмотря на то, как они оформлены и стоит ли на них печать. А вы говорите: какое имеет значение, кто обращает на нас внимание – непризнанное государство, и всё.

Теперь о главном – об отношениях с Россией. Почему-то Россия нарушила самый главный договор ОБСЕ – насчет вывода баз из Гудаута, и ничего не случилось. При этом она принципиально не нарушает договор СНГ об экономических ограничениях, иначе говоря, о блокаде. Россия – шах в своем гареме и принимает те решения, которые приятны ей самой. С одной стороны, она очень легко может плюнуть на ОБСЕ, а с другой – принципиально соблюдать блокаду Абхазии. Все это происходит, потому что она играет и вами, и нами. Ей всё равно, что нарушать, что не нарушать. Поэтому, когда мы говорим о России, надо уточнять – о какой России мы говорим. Для нас не Россия сама по себе плоха, для нас неприемлема такая политика. Я думаю, Запад такого никогда себе не позволит. Спасибо.

Тенгиз Пачкория. Меня неправильно поняли – я не говорил и не мог сказать, что Запад не должен помогать развитию неправительственного сектора и гражданского общества в Абхазии.

И о выборах. Выборы – это процесс политический, и решение западных организаций тоже политическое. Но выборы – это еще и предвыборный процесс, и самостоятельность неправительственных организаций можно наблюдать в этот период. Думаю, что западные фонды могут перед выборами поддерживать деятельность третьего сектора, способствующую отчетности избранных и многому другому. Может быть, это прозвучит как упрек, но, честно говоря, я не слышал, чтобы кто-нибудь проявлял беспокойство о том, что у кого-то нет права голоса и этот кто-то должен быть восстановлен в своих

правах. Я не помню, чтобы говорили об этнических меньшинствах и обучали их участию в политическом процессе. Грубо говоря, почему эти выборы должны быть ценными для других? Они как бы носят характер дотаций одного этнического меньшинства в правительстве. Как обеспечено участие других этнических меньшинств? Как защищены их права? Я не слышал разговоров на тему о школах в Гальском районе, слышал только, как Шенгелия заявил, что взорвет школы, если не будет обучения на родном грузинском языке. С таким методом согласиться нельзя, но эти проблемы существуют, и я не слышал, чтобы неправительственные организации заявляли о своем отношении к этому вопросу.

Нателла Акаба. Я очень всем благодарна, но боюсь, что после этого доклада опять буду не совсем правильно понята. Я, может быть, сознательно пошла на какую-то авантюру, потому что тема была совершенно необъятная и изложить ее на 14-ти страницах было почти невозможно. Тема слишком серьезная, ее нужно осмыслить очень глубоко. Я просто сознательно хотела поднять этот вопрос, и, может быть, его надо воспринимать как вопль из Абхазии. Образ из анекдота, который рассказал Абесалом, действительно прекрасно иллюстрирует то, что сегодня происходит с Абхазией. Мне хотелось бы спросить представителей Грузии: что в такой ситуации могли бы сделать вы? Вы всё спрашиваете нас, что мы можем сделать, но, откровенно говоря, мне кажется, что возможности у нас совершенно мизерные. Тем более, что мы и наше руководство – это далеко не одно и то же.

Что же касается признания или не признания выборов – для меня это признание совершенно ничего не значит. Главное, чтобы мы сами признавали себя независимым государством и вели себя соответственно. Просто мне кажется, что непризнание очень сильно осложняет и без того сложный процесс нашего вхождения в демократию (хотя на самом деле мы, возможно, движемся совсем в другом направлении).

Георгий Анчабадзе

БАЗОВЫЕ ИНТЕРЕСЫ АБХАЗИИ И ГРУЗИИ: ШАГИ К УКРЕПЛЕНИЮ ДОВЕРИЯ

Со дня окончания грузино-абхазской войны в 1993 г. прошло восемь лет. Оказалось, что достижение полномасштабного мира и согласия между противостоящими сторонами – вопрос неопределенного будущего. Это нельзя считать случайным явлением. Если рассматривать проблему в широком плане, видно, что везде на постсоветском пространстве, где противостояние между республиканским или федеральным центром и бывшей автономией или отдельным регионом перешло в военную фазу – в Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Приднестровье, Абхазии, Чечне – ситуация далека от окончательного урегулирования, в лучшем случае сохраняется положение «ни мира, ни войны». Видимо, для полномасштабного разрешения постсоветских этнополитических конфликтов мировому сообществу, оказывающему значительное влияние на ход миротворческого процесса, в частности, на Южном Кавказе, необходимо найти принципиально новый подход, а не руководствоваться жесткими условиями, сложившимися в период двухполюсного мира. Впрочем, скорой перестройки существующей системы в глобальном масштабе вряд ли следует ожидать. И поэтому в обозримом будущем проблемы, скорее всего, полностью решены не будут. Однако такое положение не дает противостоящим сторонам права полагаться на самотек в ожидании перемены международного климата. Следует постоянно развивать миротворческие контакты, искать точки соприкосновения по спорным вопросам, восстанавливать доверие между сообществами. Это необходимо, во-первых, потому что долгое отсутствие прогресса во взаимоотношениях чревато для обеих сторон негативными последствиями политического, социально-экономического и морально-психологического характера, а во-вторых, даже в условиях отсутствия прочного мира следует делать все возможное для облегчения положения людей, ставших заложниками конфликтов – как населения, проживающего в зоне конфликта, так и вынужденно переместившихся оттуда беженцев. Чтобы достичь максиму-

ма, нужно начинать с минимума – не дожидаясь окончательного урегулирования, активно искать выходы из частных ситуаций, заключать взаимовыгодные компромиссные соглашения по тем или иным составляющим проблемы. Надо шаг за шагом добиваться разрядки напряженности, частичного сближения позиций сторон и подготавливать почву для полного урегулирования конфликта, когда настанет его время. Стороны конфликта, относительно недавно составлявшие единое геополитическое пространство, не могут не иметь общих проблем, скорейшее разрешение которых для них, несомненно, очень важно. Другой вопрос, что по тем или иным субъективным причинам этого не происходит – за исключением тех случаев, когда дело касается жизненных интересов обоих сообществ.

В грузино-абхазском конфликте областью совпадения таких базовых интересов является электроэнергетика, в частности работа Ингурской ГЭС, важность сотрудничества в которой не отрицает никто. Крупнейший энергетический объект Грузии, ИнгурГЭС, была построена в 60-70-х годах XX века. Часть этой гидроэлектростанции расположена на территории Абхазии, в Гальском районе, а другая часть в сопредельных с Абхазией районах Западной Грузии. Поскольку отключение этой системы ввергнет в жесточайший энергетический кризис как Грузию, так и Абхазию, а ее функционирование возможно только при условии слаженной работы всех ее составляющих, правительства Грузии и Абхазии вскоре после окончания открытых военных действий заключили соглашение о сотрудничестве в сфере энергетики и распределения выработанной электроэнергии, которое с тех пор, практически, не нарушалось даже в моменты крайнего обострения отношений между Грузией и Абхазией, например, в мае 1998 г., когда в Гальском районе произошли кровопролитные вооруженные столкновения и стороны находились на грани полномасштабной войны.

Однако в переходный период можно найти и другие точки совпадения интересов Грузии и Абхазии. Сотрудничество в этих сферах, даже при условии нерешенности основных спорных вопросов, несомненно, пойдет на пользу обеим сторонам и создаст благоприятный фон для переговорного процесса. Например, в общие интересы Грузии и Абхазии входит развитие двусторонних торгово-экономических связей.

О размахе приграничной торговли свидетельствует расцвет теневой коммерции, в которой сейчас в общей сложности заняты тысячи людей по обе стороны Ингури. Из-за ее незаконного характера доходы от нее текут мимо бюджета, и будут течь и дальше. Что тут поделаешь? А сами торговые операции полностью находятся под контролем мафиозных структур, что сказывается на криминальной обстановке в регионе, способствует росту коррупции и отрицательно влияет на стабильность в этой и без того неспокойной зоне. Так почему же не узаконить двусторонние экономические связи, если это:

- поможет людям выжить в трудное время;
- принесет определенный доход государственной казне;
- будет способствовать сближению грузин и абхазов, занятых совместным бизнесом;
- в какой-то мере ударит по криминалету и коррупции?

Надо отметить, что несколько лет назад идея установления торговых связей с Абхазией обсуждалась в Грузии довольно серьезно. Были даже предприняты определенные шаги по осуществлению экономических проектов, сулящих значительные доходы. Но дело не получило дальнейшего развития: ряд грузинских политиков выступили против этой идеи, исходя из того, что развитие экономических отношений с Абхазией будет способствовать восстановлению ее народного хозяйства и таким образом усилит существующую в Абхазии власть. В результате соглашение было сорвано, а абхазские бизнесмены нашли партнеров в других странах. Я полагаю, что политика, основанная на принципе – пусть нам будет плохо, лишь бы абхазам (или грузинам) жилось еще хуже – деструктивна и никому не принесет пользы. Нельзя по политическим мотивам препятствовать экономическому подъему страны, пострадавшей от жестокой войны.

Говоря о выгодности установления двусторонних экономических связей, нельзя оставлять в стороне вопрос о целесообразности блокадного режима, установленного против Абхазии со стороны российской границы, хотя в официальных документах слово «блокада» не встречается. И тем не менее, в конце 1994 г. российские власти установили на пограничной реке Псоу жесткий контроль, ограничи-

вающий передвижение грузов, транспорта и мужчин до 60-ти лет. Вначале это мотивировалось мероприятиями против проникновения боевиков на Северный Кавказ – шла первая чеченская война. Но затем обстановка на Псоу стала все больше принимать вид экономической блокады Абхазии, установленной странами СНГ в политических интересах Грузии. Так, в решении Совета глав СНГ о мерах по урегулированию конфликта в Абхазии и Грузии от 19 января 1996 г. говорится, что государства-участники Содружества не будут осуществлять торгово-экономические, финансовые, транспортные и иные операции с абхазскими властями без согласия правительства Грузии. Решение, разумеется, было подписано и грузинской стороной, а в дальнейшем, когда российские власти в одностороннем порядке фрагментарно ослабляли экономические санкции (например, давали разрешение на провоз через Псоу абхазских цитрусов), Тбилиси заявлял протест. Поэтому общественное мнение в Абхазии связывает российскую блокаду исключительно с враждебной политикой Грузии, что, наряду с перманентной малой войной в Гальском районе, не дает абхазскому народу возможность преодолеть комплекс послевоенных настроений. Разумеется, излишне доказывать, что такая ситуация не может способствовать прогрессу в переговорном процессе.

Между тем следует отметить, что определенная часть грузинской общественности, особенно представители НПО, не считают правильным применение репрессалий против Абхазии. Еще в августе 1997 г. в грузинской прессе появилась статья, которую подписали человек семь и в которой говорилось: «По нашему мнению, Грузия в знак доброй воли должна обратиться к странам СНГ с требованием снять экономическую блокаду Абхазии. Мировой опыт показывает, что подобные меры малоэффективны, не говоря уже о моральной стороне дела. Как известно, тяжесть блокады в первую очередь ложится на плечи самой социально незащищенной части населения. Блокада вызывает лишь радикализацию общественного мнения и усиление образа врага в изолированном обществе, что вредит миротворческому процессу». К сожалению, грузинские власти тогда проигнорировали это обращение, а теперь мы видим, что меры по внешней изоляции Абхазии постепенно сходят на нет, не принеся Грузии политических дивидендов. Так не лучше ли было своевременно отказаться от них в знак доброй воли?

Впрочем, проявить добрую волю никогда не поздно. Я полагаю, что в базовые интересы Грузии и Абхазии на переходный период, наряду с развитием двусторонних экономических отношений, входит и восстановление сквозного железнодорожного и автомобильного движения через Абхазию, инициатором которого может быть только Грузия. Да, это будет на пользу Абхазии, но выиграет и Грузия, так как именно через Абхазию проходят наиболее удобные сухопутные дороги, связывающие ее, а также соседние Армению и восточную Турцию, с Россией и Восточной Европой.

«Открытие Абхазии» будет экономически выгодно Грузии и принесет ей политическую пользу, но одновременно со снятием ограничений против Абхазии абхазские власти должны принять меры, чтобы ингульская граница стала более прозрачной для беженцев из Абхазии, проживающих в разных частях Грузии. Большинство из них вот уже восемь лет как ни разу не бывали в Абхазии, не имеют возможности посетить могилы своих родных. Война разделила родственников, друзей и соседей – они оказались по разные стороны Ингури. Я часто встречаюсь с беженцами и знаю, что большинство из них искренне интересуется положением дел в Абхазии, и, разумеется, тоскует по своим родным местам. Так почему бы правительствам, не дожидаясь разрешения конфликта, не смягчить пограничный режим, чтобы каждый гражданин хоть раз в год имел право свободно пересечь контрольно-пропускной пункт и вернуться обратно? Естественно, что при этом всякий вступающий на другую территорию должен подчиняться законам, действующим там в данное время. Либерализация пограничного режима на Ингури, во-первых, будет шагом в сторону гуманизации взаимоотношений, а во-вторых, позволит грузинам и абхазам знакомиться с положением друг друга, говорить о проблемах, о том, как жить дальше. Это должно привести к ослаблению послевоенных антагонистических настроений, не исчезающих из-за отсутствия полноценной информации на фоне нескончаемого противостояния.

Вышеперечисленные меры не затрагивают основополагающих требований сторон, остающихся диаметрально противоположными, но в то же время, трансформируя общественные настроения в сторону разрядки напряженности и роста доверия, реально расширят поле для взаимных компромиссов в ходе переговорного процесса.

ДИСКУССИЯ

Батал Кобахия. Ты говоришь, что одним из примеров акта доброй воли могло бы стать разрешение беженцам хотя бы раз в год посещать могилы. В чем ты видишь тут логику? Позволить людям раз в год посетить могилы – это нормально или не нормально?

Георгий Анчабадзе. В течение восьми лет они вообще не имели возможности побывать на могилах родных, а процесс урегулирования будет длиться еще годы, так почему бы не дать им такую возможность? Если кто-то не захочет приехать, он не приедет, а если кто-то захочет воспользоваться такой возможностью, то воспользуется.

Батал Кобахия. Это мне немножко напоминает то, что говорил Зураб в своем докладе, что у Грузии приоритетом должны быть индивидуальные права, а у Абхазии – коллективные. Он даже призывал нас забыть о своих личных проблемах и думать о будущем Абхазии, отказаться от своих личных прав в пользу коллективных. Я, по большому счету, чувствую себя не очень ловко. Я вообще не понимаю, как можно позволить посещать могилы раз в год. Это либо должно быть позволено всегда и в любое время, либо, если есть причины, нельзя позволять и раз в год. С другой стороны, сегодня не та ситуация, когда можно было бы открыть границу для людей, сегодня это небезопасно. Не секрет, что абхазцы очень мало ездят в Грузию, если не имеют там близких родственников. То есть, особых причин ездить туда нет. В то время как у беженцев, которые живут сегодня в Грузии, конечно, очень много причин ездить сюда, и они этого очень хотят. Я пытаюсь подобрать адекватные слова: мне не хотелось бы, чтобы мы говорили, что вы можете прийти на могилы раз в год. Потому что на могилы хочется прийти в любое время, а не только раз в год, и не хотелось бы этими чувствами играть. Сегодня это невозможно.

Я знаю случай, когда один грузин приехал к родственникам-абхазцам и вдруг подорвался на mine. Это было недавно в Пицунде. Очень тяжелый случай, ему оторвало руки, ноги, но выяснилось, что он ус-

пел сказать: «Пожалуйста, уберите часовой механизм, через 8 часов всё взорвется». В Абхазии настоящий бум. Если раньше грузины, имеющие родственников-абхазов, могли туда приезжать, то теперь снова стоит вопрос: а можно ли им приезжать, ведь тот молодой человек собирался что-то взорвать (что именно, пока неизвестно)? Он остался жив, лежит в больнице в тяжелом состоянии. Проблемы, связанные с приездом грузин в Абхазию – это не чьи-то игры; честно говоря, это на самом деле бывает опасно. Сегодня это реальность. Мы никогда не знаем, связаны ли такие случаи с терроризмом или еще с чем-то. Сегодня грузинские средства массовой информации называют бандформирования партизанами, а мы их называем террористами. Суть ведь не в том, кто и как их называет. Если грузины говорят «партизаны», значит, это партизаны на территории их страны, а мы их называем, со своей стороны, террористами. Важно то, что факты террористической деятельности на территории Абхазии есть, и мы каждый день сидим и думаем, когда что случится. 3-4 дня назад ситуация была очень напряженной, вторжение террористов было очень близко.

В то же время я категорически против того, чтобы права человека реализовывались частично. Я за то, чтобы каждый имел право на возвращение, но я при этом хотел бы, чтобы в Абхазии закон действовал так, чтобы каждый возвращающийся понес соответствующее наказание, если ему будет инкриминировано уголовное или военное преступление.

Я не могу сказать, что сегодня в Абхазии или в Грузии действует такой закон или выработаны такие критерии. Может быть, это связано с тем, что мы плохо ведем правовую работу, может, это одна из тех сфер, в которой мы могли бы работать до политического урегулирования. Это как с выборами, о которых говорят: мы вас не признаем, значит, выборов не должно быть. Для меня выборы важны не только результатом, важен сам процесс. Мы хотим всё делать, как положено, как в других странах, чтобы люди привыкли, что нельзя нарушать закон, нельзя нарушать права человека, в противном случае ты понесешь ответственность.

Тенгиз Пачкория. В какой-то степени Батал уже ответил на вопрос, который я собирался задать: выгодно ли абхазской стороне вот такое

открытие железной дороги, даже если не предполагать, что люди будут возвращаться? Я думаю, что Батал не понял Гию, когда он говорил про посещения раз в год – Гия не только могилы имел в виду. Думаю, Гия имел в виду гораздо больше, чем просто посещение могил.

Я хочу спросить: как вы думаете, реально такое предложение? Абхазской стороне тоже будет финансово выгодно, если поезда начнут ходить в соответствии с договоренностью – но пойдут ли на это обе стороны? (Я имею в виду не только властные структуры.) Были такие попытки в 1995 г., даже начинались переговоры о том, кто будет ремонтировать пути и т.д. Некоторые восприняли это так: в Абхазии открывается движение – значит, беженцы никому не нужны; нас не возвращают, а движение открывают; нас вычеркнули из списка – живите, где хотите! Многие из них заявляли, что разными способами будут мешать этому процессу. Исходя из того, что говорил Батал, насколько реально, что абхазская сторона согласится? Он затронул только одну сторону, но даже если не будет каких-то насильственных моментов, готово ли психологически абхазское общество к тому, что грузины начнут – в большом, среднем или малом количестве – ездить в гости? И готово ли к этому психологически грузинское общество? Конечно, поток абхазов будет меньше, но как вы себе представляете этот процесс?

Георгий Анчабадзе. Конечно, надо преодолевать какие-то барьеры, а то мы все время будем топтаться на месте. Возьмем, скажем, конфликт Грузии с Южной Осетией. Через Южную Осетию движение осуществляется совершенно свободно, и, фактически, существуют двусторонние экономические связи, что-то вроде свободной экономической зоны. Люди свободно ездят в Цхинвали, в том числе и беженцы. Осетины тоже приезжают по своим делам в Тбилиси. Это не создает больших сложностей ни одной стороне.

В отношении Абхазии, конечно, сложность уже в том, что тут есть то, что я называю «малой войной». (Это не мой термин, он существует.) Если решили не принимать никого из беженцев, пока не прекратятся эти взрывы, тогда уж я не знаю. Кстати, грузинское правительство от этих действий официально отрешивается, там говорят: мы с этим не связаны. (Я и группа моих единомышленников

обращались к грузинским властям с этим вопросом: какое они имеют к этому отношение, как они к этому относятся?)

Когда я говорил, что у людей должна быть возможность приезжать хотя бы раз в год, я имел в виду принятие такого закона, такого разрешения, чтобы люди могли как-то связаться с близкими, оставшимися в Абхазии, и приезжать туда с их помощью. Конечно, просто так приехать в Абхазию будет сложно. Чтобы не было проблем, когда начнется движение, нужен закон. Кто не захочет или кому это будет тяжело, тот не поедет, но я уверен, что очень многие захотят. Я знаю, что многие беженцы высказывают такое желание. Многие ездят, а те, кто ни разу не были в Абхазии, очень хотят поехать посмотреть. Они понимают, что это ничего им не даст, что им придется возвращаться обратно, понимают, что не смогут остаться в своих домах или там, где были их дома, но желание приехать у них все-таки есть. И почему бы не сделать какое-то послабление в этом отношении? Я не думаю, что это как-то дестабилизирует ситуацию. Наоборот, думаю, что в психологическом плане это даст положительный эффект.

Что касается вопроса, захочет ли абхазское правительство открыть движение через Абхазию, я даже не ожидал его услышать, потому что уверен, что захочет, так как это будет «открытием» Абхазии. Движение через Абхазию создаст для нее возможность выйти из той изоляции, в которой она находится уже девять лет.

Зураб Чиаберашвили. У тех, кто работает в области энергетики, есть мотивация к сотрудничеству. Есть ли соответствующая мотивация для сотрудничества в некоторых областях экономики? Сейчас я вижу только одну мотивацию – мы должны сотрудничать, чтобы урегулировать конфликт. Но это очень оторвано от повседневной реальности, это мотивация на очень высоком уровне. Надо, чтобы отдельные люди, отдельные группы в социуме или все общество имели конкретную мотивацию для сотрудничества. Есть ли такая мотивация у грузинской или у абхазской стороны? И какова эта мотивация?

Багал Кобахия. Я не о службе безопасности беспокоюсь, пусть работают, как положено, они-то как раз меньше всех работают, я говорю о безопасности как тех, кто приезжает, и тех, к кому они приезжают.

Тенгиз Пачкория. Естественно, у всех силовых структур работы прибавится.

Георгий Анчабадзе. Я говорю, что нужны какие-то меры, чтобы как-то раскатать ситуацию. Уже столько лет мы в тупике, надо из него выходить, а для этого надо делать неординарные шаги. Конечно, представителям той или иной стороны может показаться, что это создаст какие-то непреодолимые трудности, как-то нарушит их интересы. Вот Тенгиз сказал, что еще в 1995 г. были разговоры, что движение откроется, и беженцы тогда посчитали, что если это произойдет, значит, их не вернут и их дела уже не улучшатся. Но с тех пор прошло шесть лет, движение не открыли, и разве в положении беженцев что-нибудь улучшилось? Поэтому обе стороны должны идти на какие-то компромиссы, чтобы расширить поле для других политических действий. Иначе выхода из такой ситуации я не вижу. Если ни одна сторона не будет идти на какие-нибудь послабления, это будет длиться долгие годы. Я так и в своем выступлении сказал, что ни сегодня, ни завтра, ни через два или три года эта проблема не разрешится, это проблема на долгие годы. Но надо немножко думать и о людях. О людях, которые, так или иначе, стали заложниками конфликта. Надо что-то сделать, чтобы улучшить их положение. Кроме того, я полагаю, что эти шаги помогут нам найти пути, чтобы двигаться дальше.

Нателла Акаба. Должно быть подписано соглашение о мерах по возобновлению военных действий.

Георгий Анчабадзе. Я уж не стал писать об этом в своем докладе, потому что лично я и в своих статьях, и в коллективных письмах неоднократно ставил вопрос, что это надо сделать. В принципе, такое соглашение уже подписано ...

Батал Кобахия. О железной дороге было решение, но Грузия потом отказалась. А власти Абхазии отнеслись к этому положительно.

Манана Гургулия. Там все было достаточно сложно, там не только власти...

Георгий Анчабадзе. Да, конечно, это должно быть вместе с договором о ненападении.

Нателла Акаба. Он увязывается с возвращением беженцев в Гальский район, и там есть проблема, о которой здесь уже говорили: в каких границах рассматривать этот район, в старых или новых? Абхазская сторона настаивает, что в новых, потому что это вопрос безопасности.

Лиана Кварчелия. По-моему, абхазская сторона уже согласилась рассматривать этот вопрос в старых границах...

Георгий Анчабадзе. Грузинская сторона требует возвращения беженцев на всю территорию Абхазии.

Манана Гургулия. Документ называется «Протокол о возвращении беженцев в Гальский район и социально-экономическом развитии Абхазии». И было еще соглашение о мире и невозобновлении военных действий. Эти документы предлагалось принять в пакете.

Что же касается железнодорожного движения, был некий проект протокола, предполагающий возобновление сквозного движения через территорию Абхазии (на первом этапе – товарных поездов), но кроме целого ряда технических проблем, например, с восстановлением железнодорожного полотна, он уперся в политический вопрос: кому объявлять тендер, кому отдавать деньги, получит ли их Грузия? То есть это та же проблема, что с Интернетом: откуда идет, кто субъект и т.д.

Можно один пример, раз уж я взяла слово? Пример экономического сотрудничества, которое предлагают абхазские власти. Гия совершенно справедливо сказал, что был целый ряд предложений экономического сотрудничества – в области виноделия, той же энергетики и т.д., но они как бы повисли в воздухе. Но вот сегодня в Очамчире действует Очамчирский комбикормовый завод, он был одним из самых мощных, крупных в Союзе. Конечно, он сейчас не производит продукции в том объеме, но абхазские власти предложили Грузии ее покупать. Потому что Грузии требуется такая продукция, и по качеству она, собственно, не хуже, чем все то, что покупается в Рос-

сии или еще где-то. Но это тоже повисло в воздухе. Не знаю, серьезный это шаг или нет, но это какой-то маленький конкретный шаг к экономическому обмену. Все опять-таки уперлось в политические проблемы – с кем торговать, как всё это оформлять. И опять всё повисло в воздухе.

Арда Инал-Ипа. Я думаю, что это вопросы временных соглашений – в условиях, когда не ставятся какие-то точки над «и» в политическом смысле, понятно, что они все-таки упираются в политику. Пусть каждое из этих соглашений носит временный характер.

Нателла Акаба. Они так и пытаются, но всякий раз что-то случается или о деньгах не могут договориться.

Манана Гургулия. Тут дело не просто в деньгах. Если дело только в том, кто кому и сколько заплатит, это уже не экономический контакт на уровне сторон в конфликте, а контрабанда. А для контрабанды ничьих разрешений не требуется, в Гальском районе она прекрасно развита.

Зураб Чиаберашвили. Экономика – действительно, важная сфера. Когда я говорю о мотивации, я хочу сказать, что без частной собственности оживить экономическую мотивацию отдельных людей, отдельных групп, практически невозможно. Когда мы говорим здесь о гражданском обществе, гражданское общество невозможно построить без появления свободных денег, свободных от правительства и от власти, потому что человек начинает борьбу за свои права, когда у него есть мотивация что-то защищать. На Западе именно так и было в XVII веке, когда задумались о том, в чем заключается основа прав человека, и это оказалась частная собственность. Поэтому появление в Абхазии частной собственности необходимо, во-первых, для того, чтобы демократия и гражданское общество реально продвигались вперед, во-вторых, чтобы появилась конкретная экономическая мотивация для экономического сотрудничества между грузинами и абхазами.

Меня, например, интересует такой вопрос. Вот Манана говорила, что в Очамчире действует комбинат. Мне интересно, кто владе-

лец этого комбината – абхазское государство? Потому что я говорю, что когда все в руках государства, то денег, свободных от властей, от государства, нет. Почему в Грузии есть зачатки гражданского общества? Потому что люди работали и выживали с помощью Фонда Сороса, Евразии и западных грантов. А все остальные деньги практически контролируются Шеварднадзе и теми кланами, которые у власти. Поэтому одним из главных приоритетов должна быть частная собственность.

Паата Закареишвили. У нас частная собственность пока не финансирует никаких гражданских инициатив.

Зураб Чиаберашвили. Какие-то зачатки все же есть, и этот пример должно учитывать и абхазское общество. Я не думаю, что из этого экономического сотрудничества что-нибудь выйдет, пока в Абхазии нет частной собственности.

Но здесь уже встает такая проблема: проблема приватизации земли в Абхазии – например, в Гальском районе. Потому что, как у грузин есть такое ощущение, что джавахетский армянин, если отдать ему землю в собственность, перетащит ее в Армению, так и у абхазцев будет ощущение, что гальские грузины перетащат свою землю в Грузию.

Батал Кобахия. Уже приватизировали всё, что вы волнуетесь.

Нателла Акаба. У нас еще нет, Батал, что ты пугаешь....

Манана Гургулия. У нас нет частной собственности на землю, нет закона о приватизации, а сам процесс приватизации только начинается – объекты либо взяты в аренду, либо написано: “Занято”.

Тенгиз Пачкория. Этот процесс начался еще при Геннадии Гагулия.

Зураб Чиаберашвили. Когда вы заговорили о том, что надо открыть железную дорогу, я увидел, что наши мысли все-таки крутятся вокруг одного и того же. Это еще раз подтверждает мой тезис о том, что все мы ментально зависим от Москвы, как это видно из доклада г-жи

Нателлы. Почему я это говорю? Потому что никто не вспоминает о том, что мы можем говорить не только о железной дороге. А как устроить так, чтобы нормально функционировал порт в Сухуми или в Очамчире, чтобы грузы шли не обязательно по железной дороге через Россию, а через сухумский порт в Украину, Болгарию, Румынию? Мы должны искать альтернативы. Железная дорога – не единственная сфера, чтобы «открыть» Абхазию. Есть порты, и прежде всего мы должны говорить о них. Железная дорога – это привязанность к России. А мы сразу заговорили о ней, потому что все ментально зависим от России.

И последнее: о посещении беженцами могил и других районов Абхазии. В Осетии нет угрозы, что Грузия начнет военные действия, потому что есть возможность туда ездить. Потому и ослабла угроза войны. Я думаю, что если Абхазия будет закрыта на Ингури, то опасность войны всегда будет. Если граница откроется и людям дадут возможность переходить на ту сторону Ингури, то опасность войны снизится.

Нателла Акаба. Но в 1992 г. все было открыто настезь, и тем не менее, война началась. Может, Грузии самой надо стать нормальным государством?

Зураб Чиаберашвили. Знаю, то же самое было и перед конфликтом в Осетии, там тоже было все открыто, но война все-таки началась. Я говорю, что опасность войны снизилась, потому что осетины и грузины открыты друг для друга.

Нателла Акаба. Если бы это было так легко....

Батал Кобахия. К сожалению, каждый раз, когда вы проводите такие параллели, я убеждаюсь в том, что такие параллели делают люди, которые не очень хорошо знают ситуацию в Абхазии. Не потому, что мы уникальны, что мы лучше или хуже, но такова реальность.

Тенгиз Пачкория. Можно, я продолжу? Здесь много говорили, и я продолжу мысль Батала...

Батал Кобахия. Не надо мои мысли продолжать – свои имейте, в конце концов. *(Смех в зале.)*

Тенгиз Пачкория. Но я имею право продолжить независимо от того, хотите вы этого или нет, как и вы имеете право развивать и углублять мои мысли. Естественно, я согласен с тем, что нельзя сравнивать грузино-абхазский конфликт с конфликтом в Южной Осетии. Разная степень озлобленности, разная степень глубины этих конфликтов, разные масштабы тех же боевых действий, разное количество жертв и разрушительных последствий этих войн, не говоря уже о сугубо природно-рельефных моментах... Там нет, например, такой визуальной детали, как река или речушка, которая как бы разделяет, не говоря уже о других моментах. Есть, конечно, какое-то сходство, но я тоже считаю, что так отождествлять их нельзя. Можно приводить в качестве примера для подражания, какого-то положительного процесса, но нельзя автоматически переносить это на абхазский конфликт.

Что касается очень важной проблемы, которую затронул Гия, связанной с открытием железнодорожного и автомобильного движения, полномасштабным функционированием портов и аэропортов – я думаю (и многие так полагают), что одиночные усилия тут не помогут, это невозможно без решения политических вопросов. А именно: либо определение статуса Абхазии в составе Грузии, либо создание федеративного или конфедеративного государства, либо максимум, на который почему-то надеется абхазская сторона, что Грузия может в той или иной форме признать абхазскую независимость. В той, иной или третьей форме это означает какое-то, приемлемое или неприемлемое, политическое решение конфликта. Только тогда, на мой взгляд (и это не только мое мнение), возможно нормальное, полномасштабное функционирование и железнодорожного, и автомобильного транспорта, и авиасообщений и т.д.

Иначе, боюсь, это невозможно. Представим себе, что железнодорожное движение восстановилось – и не только грузовое, но и пассажирское. Но опасения-то с обеих сторон останутся. Например, с абхазской стороны, даже без возвращения беженцев. Представим себе: сидит человек в Очамчирах или еще где-то, ситуация накаленная – на поезде может кто-то приехать, что-то сделать, мо-

жет, на кого-то обижен. Я не говорю о каких-то взрывах, могут быть чисто личные счёты.

Опасения могут быть и у зугдидцев. Потому что в прошлом или позапрошлом году было объявлено, что к трем из шести взрывов, которые произошли в Зугдиди, могут, по мнению местных правоохранительных органов, быть причастны абхазские структуры. То же самое говорится в Абхазии: что ко всем, почти ко всем произошедшим там взрывам и убийствам причастна грузинская сторона. Нам сейчас трудно проверить – причастна, не причастна, мы не располагаем конкретным материалом, но страхи есть. И они будут и у абхазской стороны, и у грузинской, и в Зугдиди, и в других местах. Потому что, если откроется движение, даже тот абхаз, который знает грузинский или мегрельский, не сможет свободно ездить в Зугдиди, если не будут урегулированы эти вопросы. Конечно, при полном политическом урегулировании тоже возможны осложнения, но отсутствие урегулирования ставит все эти предложения под очень большой вопрос.

Я знаю, что предпринимались попытки на уровне представительей отдельных профессий: скажем, авиаторы пытались договориться о возобновлении работы сухумского аэропорта – триста-четырееста человек. Но я задал им вопрос: а как вы себе это представляете – в отдельно взятой сфере всё возобновить на территории Абхазии без решения тех проблем, без которых невозможно это функционирование, с точки зрения безопасности, эффективности и т.д.?

Я еще раз хочу сказать, что как бы ни складывалась ситуация, для беженцев очень важно не только возвращение, но и возможность посещать родственников, те же могилы. Некоторым это и сейчас удастся благодаря личным связям, но ведь это тоже сопряжено со страхом. Потому что абхаз, который берет на себя ответственность за перевозку грузина не территорию Абхазии, тоже нервничает, переживает, потому что дал слово, что поможет этому человеку, поручился за его безопасность, и т.д., и т.п.

Я могу привести один такой пример. Довольно приличная часть беженцев (по моим подсчетам, процентов пятнадцать) приобрела недвижимость в Тбилиси, Кутаиси, Зугдиди – квартиры и т.д. – и появилась новая категория: «новые беженцы», которые по своему имущественному цензу не отстают от «новых грузин», но даже они в

подавляющем своем большинстве живут мыслью о возвращении. Мне лично известно несколько десятков таких фактов: люди, которые живут в домах, где раньше жили грузины, с их устного согласия (или сперва без согласия, а потом, может быть, с согласия), в Сухуми, Гагре, в других городах, эти люди присылали бывшим владельцам этих домов письма с просьбой, что готовы заплатить деньги, только пусть пришлют нотариально оформленное согласие на продажу этой квартиры или дома. А если тбилисский нотариус оформит такое согласие, естественно, его уже никто никогда не имеет права оспорить: добровольная сделка. В большинстве случаев из примерно 30-32 известных мне фактов владельцы извинялись и отвечали: вы пока живите в наших домах, но нотариально заверенного согласия мы не дадим. Хотя многие из них нуждались. (Там разные цены называли – за двухэтажный дом, одноэтажный и т.д.) Это, может быть, не очень афишировалось, но мне известны такие факты. Там много разных причин, но это говорит о том, что люди все-таки думают вернуться.

Манана Гургулия. Но есть и противоположные факты.

Тенгиз Пачкория. Есть, согласен. Были случаи, когда люди соглашались. По-разному бывает.

Что касается факта, о котором говорил Батал и о котором говорили вчера, о котором говорят уже две недели – сообщения о задержании в Пицунде молодого человека, 21-летнего уроженца Абхазии, который проживал в Тбилиси как беженец, учился там и приехал в Абхазию навестить родственников (кстати, благодаря помощи и содействию одного абхаза, не хочу сейчас называть фамилию – кто знает, тот знает, а кто не знает, и не надо) – конечно, мы сейчас не можем точно сказать, что это было. Еще раз говорю: когда те или иные силовые структуры дают какую-то информацию, нам остается либо верить, либо ставить ее под сомнение. Но у некоторых грузинских политиков возникли вопросы: как мог 21-летний мальчик, юноша, которому было лет 13, когда закончилась война, как он смог проникнуть с таким количеством взрывчатки в Пицунду, если хотел взорвать санаторий? И второй вопрос: а не используется ли этот факт нынешним абхазским руководством, чтобы продемонстрировать твер-

досье и показать обществу – вот такая со стороны грузин угроза, они даже в Пицунду проникли? У многих грузин это вызвало улыбку, потому что они не верят, что сторонники таких актов могут проникнуть в Пицунду. В Гали – да, в Очамчире – да, в Ткварчели – да, но чтоб в Пицунду? Хотя, наверно, и это не исключается. Есть разные пути, чтобы попасть в Пицунду, не обязательно через Очамчирский район или Сухумский. Но у некоторых складывается впечатление, что этот факт используется нынешним сухумским руководством для нагнетания страстей. А почему?

Я просто озвучу информацию, которая появлялась в абхазской прессе: с первого же дня назначения Анри Джергения (фактически, и до назначения, и после) часть абхазских политиков высказывала недовольство по поводу того, что назначен человек, которому дважды или трижды было выражено недоверие как прокурору, который не справлялся со своими обязанностями. Приводились и другие аргументы. Возможно, критика в адрес Джергения была связана с тем, что он подписал и визирировал проект, который был невыгоден абхазской стороне, а потом абхазская общественность сумела убедить Ардзинба и Джергения в том, что не надо было это подписывать. Вот вопрос из «Нужной газеты»: «Анри Михайлович, в интервью Караулову вы заявили, что 13 августа 1992 г. звонили Эдуарду Амвросьевичу и просили его не вводить войска – значит, вы знали о том, что войска будут вводить? Почему не сказали нам?» И так далее. Возникает масса вопросов, и возможно, такие версии силовиков возникают, чтобы продемонстрировать твердость в отношении грузинской стороны...

Паата Закареишвили. Мы что, начинаем оценивать действия абхазского руководства?

Тенгиз Пачкория. Нет, я не оценивал их действия.

Манана Гургулия. У нас нет возможности привести аргументы, это как бы не предмет наших разговоров.

Батал Кобахия. Мнений может быть очень много. Это, конечно, очень приятно, что мы здесь так по-дружески сидим и каждый мо-

жет позволить себе говорить что угодно, но когда мы что-то говорим, в общем-то, нужны какие-то аргументы. То есть мне не нравится, что вы за меня решаете, что я знаю, что нет. 21 год – это не мальчик, это мужчина, в 21 год уже из армии возвращаются. Поэтому не надо говорить, что тот, кто пытался взорвать Пицунду – это мальчик, ребенок. Вы тут такое навешаете, что и не знаешь, как с вами разговаривать. Вы говорите, что власти хотят нами манипулировать? Слушайте, когда началась война, мы сами решили, что делать. Нам что, власти приказали защищаться? Мы сами решали.

Тенгиз Пачкория. Батал, не нервничайте. Не переходите на такой тон, я тоже мог бы ответить, но старался говорить корректно.

Батал Кобахия. Стремилась – это одно, я ценю ваше стремление. Мне, может, тоже ваша тональность не нравится, но речь сейчас не об этом. Просто, когда вы что-то говорите, аргументируйте. Ваши соображения могут быть вашими соображениями, но не надо говорить за нас, за все общество. Может, мы с вами начнем сейчас с нуля объяснять, что случилось 14-го августа? В этом вообще нет необходимости.

Тенгиз Пачкория. Я не решал за вас никаких вопросов, Батал, почему вы так решили? Я просто пытался представить свое видение.

Батал Кобахия. Я не мешал вам говорить. Если вы не можете выслушивать других, это ваши проблемы.

Манана Гургулия. Давайте вернемся к объекту нашего разговора!

Давид Бердзенишвили. Иногда у меня появляется какая-то надежда, но иногда надежда угасает. Гия предложил нам несколько тезисов в плане промежуточных форм урегулирования конфликта. Я завтра собираюсь предложить приблизительно то же самое, может в более широком формате, но скажу вам прямо и честно – у меня нет спортивного желания, спортивной страсти предлагать по многим вопросам тот или иной подход и выслушивать, как правило, аргументирован-

ный отказ, почему этого нельзя делать. Когда Гия говорит о посещении Абхазии хотя бы раз в год, это, фактически, означает введение визового режима – я имею в виду де факто. Фактически, это означает, что Грузия и Абхазия – по крайней мере, в промежуточном плане – как-то соглашаются на то, что Абхазия приоткрывается для Грузии, для грузинских предпринимателей, а Грузия приоткрывается для абхазских предпринимателей, как государственных, так и частных. И если абхазы считают возможным пригласить своих родственников и соседей из Грузии, чтобы они пожили там неделю, две, три, месяц, и берут на себя определенную ответственность за их безопасность – это и есть де факто визовый режим. Но когда я слушаю аргументацию Батала: или все, или ничего, раз не выходит все, пусть будет ничего, то есть пусть Ингури остается закрытой из-за того, что мы не можем полностью открыться друг другу... Если это означает, что Грузия и Абхазия не должны искать точки соприкосновения, тогда наши встречи имеют, может быть, научный характер, и ничего больше. Я, например, сейчас на той стадии, когда эта надежда опять угасает, потому что Гия не говорил ничего такого, что было бы непонятно. Я думал, если уж мы говорим об урегулировании, хотя бы о промежуточном, то мы должны как-то приветствовать эти маленькие шаги, а не находить аргументы против.

Батал Кобахия. Но он не говорил того, что сейчас сказали вы. Вы говорите – визовый, значит, узаконенный? Поэтому я и спрашивал: Гия, что ты имеешь в виду? Я не говорил: ни в коем случае. Просто я считаю, что это нарушение прав человека – дать раз в году вдохнуть глоток воздуха. Кто вы такой, и кто такой Гия, кто мы такие, чтобы решать за людей их права? Вы знаете, что права человека нарушаются, но я не собираюсь нарушать их чуть-чуть меньше, чем остальные, понимаете? Надо это обсудить. Если вы говорите о визовом режиме, это совершенно другая ситуация, когда человек официально берет визу и приезжает. Но то, что вы говорите, опять-таки нехорошо – что тот, кто его приглашает, берет на себя ответственность за его защиту. Это неправильно. Понимаете, если я вас приглашу, как я вас должен охранять, если ваша безопасность не будет узаконена в рамках переговоров?

Арда Инал-Ипа. Но Гия как раз и предлагал это обсудить – он ведь не говорил, что мы просто договоримся, и все. А ты выступил против достаточно категорично.

Батал Кобахия. Я не против, а за то, чтобы это было возможно всегда, когда они этого захотят.

Марина Элбакидзе. Это была идея, а как она будет осуществляться, по-моему, это уже другой вопрос.

Манана Гургулия. Можно реплику? Мне показалось, что Батал высказал свое отношение к предложениям Гии и выразил сомнения по поводу корректности каких-то из предложений. В общем-то, он сказал, что это нарушение прав человека, но это не означает, что все здесь думают именно так. Поэтому не стоит сразу судить так пессимистично. Это предложение достойно обсуждения. Просто, когда мы говорим, мы все время пытаемся спустить на землю и себя, и других, исходить из той конкретной ситуации, которая есть. Я лично, например, не вижу трагедии в том, что кто-то приедет и посетит могилы своих родных и близких. Тем более, что это и так происходит, я могу привести огромное количество примеров. Более того, я могу привести примеры совершенно конкретные. Когда мы говорим о возвращении беженцев в Гальский район, никто не говорит об Очамчирском районе, а они туда прекрасно просачиваются, живут, и на похоронах вы абхазской речи-то, практически, не услышите. (У нас ведь главное место встречи печальное.) То есть люди, минуя какие-то официальные процедуры, так или иначе это делают. Такой процесс происходит. Для меня это тоже не совсем приемлемо, что если ему нельзя вернуться на всю жизнь, то нельзя позволить хотя бы посетить своих родных на какое-то время. Но я думаю так, Батал думает иначе, вот такая ситуация.

А что касается конкретной политической ситуации, то она действительно очень сложная, очень законсервированная. Абхазцам никогда, ни на секунду не дает забыть о том, что они воевали, что с ними воевали, что была война. Они и сейчас живут в войне. Вот вы говорите: как могло случиться, что в Пицунду приехал 21-летний мальчик и привез взрывчатку? Я не знаю как, не хочу никак оцени-

вать этот факт, но могу привести факты, когда такие взрывы происходили в Сухуме. А если какой-то грузин заплатит абхазцу и тот взорвет мой дом, мне что, от этого легче? Мой дом, в котором я живу, уже взрывали. Первый жилой дом. Мне что, легче от того, кто он по национальности, тот, кто делает такие вещи? Был печальный случай, когда у нас парень за деньги совершал в Ткварчели взрывы. Один брат погиб героем Абхазии, а другой делал это за деньги. Парадоксальная ситуация. А знаете, для чего ему нужны были эти деньги? Чтобы поставить мраморную плиту на могиле погибшего брата. Вот такая сложная, пестрая ситуация. Люди не забывают о войне. Людям никто не дает забыть о войне – ни свои власти, ни оппоненты, ни Россия, интересы которой то ли надо, то ли не надо учитывать, ни Грузия, чьи интересы то ли надо, то ли не надо учитывать. Люди постоянно сидят на пороховой бочке. Тут кто-то рассказывал, как хорошо было в Абхазии в этом году, и начал перечислять: в апреле убили 9 человек, в июле еще 5 человек, потом еще 5. Кстати, один из тех четверых в Гали, которых он назвал, был мой родственник. Вся эта ситуация не дает людям вести мирный образ жизни, думать конструктивно, думать созидательно. Поймите меня правильно – с этим и связано то, что мы постоянно пытаемся вернуть вас на землю – не вы, а мы сами пока не можем подняться над этой реальностью. Нам никто не дает такого шанса. Извините за эмоциональность.

Тенгиз Пачкория. Можно одну реплику на 10 секунд? Потому я и говорил, Манана, что без урегулирования политических вопросов открыть движение и приехать невозможно – все время будут проблемы.

Манана Гургулия. Что касается сквозного движения, речь шла не о пассажиропотоках, речь шла о грузопотоках. Речь шла о том, что это может каким-то образом помочь снять напряженность, если не в Грузии, то, по крайней мере, в Армении, и при этом Абхазия получит какие-то средства, которые сможет потратить на мирные цели.

Что касается портов, это хорошая идея, но это совершенно разные вещи, т. е. еще нет системы, при которой груз приходит в порт, а потом отправляется транзитом по железной или автомобильной дороге. А если это абхазский груз, который приходит в Абхазию, то

возникает вопрос, кто и как это будет контролировать, проверять. Здесь же на первом этапе шла речь только о сквозном проходе. Я не комментирую то, что говорили вы, я говорю то, о чем говорили политики в 1995 г. Естественно, это очень сложно, но такого отношения, что этого быть не должно, у абхазских властей не было. Наоборот, Абхазия была заинтересована. А, например, в Берлине, а до этого во Франкфурте, один представитель грузинской стороны однозначно сказал мне: нам вообще не выгодно и не нужно это восстановление движения. Последнее, что я слышала буквально перед самой поездкой в Сочи, о возможности и необходимости открытия движения стал говорить сам Шеварднадзе. То есть политический контекст меняется, ситуация меняется – два-три месяца назад один из его советников говорил: “Нет, это нам неинтересно, нам это совершенно не нужно, у нас есть прекрасный транспортный коридор”, а теперь руководитель государства говорит, что это то, над чем стоит работать, о чем следует говорить. Поэтому ни один вопрос, которого мы касаемся, не имеет совершенно строгой, однозначной интерпретации и решения.

Зураб Чиаберашвили. У меня маленькая реплика: дело в том, что ни советники, ни сам президент не имеют представления о том, как реагировать на ту или иную ситуацию. Ситуации не меняются, они остаются прежними, просто планы на один месяц одни, а на другой – другие. Они все забывают. Какая может быть координация между советниками, если в правительстве нет координации между министрами? Почему вы приводите это как серьезный аргумент? Для меня это вообще не аргумент.

Манана Гургулия. Нет, я просто констатировала факт.

Паата Закареишвили. Я тоже хочу участвовать в дискуссии. У меня появилось желание что-то сказать после выступления Мананы. Дело в том, что при закрытой ситуации, если что-то запрещать, всегда найдутся люди, которые захотят этой ситуацией воспользоваться. Масса порядочных людей, с абсолютно искренним, честным желанием попасть на свадьбы, похороны, дни рождения, на могилы, не может попасть в Абхазию, но этот канал существует, и у большинства лю-

дей, которые проникают туда незаконно, нет никаких задних мыслей, у них абсолютно чистые, ясные цели, свои личные интересы. От того, что этот канал существует и все делается за деньги, за ними идут и те люди, которые им пользуются совершенно по-другому. Всегда надо думать о том, что там, где есть незаконный путь, всегда найдутся люди, которые им воспользуются вопреки здравому смыслу. Террористы всегда будут проникать через эти каналы, поэтому эти отношения лучше узаконить.

Батал Кобахия. Это узаконено, они приезжают по официальным бумагам.

Паата Закареишвили. Видно, есть какая-то лазейка, через которую, как сказала сама Манана, просачиваются и в Очамчирский район. А туда так просто не попасть – это не Гальский район. Очамчирцы так же стремятся попасть в свой район, как гальцы в свой. Соответственно, там, где есть запрет, всегда есть люди не очень порядочные, для которых этот запрет ничего не значит. Я, как человек порядочный, пойду только законным путем, а непорядочный всегда воспользуется другим. А если будет регистрация, то будет видно, кто прошел и, соответственно, будет легче расследовать террористические акты и преследовать тех, кто мог бы их совершить. Вы будете вести себя, как должно вести себя государство.

Батал Кобахия. Практически все, кто приезжают сегодня в Абхазию, за исключением двух-трех случаев, официально получают разрешения: их родственники или знакомые берут бумаги, где фиксируется время, место и т.д. Но что касается террористических банд, то они въезжали без виз. Понимаете, тот человек, о котором мы говорили, каждый год официально въезжал и выезжал, но в один прекрасный день это случилось. Это может случиться с каждым, и это дело правоохранительных органов – следить за тем, чтобы такого не было.

Практически все узаконено. Вот Грузия – признанное государство, у них есть официальная виза. А эти наши бумаги служат вместо визы. Их даже иностранцы получают.

Арда Инал-Ипа. Я фактически хотела сказать то же самое, когда ты, Паата, говорил о запрете, что кто-то этим воспользуется. С другой стороны, я знаю, что ты достаточно контролируешь тех, кто попадает на эти наши встречи, и мне интересно, что провоцирует твой запрет? *(Смеется.)*

Паата Закареишвили. Я запрещаю кому-то сюда приезжать? Все больше и больше достойных людей привозим... *(Шум в зале.)*

Арда Инал-Ипа. Если серьезно, и ты, и мы знаем, что люди все равно приезжают, пользуясь какими-то путями, а для людей из криминальной среды вообще нет препятствий, и мне действительно хотелось бы, чтобы эта ситуация была упорядочена. И я за предложение Гии, чтобы это было регламентировано, чтобы могли ездить и простые люди.

Батал Кобахия. Один комментарий, чтобы закончить эту тему. В Цахкадзоре мы говорили о нормах поведения людей во время войн и конфликтов, о нынешней ситуации. И там один правозащитник, по-моему (но могу и ошибиться), привел в качестве примера криминальные структуры. Он говорил, что они очень успешно проводят торговые сделки и нам надо брать это на вооружение. И тогда я сказал: как можно ставить в пример вещи, которые надо пресекать на корню? Я сказал: не хочу, чтобы криминальные вещи, когда бандиты между собой торгуют, мы возводили в ранг ситуации, которую мы должны использовать. Лучше мы вообще не найдем никаких отношений, чем будем брать на вооружение отношения между бандитами и преступниками. Поэтому, в принципе, то, что сказал Гия – это гуманистический пафос, но я, к сожалению, зная реальность, говорю, что это очень сложно...

Нателла Акаба. Я думаю, что это непростой вопрос. Тут есть много разных аспектов, и сказать, что люди не приезжают, будет, конечно, неправдой. Очень даже приезжают. И недавно даже один из криминальных авторитетов пригласил на свадьбу своего сына или дочери криминального авторитета из Тбилиси. Все об этом знали, возмущались, но потом как-то...

Как мне кажется, наши власти сегодня не могут взять на себя ответственность за безопасность человека, который к нам приедет. Понимаете, это не так легко. Кто может знать, что этого человека не увидит кто-то из его бывших соседей или врагов и что-то не случится? Я не пытаюсь это оправдать, но мне кажется, что какая-то логика в этом есть. В том состоянии, в котором живет сегодня Абхазия, когда очень много травмированных людей и что-то все время происходит в Гальском районе или в Кодорском ущелье, и это снова и снова нагнетает страсти, нет никакой гарантии, что эти люди смогут приезжать и уезжать спокойно. Вы предлагаете это узаконить – значит, власти должны обеспечить их безопасность. Для этого нужно создавать какую-то специальную структуру. Как можно рассчитывать на то, что родственник пригласит человека и будет его охранять? А что будет тогда с теми, у кого нет родственников в Абхазии? Значит, они лишаются этого права? (*Шум в зале.*) ...Нет, я говорю, что надо над этим думать, работать, но это не так однозначно, как говорит Давид: «Вы отвергаете все, что мы предлагаем». Потому что надо знать ситуацию в Абхазии, и криминогенную тоже: безопасность не обеспечена никому. Со всяким может что-то случиться – и случается. Но если это случится с грузином, приехавшим к родственникам или на могилу своих близких, то понимаете, как это будет выглядеть? (*Шум в зале.*)

Тенгиз Пачкория. У меня вопрос из другой сферы. Не секрет, что в условиях этого визового режима между Грузией и Россией какая-то часть беженцев, уроженцев Абхазии, живущих в Зугдиди или рядом с Зугдиди, проезжает в Россию через Абхазию. Вернее, их провозят. В таких случаях тоже дают разрешение, или это под ответственность того человека, который провозит?

Нателла Акаба. Уже было несколько случаев, когда их останавливали на границе. Вот, например, на глазах моей знакомой остановили парня и девушку, которые сумели как-то добраться до Псоу. Причем абхазские пограничники, видимо, их не проверили или не обратили внимания. Их остановили российские пограничники и не пускали ни туда, ни сюда. Они были в панике. Паспорта у них были бывшие

советские. Про этот случай даже по телевидению говорили. В общем, неприятная история.

Кстати, в этом году в Абхазии было много гурийских яблок ...

Батал Кобахия. Между прочим, однажды на рынке (а меня на рынке почему-то иногда принимают за грузина) был со мной такой случай: торгует яблоками одна грузинка, я подхожу и спрашиваю: откуда яблоки? Она говорит: хорошие, банановые. Я спрашиваю: наши, гурийские? Он отвечает: да, сынок, наши. *(Смех в зале.)* Стоили они дешевле, чем в Сочи, и явно были привезены не через Россию. *(Шум в зале.)*

Абесалом Лепсяя. Да, это понятно, все эти проблемы существуют, и в обществе такое настроение. Но мне кажется, что мы совершаем одну характерную ошибку: мы говорим, что будет открыто движение, что будут ездить люди, и думаем, что ситуация останется такой же, мы не предполагаем, что она изменится. В каком смысле? Сегодня, когда существует конфронтация и нетерпимость – это одно, но когда будет проводиться более открытая политика, когда это будет институционализировано, узаконено, подконтрольно, обговорено, ситуация изменится и поможет людям изменить свое отношение. Мы просто смотрим через призму сегодняшней ситуации. На самом деле культура конфликта изменится – если уж пойдут такие процессы, у людей появится другое отношение. Это же не будет делаться с бухты-баракты. Это сейчас сложно, потому что есть культура конфронтации, конфликтная культура, но если начнутся эти мероприятия, люди тоже постепенно по-другому начнут относиться к этому. Мы просто экстраполируем внутреннюю ситуацию, которая сейчас существует, и думаем, что это так и останется. Но на самом деле, если такие процессы действительно начнутся, то отношения тоже постепенно изменятся. Тем более, что и сейчас люди все равно приезжают. Мы смотрим из-под стеклянного колпака, в котором находимся. Но если процесс пойдет, то он постепенно прольет дорогу к другой культуре. Надо с чего-то начать, хотя бы с мелочи, но начать.

Нателла Акаба. С чего, например, вы предлагаете? *(Шум в зале.)*

Лиана Кварчелия. Не надо уповать на то, что как только люди начнут ездить, то станут толерантно относиться друг к другу. В конце концов, мы уже жили в одном обществе, и это не спасло нас от того, что мы стали стрелять друг в друга – ситуация изменилась за один день. Я, конечно, понимаю, что этот процесс должен быть регламентирован, но я не стала бы уповать на то, что когда люди начнут приезжать, что-то изменится само собой. Политические противоречия не были разрешены – началась война. Противоречия еще не разрешены, а мы будем надеяться, что все отрегулируется само собой? Я понимаю, что говорил Гия, и считаю, что Арда права, когда говорит, что если уж люди приезжают, то этот процесс надо регламентировать: пусть приезжают через официальные каналы, пусть их проверяют, чтобы потом мы не просыпались от взрывов в городе.

Абесалом Лепсяя. Дело в том, что когда человек что-то предлагает, ему всегда труднее, потому что его все спрашивают: а что будет, если не получится то или не получится это? Оппоненты всегда в более выгодном положении. Их позиция непробиваема, потому что можно сказать: этого нельзя, здесь барьер, там не получится и т.д. Но мы-то думаем, что это действительно нормальные человеческие отношения, когда люди должны – как бы сложно это ни было, они все рано должны – иметь какие-то открытые коммуникации, контакты. Всегда лучше думать позитивно, что можно сделать и как быть.

Нателла Акаба. Абесалом, я не думаю, что это нужно начинать вот так просто. Это, наверное, надо как-то подготовить. Понимаете, когда я слышу такие предложения, я всегда думаю: а что я лично могу сделать для того, чтобы это стало возможным? В данной ситуации я не понимаю – вы готовы взять на себя ответственность за жизнь какого-то человека, который приедет в Абхазию? *(Шум в зале.)*

Нодар Сарджвеладзе. Маленькая реплика насчет готовности, на другом примере. Вот местное самоуправление – основа всей демократии. И мы задаем Шеварднадзе вопрос: когда мы будем выбирать глав районных администраций? Его ответ всегда такой: народ к это-

му не готов. А если народ не будет выбирать глав администраций, он никогда не будет готов взять управление в свои руки. Это означает, что если мы говорим, что сейчас не готовы, то всегда найдутся люди, которые скажут, что и сейчас не готовы, и потом тоже. *(Шум в зале.)*

Георгий Анчабадзе. Мой доклад был, по-моему, самым коротким, мне было показалось, что и обсуждение будет очень коротким, но потом оно порядком затянулось.

Я хотел бы сперва сказать про экономические отношения, о которых говорил Зураб. Прежде всего, я не думаю, что в Абхазии все только государственное и нет никаких зачатков частного капитала. Они есть. А если б даже их не было, если бы речь шла только о торговле между государственными предприятиями Абхазии и частным капиталом Грузии, разве это невозможно? Разве Советский Союз, в котором всё было огосударствлено, не торговал с капиталистическим миром? Так что это вполне возможно.

Когда я говорю о сквозном движении, я, естественно, на этом не останавливаюсь, и когда говорю об «открытии» Абхазии, я имею в виду открытие и морских путей, и железнодорожных, и воздушных, и автомобильных, и выючных через горы тоже, и т.д. Но самый важный путь – это сквозной железнодорожный и автодорожный. Потому что сухумский порт не может перерабатывать какие-нибудь грузы в серьезном размере. Объем сухумского порта совершенно незначителен, он не нужен как порт ни России (там к северу есть Новороссийск), ни Грузии (она имеет Поты и Батуми). Поэтому Абхазия, как транспортный коридор – это только железнодорожный и автодорожный коридор.

Реплика. А самолеты?

Георгий Анчабадзе. Ну, еще самолеты.

Нателла Акаба. А Очамчирский порт?

Георгий Анчабадзе. Как торговый порт он небольшой. Думаю, что, конечно, его можно перестроить, расширить.

Теперь вот что. Больше всего споров вызвал последний мой тезис – о прозрачности Ингурусской границы. Я говорил об «открытии» Абхазии. «Открытие» Абхазии можно рассмотреть только в комплексе – нельзя сказать, что будут ходить поезда, пароходы, летать самолеты, а одну какую-то часть закрыть. Конечно, мне просто не пришло в голову назвать это визовым режимом, но когда я говорил о поездках хотя бы раз в год, я, естественно, имел в виду это разрешение. Конечно, тут все говорили, да и я это знаю, что уже многие беженцы, а некоторые из них даже несколько раз в год, приезжают в Абхазию, и что им выдают эти разрешения. Раз уж специальные органы Абхазии выдают разрешения, значит, абхазское государство берет на себя заботу о безопасности приезжающих, правильно? Вы связываете это с вопросом о визах – де юре, де факто. Но ничего же не происходит. Вот сейчас произошел печальный случай со взрывом и этим молодым человеком, который пострадал. Но до этого? Если он действительно был подослан, завербован для устройства взрывов, это, конечно, очень подлый шаг тех спецслужб, которые его направили, потому что они нанесли удар именно по тому маленькому каналу, которым люди могли еще как-то пользоваться. Потому что, если это так и было, абхазские власти еще больше ужесточат этот процесс и людям станет сложнее приезжать к родственникам. Так что это вдвойне подлый шаг. Само собой, я не одобряю такие взрывы вообще, а тут еще использовать молодого человека, который едет к родственникам, толкать на какие-то диверсионные действия...

Реплика: Это может быть делом рук других спецслужб.

Георгий Анчабадзе. Да, может быть, это третья сторона.

Так что эти факты есть. Всякий раз берется разрешение, и всякий раз оно дается в порядке исключения тем людям, которых принимает абхазская сторона. Пусть это станет более свободным. Как выезд из Советского Союза – сначала он был совсем невозможным, потом стал доступнее. При Сталине за границу никто не ездил, а при Брежневле уже понемножку стали. Но при Брежневле нельзя было сказать, почему этот ездит, а вот Дато Бердзенишвили, который в чем-то там не согласен, не поехал. Когда я говорю о каком-то частичном

разрешении на приоткрытие этой границы, то далеко ведь не всякий рискнет поехать, хотя бы из-за своей какой-то биографии. Конечно, это разрешение тоже не будет таким: ага, раз я в этом году еще не был, обязательно должен поехать. Просто я хотел, чтобы это приняло законный характер, а не так, чтобы чей-то более влиятельный родственник легче получал это специальное, особое разрешение, а кто другой не мог его получить.

Почему я несколько раз повторял, что поствоенное мышление надо преодолевать? Потому что иначе Абхазия не сможет как-то выйти из этой изоляции. Здесь вы все говорите, как плохо быть в этой изоляции. Вот и надо из нее выходить, делать какие-то шаги, которые сейчас могут казаться очень неординарными. Иначе из этого тупика еще долго не выйти. Рано или поздно все, конечно, станет на свои места, но вы должны стараться, чтобы это произошло скорее. И не надо дожидаться, пока общество дойдет до такого истощения, когда ему все будет невмозгугу.

Арда Инал-Ипа. На конференции в США я встретила с человеком, который в свое время был помощником Брунера. Чувствовалось, что этот конфликт как-то остался у него в душе, взволновал, и он, кстати, тоже говорил о возобновлении железнодорожного движения. Он говорил, что постоянно думает, как нам помочь выйти из этого тупика, и пришел к выводу, что выход все-таки в возобновлении железной дороги, которая свяжет Россию, Армению, Грузию и Абхазию. Он просил это передать.

Лиана Кварчелия. Мне кажется, что и в Гальском районе, и в Очамчирском, и там, где происходят взрывы, люди не чувствуют, что живут в *поствоенной* ситуации – для них продолжается *военная* ситуация. У нас достаточно маленькое общество, чтобы одна смерть не аукнулась во всей республике. И поэтому ощущения, что это *поствоенная* ситуация, у нас, к сожалению, просто нет.

Георгий Анчабадзе. Я не забыл, что это ситуация «ни войны, ни мира». Я к тому и говорю, что именно таким путем я вижу возможность покончить с этими взрывами и т.п. Я не знаю, может, в выступ-

лении мне надо было сказать больше, но я не стал повторять всё то, что я раньше писал и говорил. Надо найти выход, это в интересах Абхазии – надо выйти из этого состояния, потому что запереться нельзя, и запирается тоже нельзя, но надо не только стараться, чтобы не запирали, но и преодолевать эту изоляцию изнутри.

И вот еще Тенгиз сказал, что не надо сравнивать Абхазию с Южной Осетией, там, говорит, не такая степень озлобленности была. Я с этим не согласен. Когда там шел конфликт, там озлобленность была ничуть не меньше. Там ужасные дела творились. *(Шум в зале.)* Но почему-то решили конфликт в Осетии как-то законсервировать, а Абхазию все время дергать. В Абхазии поствоенная ситуация не наступает, потому что ее все время дергают, а в Осетии ситуацию пустили на самотек, и там этого нет. Когда мне говорят, мол, партизанское движение в Гальском районе создали сами беженцы, а мы, официальные структуры, здесь ни причем, я всегда спрашиваю: а почему беженцы из Южной Осетии не делают того же, если это как-то не иницируется центром? Вот я и говорю, что надо в интересах обеих сторон перевести дело на мирные рельсы, чтобы эти сообщества как-то успокоились, чтоб перестала литься кровь, чтобы мы не смотрели друг на друга сквозь прицел автомата – и в прямом, и переносном смысле. Вот что я имел в виду.

(На другой день.)

Манана Гургулия. Вчера у нас действительно было очень интересное и эмоциональное обсуждение, которое оставило некий след – не скажу, что очень радужный. Мне кажется, что в этой ситуации нам нужно различать две вещи: одно дело – сегодняшние, сиюминутные реалии, другое – перспектива: ближайшая, среднесрочная, долгосрочная. Мне кажется, мы иногда смешиваем эти вещи, когда говорим о возможных вариантах урегулирования, о шагах, которые могут предпринять стороны. По-моему, это чаще делает абхазская сторона, потому что она больше погружена в конфликт – буквально живет в конфликте. Не зря Лиана сказала, что у нас не постконфликтное мировоззрение, а именно поствоенное, потому что конфликт не урегулирован – он остается. Есть же предвоенная, военная, поствоенная ста-

дии. Мы, наверное, больше погружены в поствоенную стадию, и поэтому пытаемся всех вернуть назад. Мы порой даже перегибаем палку не только во время дискуссий с вами, но и дома. Может, нам надо попытаться посмотреть на себя со стороны и выгащить самих себя из поствоенной ситуации, как выгащил себя из болота за волосы Мюнхгаузен. Правда, это трудно, потому что каждый день преподносит сюрпризы. Помните, один из представителей ООН сказал, что ситуация заметно улучшилась, добавив при этом, что есть десятки жертв. Нам трудно абстрагироваться от них. И мне кажется, что порой наша реакция вызвана именно этим. Мне лично бывает трудно выйти из сегодняшнего дня и посмотреть на ситуацию со стороны. Поэтому эмоции иногда бьют через край, и остается не очень приятный осадок. Нужно делать какие-то шаги, нужно учиться смотреть со стороны и на себя, и на оппонентов. Иначе невозможно предлагать какие-то варианты. Нужно уметь их предлагать, хотя бы анализировать предложенное. (Кстати, мне не всегда хорошо это удается.)

Георгий Анчабадзе. Я и говорю, что нужно преодолевать поствоенный синдром – состояние общества, которое было вызвано обстоятельствами войны и до сих пор не проходит. Я понимаю, чем это вызвано, я об этом писал. В 2000 г. мы издали сборник «Грузия. Абхазия», в котором я писал, что такое состояние абхазского общества – это следствие блокады, событий в Гальском районе, того, что народ страны, разоренной войной, постоянно дергают, ему не дают возможности расслабиться, чтобы он мог трезвее взглянуть на ситуацию. Я не раз говорил и писал, что Абхазию надо оставить в покое, и приводил в пример Южную Осетию. Там был не менее ожесточенный конфликт, творились ужасные вещи. Но атмосфера вокруг того конфликта не нагнетается, несмотря на то, что он тоже пока далек от разрешения. Все потому, что, видимо, было решено оставить Осетию в покое и давить на Абхазию. Я не вижу в этой стратегии ничего позитивного для Грузии, но такова реальность. Взвешенное отношение к Осетии почти свело на нет накал страстей как среди осетин, так и среди грузин – сегодня они спокойно посещают друг друга. Например, Алан Парастаев целый год жил в Тбилиси, работая в Кавказском форуме.

Последние десять лет дело было пущено на самотек, Южную Осетию не трогали, и ситуация там почти нормализовалась. Главное – установились нормальные отношения между людьми. Это никак не усилило стратегические позиции Грузии в этом конфликте – он не разрешен в пользу Грузии, и Южная Осетия остается на той же позиции, что и раньше – но страсти постепенно улеглись, и на этом фоне можно найти какой-то человеческий вариант. Я не раз повторял и для грузинской общественности, и для властей поддерживающих, что нельзя создавать вокруг Абхазии такой ажиотаж – все время пытаться ее ущемить, нанести ей какой-то вред... Потому что, в конце концов, даже если не обращать внимания на все остальные аспекты, это наносит вред нам самим. Вчера в моем докладе я не затронул многие вопросы – говорил только о том, что считаю базовыми интересами Грузии и Абхазии. И первым из таких базовых интересов я считаю «открытие» Абхазии – Абхазия должна так же свободно общаться с внешним миром, как и все признанные государства. То, что Абхазия не признана, не значит, что она должна быть в мире изгоем, а ее население жить, как на необитаемом острове, как после кораблекрушения.

«Открытие» Абхазии не может быть односторонним шагом. Другая сторона тоже должна чуть-чуть приоткрыть дверь. Потому что есть беженцы – двухсоттысячная масса. Большая их часть живет в Грузии, часть рассеяна в других странах СНГ. Этот фактор нельзя сбрасывать со счета. Я лично считаю, что это самый тяжелый фактор – наиболее трудно преодолимый. Но игнорировать эту массу беженцев невозможно – из этого ничего не выйдет. Как ничего не выйдет и у тех грузинских политиков, которые, абсолютно не считаясь с реалиями, зациклились на возвращении к исходной ситуации, к автономии. Что-то надо делать, хотя бы позволить людям раз в год посещать могилы близких, как я уже предлагал. По большому счету это им ничего не дает, но поможет как-то выпустить пар, понемногу снять напряжение. Люди будут общаться друг с другом, а для меня это главное – общение между людьми.

Еще задолго до войны, в 1989 г., я писал, что надо устраивать телемосты. Я сказал это и Пагиашвили на собрании, которое созвали после Лыхненского схода. Он пригласил тогда интеллигенцию (как это делали

все последние секретари ЦК), а также нескольких представителей Общества им. Джавахидов. (Было такое, созданное нами политическое общество, куда, в основном, входили молодые сотрудники Института истории, и которое потом слилось с Республиканской партией. Неформальных политических образований тогда еще мало было, и ЦК воспринял его очень серьезно.) На том собрании я тоже предложил устраивать телемосты, сделать так, чтобы колхозы приглашали друг друга в гости (было начало 89-го года, и тогда это еще было возможно).

Я считаю, что чем больше люди будут общаться, тем лучше. Это тоже форма народной дипломатии, наиболее массовая форма. Подчеркиваю: то, что мы делаем и собираемся делать в нашем проекте – это очень хорошо. Но в нашем движении задействовано всего несколько десятков человек – может, в общей сложности двести, ну триста. Такие встречи не могут быть массовыми, и надо изыскивать способы, чтобы люди как-то встречались сами. Естественно, если «открытие» Абхазии состоится, туда поедут люди, наиболее способные к каким-то диалогам, встречам и компромиссам. Бескомпромиссные вообще никуда не будут ездить. Я считаю, что Абхазию надо «открыть». Для меня в этом главная гуманитарная сторона – для людей надо что-то делать, потому что их просто-напросто жалко. К тому же это поможет миротворческому процессу. Конечно, мою точку зрения можно принять, а можно и не принять. Мы потому и собираемся, чтобы предлагать даже самые фантастические идеи, которые или будут реализованы, или нет. И я считаю, что в том комплексе, который я предлагаю, приоткрытая дверь – это минимальный ответный шаг, мелочь по сравнению с тем, что можно получить взамен.

Еще хочу сказать о нетерпимости в наших обществах. От этого тоже надо избавляться. Потому что она, в конце концов, оборачивается против нас. Здесь упоминался случай, когда мы заговорили по-грузински в сухумском кафе. Я только сейчас узнал, что кому-то это не понравилось. Ну, хорошо, допустим, кто-то это услышал. Но ведь после войны прошло уже восемь лет, и пора себя сдерживать. Я говорю не только об этом конкретном случае. Мне неприятно, что существует такой настрой. Это значит, что люди чувствуют свою слабость, неуверенность. Почему вообще дело дошло до войны, почему Грузия вначале, даже когда можно было, не шла ни на какие уступки? Пото-

му что грузины чувствовали слабость своей позиции, свою слабость, и хотели преодолеть ее нетерпимостью и жесткостью. Мы знаем, что получилось в итоге – мы потеряли все, что хотели сохранить этой твердостью. И поэтому мне больно, когда, скажем, в абхазском обществе сегодня есть такие настроения. Потому что абхазский народ одержал победу в трудной борьбе, и надо оценить эту победу – больше поверить в себя. Общество должно стать терпимее, от этого оно станет только сильнее. Я конечно, не специально говорил в Абхазии по-грузински, но и не особенно старался сдерживаться. И вообще, когда я бываю в Абхазии, я не стараюсь как-то стусываться, скрывать, кто я и откуда. Главное, что я прав перед самим собой – я ничего такого не делал, что лишало бы меня права считать Абхазию своей страной. Когда убили бедного Зураба Ачба и я приехал на его похороны, мне сказали: ты все-таки не ходи один, скажи нам, мы будем сопровождать тебя, возить на машине. Это было трогательно, но я все время ходил один, потому что мне было бы неловко ходить по Сухуми с сопровождением. Я подошел к тому месту, где убили Зураба. Остановился. Мимо проходили люди, останавливались, вздыхали, что-то говорили. Потом подошел человек, примерно моего возраста, может, чуть младше. Постоял, повздыхал и заговорил со мной. Говорил, как часто говорят абхазы, на смеси русского и абхазского. Мы немного поговорили. А потом он меня спрашивает: а ты кто такой? Я назвал себя, сказал, что приехал из Тбилиси по этому случаю. Он обнял меня, стал приглашать в гости. Как оказалось, он воевал. Это была положительная реакция, конечно, я мог нарваться и на другую. Но это мой принцип – все эти двенадцать лет, которые нас отделяют от событий 1989 г., я не скрываю, кто я такой и что я хочу. Мне так легче. Мне было бы труднее носить какую-то маску. Поэтому я так и буду продолжать.

Если бы в том кафе, где мы разговаривали по-грузински, к нам кто-то подошел (даже не зная, что мы близки с Баталом) и стал требовать объяснений, я не стал бы ничего скрывать, и, думаю, дело закончилось бы миром. Но Батал сказал, что могло плохо кончиться – все бывает. Но это не причина для того, чтобы вести себя как-то иначе. Если бы я был очень осторожным, я и в Тбилиси вел бы себя намного осторожнее. Не так уж легко было во время войны говорить в Тбилиси, что ты абхазец, что Грузия неправа, и т.д. Я это говорил и

до войны, и во время войны. Если помните, в книге «Грузины и абхазы» Гия Нодия, говоря об “абхазском проекте”, ссылается на выступление Гии Анчабадзе. Это был конец сентября 1992 г., когда война была уже в самом разгаре, в тот день как раз шел штурм Гагры, но я выступал перед полным залом и говорил, что нельзя было вводить войска, говорил, в чем правы абхазы, и т.д. Так что, если бы я проявлял осторожность, то проявлял бы ее в Грузии, потому что если уж кто-то захочет меня убить, у грузин, может быть, на это больше оснований, чем у абхазов. *(Смеется.)*

Я не люблю много говорить о себе, но мне обидно не то, что меня где-то не поняли (я говорю не о присутствующих, а о тех знакомых людях в кафе) – мне обидна нетерпимость, которая показывает, как слабо общество, как оно не осознает, что время слабости прошло. После войны прошло уже восемь лет, вы победили в этой войне. Пора немножко открыться, немножко почувствовать реалии и стать терпимее к своим оппонентам. *(Шум в зале.)*

Давид Бердзенишвили

ОТКРЫТИЕ АБХАЗИИ: ПРОЕКТ СОВМЕСТНОГО КОНЦЕРНА

Паата предупредил, что все сказанное нами может обернуться против нас. Я постараюсь все-таки сказать большую часть того, что думаю. Мы уже все убедились, что грузинско-абхазская проблема не имеет одноразового, всеобщего, масштабного решения. Проблема статуса Абхазии и проблема возвращения беженцев никак не увязываются в один общий пакет, и поэтому мы ищем промежуточные варианты трансформации конфликта. Гия абсолютно прав, что главная стратегия, ключ к решению проблемы – это «открытие» Абхазии, открытие коммуникаций, информации, не только открытие границы на Ингури, но и «открытие» Абхазии для внешнего мира. Мне кажется, что в рамках промежуточных, переходных моделей нам придется подумать о создании легальных таможенных служб Абхазии и Грузии, т.е. открыть таможеню на Ингури и унифицировать грузинско-абхазское таможенное законодательство. Я думаю, что нашему сближению и трансформации конфликта поможет создание таких механизмов экономических взаимоотношений, которые способствовали бы совместным экономическим проектам грузинских и абхазских государственных и частных предприятий. В Грузии государственных предприятий почти не осталось (по крайней мере, функционирующих), а частный сектор растет. В Абхазии промышленность пока не приватизирована, однако, экономические взаимоотношения – полудикие, полуполигальные капиталистические подходы – существовали и при советской власти (естественно, когда какая-то часть завода или весь завод передается в аренду, его директор становится неформальным владельцем и имеет долю из прибыли). Но так или иначе – это экономические структуры, и легализация таких отношений как внутри Абхазии, так и между абхазскими и грузинскими предприятиями могла бы способствовать «открытию» Абхазии и появлению в Грузии и в Абхазии людей, которые были бы заинтересованы в экономическом сотрудничестве. Я думаю, что значительная доля функций в «открытии» Абхазии ложится на открытие абхазских транспортных

магистралей. Месяца два назад я попросил наших молодых юристов и экономистов подготовить вариант законопроекта о создании транспортного концерна.

Проект

О ТРАНСПОРТНОМ КОНЦЕРНЕ

1. Цель и описание проекта. Цель данного проекта – создание совместного грузино-абхазского транспортного концерна, который будет монопольно контролировать железнодорожные, авиационные, морские и автомобильные перевозки грузов и пассажиров, следующих из зарубежных стран и в зарубежные страны по территории Абхазии и транзитом через нее по территории Грузии.

Осуществление данного проекта возможно посредством создания ..... (грузинское предприятие) и ..... (абхазское предприятие) акционерного общества с равным пятидесятипроцентным долевым участием ..... (грузинское предприятие) и ..... абхазское предприятие).

Деятельность концерна требует соответствующего правового обеспечения, проект которого дан в соответствующей главе данного проекта.

Данный проект не является бизнес-планом.

2. Организационно-юридическая форма и система управления концерна. Оптимальной формой для транспортного концерна будет акционерное общество с равным (пятидесятипроцентным) долевым участием ..... (грузинское предприятие) и ..... (абхазское предприятие).

Формирование начального капитала концерна происходит через вклады учредителей (партнеров) в уставной капитал концерна, причем величина их вкладов не обязательно должна быть одинаковой. Партнеры имеют право определить свою долю в уставном капитале независимо от их реального вклада.

Преимущество акционерного общества перед другими организационно-юридическими формами состоит в его большей прозрач-

ности и в наличии лучших условий для инвестирования и реинвестирования. По мере развития концерна возможна эмиссия акций концерна и реализация их на фондовой бирже без потери контроля над концерном со стороны партнеров – учредителей.

Управление концерном осуществляет совет директоров концерна, в котором представительскими правами владеют все директора. Для реализации представительских прав необходимо согласие совета директоров. Решения на совете директоров принимаются единогласно.

Директоров концерна назначает совет наблюдателей в составе шести человек, в дальнейшем контролирующей деятельность совета директоров.

Высшим органом управления концерна является общее собрание акционеров. Общее собрание избирает совет наблюдателей и осуществляет другие, определенные уставом, функции.

Компетенции директората, совета наблюдателей и общего собрания определены в уставе концерна, который прилагается к данному проекту.

Местонахождение общества (юридический адрес) .....

Условное наименование общества: акционерное общество “Транспортный концерн”.

3. Предмет деятельности концерна. Предметом основной деятельности концерна являются:

автомобильные, железнодорожные, воздушные и морские перевозки грузов;

перевозка пассажиров железнодорожным, воздушным и морским транспортом.

4. Анализ наличной ситуации. По данным Бюджетного офиса Парламента Грузии, в результате военных действий и в условиях экономических санкций транспортная инфраструктура в Абхазии разрушена. Перевозка тяжелых грузов по железной дороге невозможна.

Для успешной реализации деятельности концерна на территории Абхазии необходимо восстановление как автомобильных, так и железнодорожных магистралей и мостов.

По имеющимся у нас данным, для этого потребуется 40.000.000 (сорок миллионов) американских долларов.

Инвестирование данной суммы возможно лишь посредством долгосрочного кредита.

Целесообразно было бы получение кредита непосредственно концерном. Но поскольку размер вкладов партнеров не будет достаточен для обеспечения кредита, единственным получателем кредита от международных организаций-доноров может быть грузинское государство.

Данная сумма будет передана в качестве безвозмездного кредита концерну, который и проведет ремонтные работы.

Покрытие кредита возможно как из доходов от деятельности концерна, так и в результате эмиссии акций концерна.

Транспортно-коммуникационная инфраструктура на территории Грузии, в основном, в порядке, и ее включение в общую коммуникационную сеть не связано с большими капиталовложениями.

5. Законодательная база. *При условии ликвидации экономических санкций против Абхазии, правовая база для осуществления деятельности концерна в Грузии (транспортировка грузов, экспорт-импорт) в целом благоприятная. Транспортировка и перемещение грузов по территории Грузии и за ее пределами – свободные, ограничений на инвестиционную деятельность нет.*

Закон Грузии “О монопольной деятельности и конкуренции” допускает существование естественных монополий. К тому же закон дает Парламенту право полностью или частично изымать отдельные виды монопольной деятельности из-под действия антимонопольного законодательства. Нет сомнения, что в случае осуществления проекта Парламент примет соответствующее решение.

При этом следует учесть, что согласно п. 1 ст. 13 Налогового Кодекса Грузии, предприятие, чья деятельность осуществляется или управляется в Грузии, является предприятием Грузии. Тем самым на нее распространяются нормы налогового кодекса Грузии.

Налоговое законодательство Грузии нелиберально. Нормы налогов на прибыль и прибавочную стоимость высоки (по 20% каждая). Юридическому лицу, осуществляющему производственно-экономическую деятельность (концерну), придется выплачивать в общем до десятка различных налогов, что понизит рентабельность его деятельности.

В условиях обязательства по покрытию кредита в 40.000.000 американских долларов рентабельность предприятия упадет еще более.

Важно отметить, однако, что для некоторых видов деятельности, планируемой концерном (в частности, для международных перевозок, кроме авиационных), закон предусматривает налоговые льготы.

Таким образом, для успешного ведения деятельности концерна целесообразно либерализация его налогового обложения, в частности: освобождение концерна от налога на прибыль; освобождение операций по перевозке грузов по территории Грузии от налога на прибавочную стоимость; освобождение осуществляемых концерном международных авиационных перевозок от налога на прибавочную стоимость; освобождение автотранспортных средств концерна от налога на въезд на территорию Грузии.

Для реализации данных условий необходимо внести в Налоговый Кодекс Грузии следующие изменения.

В ст. 47 Налогового Кодекса следует добавить пункт следующего содержания:

«Статья 47. Налоговые льготы.

От налога на прибыль освобождается...

прибыль, полученная акционерным обществом “Транспортный концерн” от основного вида деятельности (транспортные перевозки)».

К п. 1 ст. 101 добавить подпункт в следующей редакции:

«Статья 101. Освобождение от налога.

От налога на прибавочную стоимость освобождается...

транспортировка товаров и перевозка пассажиров акционерным обществом “Транспортный концерн”, а также другие виды обслуживания, связанные с транспортировкой товаров и перевозкой пассажиров».

После ст. 207 добавить статью следующего содержания:

«Освобождение от налога.

От налога на въезд автотранспортных средств на территорию Грузии освобождается акционерное общество “Транспортный концерн”».

Необходимо также внесение соответствующих изменений в закон Грузии “О таможенном тарифе и налоге”, в частности, подпункты а, б и в ст. 18 необходимо сформулировать в следующей редакции:

«Статья 18. Освобождение от выплаты таможенного налога.

От выплаты таможенного налога освобождаются:

а) экспорт товаров, осуществляемый акционерным обществом “Транспортный концерн” и при его посредстве;

б) реэкспорт товаров, осуществляемый акционерным обществом “Транспортный концерн” и при его посредстве;

в) товары, идущие транзитом через территорию Грузии при посредстве акционерного общества “Транспортный концерн”».

Первейшим условием для успешного осуществления данного проекта является унификация грузинского и абхазского законодательств в том, что касается налогообложения концерна. Поэтому аналогичные изменения должны быть внесены в налоговое и таможенное законодательство Абхазии.

6. Оценка риска и ожидаемых результатов. *В условиях нестабильного экономического, и особенно политического, климата оценить степень риска весьма сложно. По предварительным расчетам, риск будет высоким.*

Размер кредита и сроки его покрытия требуют дополнительных расчетов, но в условиях роста объема грузооборота и, особенно, политической и социальной стабильности, с учетом необходимости реинвестирования части прибыли покрытие кредита реально через 10-12 лет.

Если решение о создании такого концерна будет принято, идею при желании можно реализовать, на основе этого проекта или каких-то других. Среди нас есть люди, которые считают, что надо создавать не акционерное общество, которое будет монопольно контролировать транспортные перевозки на территории Абхазии, а фонд. Надо способствовать скорейшему созданию частных и государственных экономических структур в Абхазии, тогда можно будет найти и другие формы сотрудничества. Если такое промежуточное решение будет принято, экономисты и юристы готовы помочь и, я думаю, найдутся и международные организации, которые согласятся финансировать такой проект. Я считаю, что в рамках таких подходов обязательна легализация транспортных перевозок и через порты Абхазии.

Естественно, порты Абхазии работают и сейчас, но нелегально, на птичьих правах, может быть, на правах победителя. И происходит это в замкнутом пространстве, без возможности реального экономического сотрудничества с внешним миром. Грузинская сторона должна легализовать деятельность абхазских экономических структур – частных, государственных, смешанных – на территории Грузии, то есть абхазские экономические субъекты, которые зарегистрированы в Сухуми, смогут иметь свободные экономические отношения и работать на территории Грузии. Это может способствовать и тому, чтобы грузинское государство начало переговоры со странами СНГ, Болгарией, Румынией и Турцией о легализации деятельности абхазских экономических структур и на их территориях. Это означало бы фактическую и юридическую легализацию абхазских экономических структур не только в Грузии, но и в других странах. Я думаю, что с учетом общих интересов определенной части турецкой политической элиты прогрузинской ориентации и абхазской диаспоры, можно обеспечить принятие такого соглашения и турецкой стороной. Тесные контакты Грузии с Украиной могут помочь легализации деятельности абхазских фирм и на территории Украины. Совместные грузинские и абхазские интересы могут быть реализованы и в переговорах с Россией. Армения будет заинтересована в открытии транспортного коридора через Абхазию и тоже не откажется от легализации деятельности абхазских структур на своей территории.

Наряду с созданием транспортного концерна, желательно дать возможность грузинским, абхазским и совместным частным структурам перевозить не только грузы, но и пассажиров.

Кроме открытия транспортного коридора, необходимым условием для «приоткрытия», а потом «открытия» Абхазии является открытие информационного пространства. В первую очередь, необходимо использовать новейшие технологии. Они не дороги – я имею в виду Интернет и возможности Интернета. То есть создание web-сайтов, создание дискуссионных интернет-клубов способствовало бы сближению, получению информации о друг друге не через Москву. (Манана, конечно, лучше в этом разбирается.) Есть какие-то прямые контакты, но полной информации друг о друге стороны не имеют. Поэтому создание совместных агентств, газет с общими или совмес-

тными редакциями или тесное сотрудничество двух газет было бы очень полезным.

У Абхазии нет с внешним миром даже телефонной связи, как в допотопные времена. Мобильные телефоны и т.д. способствовали бы экономическому сотрудничеству между грузинскими и абхазскими экономическими структурами.

Особое внимание я бы уделил независимым теле- и радиопрограммам. Я думаю, что если удастся создать независимый канал или свободные передачи на телевидении Абхазии, это, естественно, тоже послужило бы трансформации конфликта и сближению народов. Кого-то это будет раздражать, но это не главное. Главное – получать информацию, узнавать, как оценивают ситуацию разные слои общества. Все эти подходы, и многие другие подходы, будут способствовать созданию общего пространства – информационного, коммуникационного и в какой-то степени экономического.

Естественно, нельзя забывать о беженцах и рассматривать стратегию «открытия» Абхазии изолированно от их проблем (об этом говорил Гия, и это, наверно, понимают все). Поэтапное возвращение беженцев вводит этот процесс в общий контекст стратегической линии открытия коммуникаций и информации, вообще «открытия» Абхазии. Я считаю, что этому бы способствовало создание реального самоуправления в Гальском районе. Это, естественно, не означает, что Гальский район формально или де-факто выйдет из-под контроля абхазских властей, но значительная часть полномочий перейдет к выборным местным органам самоуправления. Честно признаться, я не понимаю, почему в Гали так часто (обычно это бывает в августе, перед началом нового учебного года) возникает напряженность в связи с грузинскими школами. Если кто-то в Абхазии думает, что, запретив грузинские школы и преподавание на грузинском, получит в будущем из этого населения население с негрузинской идентичностью – это просто иллюзия, ничего общего не имеющая с реальностью. И это не способствует улучшению наших взаимоотношений. А что касается детей из смешанных семей, которые в будущем сами будут определять в Абхазии свою идентичность, может быть, у них и не будут альтернативы, это уже другой вопрос. Но любые насильственные методы по отношению к тем, кто живет в Гальском районе на

птичьих правах, способствуют отставанию, способствуют тому, что мы не можем выбраться из поствоенной ситуации.

Такие промежуточные подходы могут способствовать тому, что в будущем – не буду конкретизировать, в каких формах и как – может быть, опираясь на какие-то достижения промежуточного периода, абхазская государственность будет ориентирована не на абхазскую этнократию, а на правовое государство и плюралистическое общество. Тем более, что грузинское население в Южной Абхазии – не вчерашний и не позавчерашний день, и я не воспринимаю это население в Абхазии, особенно в ее юго-восточных районах, как нацменьшинство в будущем абхазском государстве или каком-то другом государственном образовании. Фактически, абхазскую государственность я хотел бы увидеть как плюралистическую, где демократические механизмы могут обеспечить сохранение и усиление абхазской идентичности, нахождение у власти преимущественно абхазцев, но без всяких этнократических институтов. (Кстати, еще полтора года тому назад в Москве Тинико Хидашели, Гиа Хубуа и я говорили об абхазской государственности. Я говорил об общем государстве, они говорили о федерации.) Такие подходы могут защитить демократические ценности и способствовать созданию демократических институтов. Можно разрушить стереотип, что абхазов меньше и поэтому они могут потерять власть. Нынешнее деление Абхазии по районам – новое деление – дает очень хорошие шансы того, что на верхнем уровне абхазские интересы, которые будут проводиться преимущественно абхазскими политиками, будут защищены. А для баланса компактно проживающее грузинское, армянское, русское и другое население должно получить большие полномочия на местном уровне. Так делается во всем цивилизованном мире. Так что это возможно. И я не сказал бы, что грузины в Абхазии, будут в обозримом будущем просто каким-то обыкновенным нацменьшинством.

С другой стороны, проблема беженцев требует решения и другими средствами. Беженцы, которые преимущественно находятся на территории Грузии, до сих пор лишены гражданских прав. В Грузии об этом многие говорят, но тем не менее, прав у них пока нет, и грузинская номенклатура из Абхазии, устами председателя одной из двух парламентских фракций, сделала такое заявление: «Беженцы не будут

принимать участие в местных выборах, однако взамен мы требуем, чтобы в районах компактного проживания беженцев мы получили пост вице-мэра». Типично советский подход! Кажется, Тенгиз говорил здесь в марте, что здешние армяне стараются получить в Адлере пост вице-мэра. Это и есть типичный номенклатурный подход, когда голоса и потребности избирателей не ставятся ни во что. Я считаю, что, беженцы должны получить эти права – право участвовать в выборах и избираться как в местные органы власти – начиная от села, включая районы и регионы – так и в центральные органы власти.

С другой стороны, с помощью многих международных программ можно способствовать адаптации той части беженцев, которая пожелает адаптироваться на территории Грузии. Какая-то их часть адаптируется, большая часть, естественно, ориентирована на возвращение в Абхазию, но для тех, кто свяжет свое будущее не с Абхазией, а с Тбилиси, Гори, Батуми или с любым другим местом в Грузии, естественно, надо создавать такой политический и общественный климат, чтобы их не считали изменниками.

Большой резерв – это крупномасштабное неправительственное движение беженцев. У них есть неправительственные организации, которые финансируются разными западными фондами, но они сосредоточились на конкретных делах. Их влияние на общественное мнение, не только по всей Грузии, но и среди беженцев, очень ограничено. Поэтому у меня есть такое предложение: создать много НПО беженцев, которые объединились бы в коалицию, которая говорила бы от имени 20-ти, 30-ти, 50-ти тысяч человек, может быть, даже больше. Я не говорю, что эта коалиция должна выполнять функцию властей. Это не альтернатива легитимному правительству в Тбилиси, правительству Надареишвили. Но с другой стороны, у нас сейчас вакуум. Надареишвили, его Верховный Совет Автономной Республики Абхазия и правительство Абхазии, которые работают в Тбилиси, заявляют, что представляют беженцев. Но они были избраны в других условиях, с тех пор прошло очень много лет. Многие из них вообще были избраны не в Верховный Совет Абхазии, а в парламент Грузии, а в Верховный Совет Абхазии их ввели уже потом, так что, естественно, сейчас они не могут реально представлять интересы беженцев. Тем более, что когда в 1995 г. Надареишвили, как лидер

партии «Абхазия – мой дом», баллотировался в парламент Грузии, он должен был пройти только голосами беженцев, но не прошел, недобрал голосов. Так вот, представители такой коалиции могут выступать от имени своих неправительственных организаций. Я хочу четко оговорить здесь их функции: как представители беженцев, они будут способствовать адаптации части беженцев на территории Грузии, подготавливать поэтапное, постепенное возвращение беженцев в Абхазию и принимать активное участие в таких встречах, как наша. Так что их функции не будут иметь ничего общего с правительственными, номенклатурными функциями.

Я часто напоминаю о том, что у крымских татар, которых в Крыму до 300 тысяч, накоплен большой опыт в таких делах. Свой междарственный орган – по сути, он сохраняет неформальные функции, но с ним считаются, его представители являются членами украинского парламента, они были членами крымского парламента, правительства Крыма.

Если это будет способствовать дифференциации беженцев, особенно активной части беженцев, я думаю, что это к лучшему. А сейчас никто не знает, какие у беженцев подходы – от их имени говорят люди, которые, как мы подозреваем, не выражают их интересов.

Мы не знаем, как будет устроена Абхазия. Я думаю, что в промежуточных подходах мы не обязательно должны ориентироваться на один конечный результат. Я не знаю, будет ли это общее грузинско-абхазское государство, объединенное, или абхазская государственность, но даже в том случае, если это будет абхазская государственность, такая, по сути, абхазско-грузинская государственность от Ингури до Псоу будет иметь, на мой взгляд, больше шансов на признание как Грузией, так и, соответственно, международным сообществом.

ДИСКУССИЯ

Нателла Акаба. Давид уже частично ответил на вопрос, который я хотела задать, но я хотела бы услышать более четкие формулировки. Мне идеи Давида нравятся, я считаю, что это очень прагматичный и

перспективный подход, но он совершенно противоречит тому, что сейчас декларируют грузинские власти – непризнание всего того, что существует в Абхазии. Когда дело дойдет до дела, как будут регистрироваться акционерные общества и концерн? Как все это реализовать, если Грузия не признает легитимность абхазских структур? Этого я себе не представляю. Любой политик, который постарается это осуществить, будет сильно рисковать. Допустим, Республиканская партия пришла к власти (я бы этого очень хотела) – сможет она эти идеи реализовать, не подвергнется ли атакам со стороны наиболее радикальных групп беженцев?

Теперь по поводу грузинских школ в Гальском районе. На самом деле это не такой простой и безболезненный вопрос. Я, конечно, понимаю, что запретить существование этих школ невозможно, это даже противоречит абхазской конституции. Но чиновники, которые очень болезненно реагируют на всё это, ставят вопрос так: люди, которые окончат грузинские школы, уже не смогут получить дальнейшее образование в Абхазии – значит, они будут получать его в Грузии. Если кто-то станет, допустим, ботаником – это еще ничего, но специалисты по гуманитарным дисциплинам станут людьми, которые мыслят уже совершенно по-другому, и они уже не смогут интегрироваться в абхазское общество. В этом тоже есть какой-то резон.

Давид Бердзенишвили. Как вы считаете, Олег Несторович мыслит не по-абхазски?

Нателла Акаба. Он мыслит хорошо.

Давид Бердзенишвили. Значит, грузинская школа, в принципе, не помешала?

Что касается первого вопроса: мне кажется, что нашим общим партнером в осуществлении этих промежуточных подходов могут быть разные международные организации и фонды. Допустим, Фонд Сороса – единственный, который работает и в Тбилиси, и в Сухуми. Просто о таких подходах пока не говорилось ни в грузинской, ни в абхазской прессе. Если эти подходы будут одним из вариантов решения проблемы, мы, вероятно, сможем получить и политическую, и финансовую

помощь. Это трудно, но надо начинать. С другой стороны, грузинские дельцы, которые сейчас называются или бизнесменами, или политиками, или генералами МВД, явно будут заинтересованы в таких экономических отношениях. Потому что какая-то часть их бизнеса будет легализована. Собиралась же «Кока-кола» построить какой-то общий завод – разговоры об этом были. Я думаю, что в Грузии есть люди, которые этим заинтересуются, и этих людей достаточно много во властных структурах. Я кстати, не слышал, чтобы с грузинской стороны кто-то особенно протестовал против этой идеи.

Я не помню, говорил ли я об абхазских паспортах?

Голос из зала. Нет, не говорил.

Давид Бердзенишвили. Я считаю, что в этих же рамках необходимо ввести абхазские паспорта, и найдутся западные фонды, которые, может быть, будут это финансировать. То есть это возможно решить и финансово, и технически. Абхазские паспорта, если они будут признаны Грузией, будут иметь в ней хождение. По договоренности Грузии с Россией, Украиной, Турцией и т.д., они будут признаны и в этих странах. Тогда абхазцам не придется брать русские или грузинские паспорта. Что же касается стран-участниц Шенгенского договора – это другой вопрос. Но на значительной территории, которая представляет интерес для большей части жителей Абхазии, этот паспорт какое-то промежуточное время будет считаться официальным, признанным Грузией документом.

Я понимаю ваши опасения, связанные с грузинскими школами, но думаю, что ситуация – такая, какая есть, идентичность – такая, какая есть. Я не говорю, что ситуация и через сто лет будет такой же. В перспективе абхазское государство не может быть чисто абхазским. По сути, это будет абхазо-грузинским государством с учетом того населения, которое там живет и которое считает себя гражданами Абхазии. Такой подход означает ориентацию не на ассимиляцию грузин в Абхазии, а на сохранение грузинской идентичности граждан Абхазии.

Миша Мирзиашвили. Я хочу получить одно уточнение насчет транспортного концерна. Полем деятельности этого концерна будет Абха-

зия или вся Грузия? Он будет заниматься только теми перевозками, которые пойдут по абхазской территории?

Давид Бердзенишвили. Речь идет преимущественно об абхазской территории. Однако это общий абхазо-грузинский концерн, и, естественно, обе стороны будут работать просто в тепличных условиях – я не успел дочитать свой доклад, там сказано, что у них будут льготы, утвержденные парламентом, они будут освобождены от налогов, от налога на добавочную стоимость. Кстати, многих грузинских юристов, которые ознакомились с этой идеей, смущает, что концерн будет монополией. Это не будет естественная монополия, но, может быть, мы поможем ей стать таковой. Тут могут быть разные варианты: например, концерн может работать по всей Грузии, может перевозить какие-то грузы из Тбилиси в Азербайджан, минуя Абхазию, и т.д.

Миша Мирзиашвили. Тогда это будет монополия.

Нателла Акаба. А абхазская сторона может и с Россией...

Давид Бердзенишвили. Да, конечно.

Тенгиз Пачкория. Прежде чем составлять проект, имели ли вы контакты с представителями транспортных фирм? Учитываете ли вы, что этот проект может провалиться не только из-за политических моментов, а сугубо из-за конкуренции? Потому что сейчас грузы из Западной Грузии, например, в Россию, идут через Тбилиси до Казбеги и дальше. Здесь уже выстроена целая система, связанная с большими деньгами.

И далее, кто будет обеспечивать безопасность? Это нешуточный вопрос. Батал явно не лукавит, когда говорит о криминогенной ситуации в Абхазии. Тот, кто читает абхазскую прессу и следит за событиями в Абхазии, знает, какая там криминогенная ситуация и что происходит после шести часов вечера. Она более острая, чем, скажем, в Западной или Восточной Грузии. К примеру, автобус Зугдиди-Москва сейчас ходит через Натахтари, Казбеги и далее, а если все будет так, как вы говорите, он будет ходить через Абхазию и Сочи.

Как вы это себе представляется? Это же огромные расходы. Учитываются ли вопросы безопасности? Имели ли вы контакты, делали ли предварительный зондаж?

Давид Бердзенишвили. Нет, не имел. У нас была идея, была концепция, и ребята, которые подготовили этот проект, хорошо работают и в частном секторе (есть такие даже среди республиканцев). Я думаю, что существование в Грузии разных экономических структур, назовем их политико-экономическими кланами, как раз увеличивает шансы – между этими кланами существует конкуренция. Это не монолит, не аджарский клан, который всем заправляет один. Думаю, те, кто контролируют транспортный коридор через Казбеги или Южную Осетию, не будут заинтересованы в этом проекте. Но те, которые платят им, наверное, будут заинтересованы в более дешевом коридоре. К тому же та транспортная магистраль не выходит на территорию юга России, и оттуда, фактически, нет прямого сообщения с Украиной.

Нателла Акаба. И Армения бы очень выиграла.

Давид Бердзенишвили. Армения бы уж точно выиграла, вот они и должны все это финансировать. *(Смех в зале.)*

Второй вопрос очень хороший. Мне на него ответить трудно. Безопасность грузов и пассажиров (если они, конечно, будут) – это, конечно, проблема. Но в какой-то степени это вроде как межгосударственный договор, межгосударственный взаимовыгодный экономический проект, и абхазская сторона должна взять ответственность за безопасность этих грузов на своей территории. В рамках этого проекта Абхазия получит кредит (я не случайно упомянул сорок миллионов долларов, которые приблизительно стоит этот проект) на десять-двенадцать лет. *(Шум в зале.)*

Лиана Кварчелия. У меня реплика по поводу школ. Конечно, любая община, живущая на территории Абхазии и желающая обучаться на своем языке, должна иметь такое право. И, как сказала Нателла, это закреплено в нашей конституции. Мне кажется, проблема в том, что Абхазии надо иметь единую образовательную программу для всех.

Вот в чем проблема, и мне кажется, плохо, что международные фонды с неохотой поддерживают реформы в области образования – издание учебников и пр., хотя сейчас какие-то небольшие сдвиги есть. Мне кажется, речь должна идти об издании одних и тех же учебников, но на разных языках. Конечно, для абхазов очень болезненный вопрос, по каким учебникам истории будут обучаться дети в грузинских школах. В основном, эта проблема и вызывает такие затруднения. Вопрос действительно очень деликатный, его нужно изучать, нужны немалые средства для того, чтобы издать учебники. И это вовсе не уловка, чтобы задержать решение вопроса о грузинских школах. К сожалению, из-за отсутствия средств школьная реформа в Абхазии задерживается. А учебники необходимо обновлять. У нас устаревшие учебники, а то и вовсе российские. Необходимо создавать свои, единые для всех учебники.

Паата Закареишвили. В повестке дня нашей мартовской встречи был Пакт о стабильности. Я знаю, что позже Давид был участником встречи с авторами Пакта о стабильности, у него там было даже самое большое выступление. Если вы не против, я хотел бы попросить рассказать об этой встрече.

Давид Бердзенишвили. На встрече был Эмерсон, его русская жена, две русские сотрудницы лондонского офиса, румын, итальянка, довольно представительной была грузинская группа. В течение двух дней мы обсуждали этот Пакт, и они говорили нам: вы должны учитывать законные интересы России. Разговор был достаточно тяжелый, и мне показалось, что этот проект провалится, и не только здесь, на Кавказе. Не говоря уже о концепции, там абсолютно упущены отдельные моменты, а многие рассмотрены поверхностно. Поэтому на Кавказе, фактически, нет субъектов, которым этот проект нравится. Все недовольны: недовольна Абхазия – ее включают в состав Грузии; недоволен Карабах; Россия, вроде бы, тоже не очень-то должна быть довольна. Армяне, может, и довольны, но публично об этом говорить не могут – у них Карабах. Азербайджанцы вообще впервые услышали об этом Пакте от нас. *(Смеется.)* Так что ничего особенного там не было. Эмерсон доволен – он получил заказ, выполнил

его и, в принципе, понял, что его проект разваливается. Я не думаю, что они будут очень настаивать на его реализации. К тому же у Эмерсона какие-то такие романтические, детские представления. Он, например, говорил, что карабахская проблема решится через месяц.

Голос из зала. Через какой месяц?

Давид Бердзенишвили. Там был и Бруно Коппитерс. Он, правда, сотрудничал с группой Эмерсона, но все же как-то от них отмежевался. Вместе с одной грузинкой (я ее не знал, Тамара Ковзиридзе, юрист, оказывается, она там работает) они оба прочли там доклад о федерализации внешней политики. Речь шла о том, что у них осталось от бельгийских моделей.

Нателла Акаба. У нас с Мариной тоже есть маленький опыт. Когда мы были в Бирмингеме, вдруг выяснилось, что в Оксфорд приезжает Майкл Эмерсон, чтобы представить там этот пакт. Но пришло, по моему, три человека, плюс мы: Марина, Рейчел и я. В общем, впечатление тоже довольно-таки жалкое.

Арда Инал-Ипа. Насколько я знаю, Нателла готовила какие-то предложения.

Нателла Акаба. Не предложения, я просто рассматривала Пакт с абхазской точки зрения, но я не готова сейчас говорить на эту тему, у меня с собой ничего нет. И потом, я все это бросила. В принципе, эти идеи нельзя полностью сбрасывать со счета, но у меня сложилось впечатление, что авторы эти идей – кабинетные ученые, которые там в Брюсселе, далеко от этого региона, состряпали что-то, совершенно не понимая ни здешний менталитет, ни здешнюю ситуацию, ни здешнюю политическую культуру. Причем Эмерсон объявил нам, что сейчас они начинают to cook (готовить, стряпать) проект по Абхазии, что над ним будет работать один грузин и какой-то итальянец. Я спросила, почему бы не включить в группу какого-нибудь абхазца. Он обещал подумать. В общем, все это не очень серьезно. Жаль, что они как-то опошлили такую идею.

Зураб Чиаберашвили. Я тоже с ними встречался в прошлом августе или сентябре, это было в Греции, на острове Халки. Потом они написали supplementary notes (дополнительные замечания) к Пакту о стабильности. Тогда этот Пакт был новым документом. После Эмерсона на пленарном заседании должен был выступать Гия Нодия, и в кулуарах нас с ним просили не очень критиковать...

Я хотел откликнуться на то, что сказал Дато о грузинских школах. Потом последовал комментарий, что в Гальском районе грузины все-таки могут учиться на грузинском языке. Как я понимаю, здесь нет никаких разногласий – все дело в учебниках. Дело в том, что в нашем, по-моему, седьмом сборнике Леван Рамишвили говорит о каком-то проекте Фонда Сороса. Не помню точно, но там упоминается один проект, который Совет Европы осуществил в Балтии и который осуществляется, или даже уже завершен в Закавказье. По этому проекту прибалты написали общую историю Балтии. Грузинские, армянские и азербайджанские историки тоже пишут сейчас историю Кавказа. Конечно, проект можно расширить, подключить абхазских историков, осетинских, других.

Тенгиз Пачкория. Извини, Зураб, историю Южного Кавказа или всего Кавказа?

Давид Бердзенишвили. Я знаю, я с ними встречался, абсолютно дурацкий проект.

Паата Закареишвили. Ну, это твое мнение.

Зураб Чиаберашвили. Чтобы они не делали эти дурацкие вещи, мы должны включаться в такие проекты и обсуждать вопросы, которые там есть, поскольку эти люди абсолютно некомпетентны и не имеют представления о том, что делать, чтобы их книга была действительно хорошей.

Что касается опасений, что впоследствии грузины уедут учиться в тбилисские вузы – может, это прозвучит как ирония, но если абхазская сторона постарается, чтобы в Гальском районе дети учились в школах на английском, и у них будет возможность заканчивать вузы не в Тбилиси, а в Бирмингеме или Лондоне, мы будем очень рады.

Батал Кобахия. То, что ты говоришь – риторика... оторванная от реальности...

Зураб Чиаберашвили. Да, я не исключаю, что это риторика.

Олег Дамения. Доклад Давида был очень интересным и очень полезным. Конечно, по первому впечатлению мне трудно его оценить. Как сказала Нателла, это был, пожалуй, самый прагматичный доклад на нашей встрече. В этом я и вижу его смысл и значение.

Комментарии мои касаются одной щепетильной и довольно-таки сложной проблемы – существования грузинских школ в Гальском районе. Такая проблема существует, но она не из неразрешимых. Правда, для этого потребуются какие-то усилия. По нашей конституции не только грузины, но и представители других этнических групп имеют право обучаться на своем родном языке, и мы не имеем права не выполнять эти требования. Но, естественно, возникает вопрос, по каким учебникам вести обучение – особенно гуманитарным дисциплинам, истории Грузии, истории Абхазии и т.д. В такой постановке вопроса тоже есть свой резон, потому что наше министерство образования не может обеспечить школы соответствующими программами и учебниками. Да и министерство образования Грузии, во всяком случае на сегодняшний день, вряд ли сможет поддержать грузинские школы в Абхазии и обеспечить их такими учебниками, которые были бы для нас приемлемы.

Когда я говорю о том, что эта проблема в перспективе разрешима, я имею в виду следующее: мне кажется, что если мы выйдем из того состояния, в котором пока еще пребываем, не только у гальских грузин, но и у этнических абхазов снова возникнет потребность в знании грузинского языка. Эта потребность во многом ощущается и сейчас, но сегодня рано говорить об этом открыто, поскольку само общество не готово осмыслить ее рационально и разумно.

Вот пример: в Грузии хранится много грузиноязычных письменных источников по истории Абхазии и истории абхазского языка. Без них вряд ли возможно изучить нашу историю, наш язык и т.д. Здесь присутствует Георгий Зурабович, и он может это подтвердить. Так что в будущем, если мы хотим двигать нашу науку вперед, нам пона-

добятся специалисты-абхазоведы, знающие грузинский. Возьмем другую сферу – скажем, информационную. По всей вероятности, в том же Абхазпрессе тоже будут нужны люди, владеющие грузинским. Можно привести массу и других примеров. Здесь говорили о связях в сфере коммуникаций, транспорта, экономики и пр. Людям, которые будут работать в этих структурах с абхазской стороны, тоже понадобится знание грузинского. Когда сегодня наши люди начинают работать в международных фондах или структурах ООН, от них требуют знания английского. Точно так же тем, кто будет работать в структурах, непосредственно связанных с грузинскими структурами, понадобится грузинский язык. Наверняка, возникнет и немало других факторов, способствующих тому, чтобы грузинский язык занял в абхазском обществе определенное место. Я думаю, что и в грузинском обществе будет то же самое. Скажем, те же грузинские лингвисты, или картвелологи – они тоже вряд ли смогут обходиться без абхазского языка, без данных по абхазской культуре. Так что эти проблемы, думаю, найдут в перспективе свое рациональное решение.

Батал Кобахия. Вы имеете в виду открытие кафедры грузинского языка для наших научных сотрудников?

Олег Дамения. Я говорю о другом: о том, что грузинам нужно знать абхазский язык и абхазскую историю, не ту, которую они знают, а настоящую, действительную абхазскую историю – им это поможет. И если мы будем знать грузинский язык, грузинскую культуру – нам это тоже поможет. Чтобы эти культуры могли взаимодействовать. И школа здесь, конечно, должна сыграть свою роль.

Тенгиз Пачкория Выступление Давида, как всегда, было интересным. Но, на мой взгляд, некоторые положения, связанные с созданием грузино-абхазского концерна и реализацией этой идеи, на сегодняшний день просто нереальны. Я не хочу сказать, что они утопичны, но они нереальны по нескольким причинам – может быть, не столько по политическим, хотя этот момент тоже присутствует.

Первая причина – это вопрос безопасности. Я не случайно спрашивал об этом. Безопасность – очень серьезный вопрос. Ведь, как я

себе это представляю, услугами концерна должны пользоваться не только жители Западной Грузии, чтобы ездить через территорию Абхазии в Сочи и дальше, но и жители Абхазии, которые смогут через Самегрело и Аджарию ездить в Турцию и в другие страны. Я не думаю, что абхазские или грузинские силовые структуры смогут в ближайшем будущем обеспечить на своих территориях безопасность грузов или пассажиров. Здесь много причин, и не только финансовых. В Абхазии криминогенная ситуация действительно сложная, не говоря уже о том, что и в Грузии, как в Западной, так и Восточной, она ненамного лучше: незащищенность людей, постоянные грабежи, нападения на автобусы, местные и иностранные и т.д. Кроме того, частные лица – грузины и абхазы – которые сейчас нелегально перевозят людей из того же Зугдиди через Абхазию до Сочи, делают на этом деньги и вряд ли захотят смириться с таким ходом событий. И даже один случай нападения или ограбления (а криминалам ничего не стоит это организовать) поставит весь проект под угрозу срыва. Для того, чтобы делать такого проекты, надо очень серьезно готовиться.

Второй момент – это конкуренция. Захотят ли те, кто отправляет автобусы из Сенаки, Зугдиди или Поти в Москву или Петербург, поменять маршрут и переправлять пассажиров и грузы через Абхазию, а не через Казбеги? Будет ли им это выгодно? Все это надо подсчитать.

Давид говорил об информационном вакууме. Действительно, часть грузинских политиков и грузинского общества недостаточно информирована о том, что связано с Абхазией. В силу финансовых затруднений пресса не всем доступна, к тому же газеты издаются тиражом 8-10-12 тысяч и доходят, конечно, не до всех. Некоторые политики просто не читают и не анализируют прессу (у них есть дела поинтересней), но считают, что прекрасно разбираются в абхазской тематике.

Что касается телевидения, в силу разных причин ни один телеканал в Грузии, даже негосударственный «Рустави-2», самый сильный в финансовом смысле, не дает полной информации об Абхазии. Информация у них эпизодическая, поверхностная, связанная, в основном, с какими-то чрезвычайными событиями, конфликтами и т.д. А что еще происходит в Абхазии, какие процессы идут в тех же грузино-абхазских отношениях – это освещается очень мало, а аналитических материалов еще меньше. Гораздо больше таких материалов

на радио, но радио не всем доступно. И поэтому часть грузинского общества и часть политиков, действительно, испытывают недостаток информации. Хотя те, кто всерьез занимаются этим вопросом, могут почерпнуть информацию из газет, которые освещают события довольно широко и разносторонне. Я знаю, что мало информации и у определенной части абхазского общества, у жителей Сухуми, Гагра, Очамчире и т.д. Хотя желающие все-таки могут ее раздобыть.

Вы здесь говорили, что можно организовать телемосты. Конечно, это было бы прекрасно, но телемосты на первых порах могут быть использованы для пропаганды. Более того, они обязательно будут носить пропагандистский характер. В чем же выход? Я неоднократно предлагал грузинским структурам, занятым в сфере информации (в том числе и негосударственным телеканалам, но к сожалению, это не нашло реализации), создать на грузинских телеканалах специализированные, если не ежедневные, то еженедельные передачи, где будут не просто интервью, а информационные и аналитические материалы. Можно использовать информацию, полученную из Абхазии – допустим, освещать, какую информацию по одной и той же теме распространяет агентство Апсны-пресс и грузинские агентства, что печатают абхазские газеты, а что грузинские. Надо, чтобы был спектр мнений, чтобы люди могли разобраться, а не довольствоваться одной стороной информации. Я уже не говорю о каком-то анализе архивных материалов. Этого нет. Ко мне несколько раз обращались представители парламента, работники телеканалов с предложением делать такие передачи. Я набросал проект – естественно, чтобы готовить такие передачи, нужно привлечь немалое количество людей, техники, средств, на голом энтузиазме никто это делать не будет. Но дальше проекта дело не пошло.

Есть и другие варианты, о которых я не раз говорил – сделать так, чтобы абхазское телевидение, которое вещает из Сухуми (его принимают в ряде районов Западной Грузии), могли бы смотреть и в других регионах Грузии, а грузинские телеканалы (и официальные, и независимые) транслировались бы на территории Абхазии. Для этого не обязательно строить какие-то уникальные сооружения, можно поставить соответствующие антенны, но этого никто не делает. Это в какой-то степени снимет информационный вакуум и, может быть,

сыграет определенную позитивную роль во время каких-то негативных явлений.

И последний вопрос, о школах – очень сложный вопрос. Здесь говорили, что любая община в Абхазии должна иметь право обучаться на родном языке, но все дело упирается в учебники. Абхазская сторона объясняет, что нынешние учебники не соответствуют абхазским программам. Жители Гальского района оказались духовными заложниками этой ситуации. Здесь говорили и о том, что если грузинские дети будут обучаться в Гали на родном языке, то им, чтобы продолжить обучение в вузах, придется ехать в Тбилиси, Кутаиси и т.д. А почему бы не открыть для них в Сухуми, в Абхазском университете грузинский сектор (есть же там есть армянский сектор), если вы считаете их своими согражданами? Я думаю, что это требует серьезного анализа. А пока этим людям можно только посочувствовать. Я знаю, что часть абхазских политиков тоже склонна дать жителям Гальского района возможность обучаться на грузинском языке, но тут много разных моментов, не только политических. Спасибо.

Абесалом Лепсая. У меня к Тенгизу вопрос по поводу транспорта. Я, в принципе, согласен с тем, что проблема безопасности существует. Хотя мне не кажется, что это нерешаемая проблема. Понятно, есть криминал, но я хотел бы уточнить, в чем, на ваш взгляд, конкретно заключается проблема? В нехватке личного состава, который мог бы заниматься охраной, в недостатке профессионализма, в технической необеспеченности полиции или во всем этом вместе? Желательно, чтобы вы развили эту мысль, чтобы было понятно, о чем потом думать, чтобы сделать проект возможным.

Тенгиз Пачкория. Я понял ваш вопрос. Частично вы сами ответили на него: понемножку и в том, и в другом, и в третьем, а возможно, еще и в отсутствии желания перехватить инициативу у тех, кто сейчас это контролирует.

Финансы можно изыскать, и профессионализм у работников абхазской милиции и грузинской полиции не настолько слабый, чтобы они не смогли справиться. Но думаю, что вопрос о безопасности центра нельзя вырывать из общего контекста проблемы незащищен-

ности населения. Получается, что милиция будет защищать только пассажиров, а, скажем, в Абхазии или Самегрело будет твориться бог знает что. Я говорю об общей криминогенной ситуации от Псоу до въезда в Аджарию.

Батал Кобахия. Он против проекта?

Тенгиз Пачкория. Я не против проекта, но сегодня, на мой взгляд, он несколько нереален. Для того, чтобы это решить, надо параллельно решать и другие задачи. И только потом он может быть осуществим.

Паата Закареишвили. Батал правильно сказал: волков бояться – в лес не ходить. Поезда же ходят в любом случае.

Абесалом Лепсая. Я задал вопрос Тенгизу, так как понимаю, что есть какие-то моменты, которые могут препятствовать осуществлению таких проектов, но идея Давида мне импонирует. Такие экономические проекты могут принести пользу. Кстати, по-моему, и в выступлении Тенгиза что-то похожее прозвучало – что абхазские представители могут быть как-то задействованы в таких проектах, как ТРАСЕКА и т.д. То есть эта какая-то одна линия размышления.

Другое дело (и мы говорили об этом с Давидом в кулуарах), что для развития экономических отношений действительно требуется, чтобы был достаточно развит частный сектор. Тут встает вопрос о приватизации. Какие здесь есть возможности? Во-первых, такие проекты могут финансироваться международными фондами, международными организациями, и можно попытаться совместно найти доступ к этим международным фондам. Давид говорил о Всемирном Банке, но есть и специальные организации по развитию, это не благотворительные, не гуманитарные организации, они действительно могут финансировать крупномасштабные экономические проекты. Они сегодня в Абхазии не работают, они работают только в признанных странах. У них есть даже специальный индекс государств. Европейская комиссия распределяет средства этих организаций, и затем они уже работают в каких-то государствах. Но если это будет совме-

стный грузинско-абхазский экономический проект, тогда к этим организациям можно найти доступ и попробовать (думаю, это реально) получить финансирование. Возможно, абхазскую сторону заинтересует и то, что если в целом эта экономическая составляющая будет задействована, то в перспективе это может, способствовать привлечению и задействованию нашей диаспоры, поскольку откроется грузооборот, коммуникации станут более открытыми. Я думаю, это хорошая идея, и воплотить ее не так уж сложно. Даже проблема безопасности, в конце концов, какой бы сложной она ни была, разрешима. При существующей криминогенной обстановке все равно существуют какие-то контакты, какие-то экономические отношения, какая-то экономическая деятельность. А если такие проекты заработают, это улучшит и криминогенную обстановку.

Арда Инал-Ипа. Я хочу поблагодарить Давида. Как всегда, его выступление заставляет думать, в нем много интересных предложений.

Я не экономист и не юрист, а чтобы оценить ваше предложение, мне кажется, нужны специальные знания. Но моя стихийная реакция такова: установление таких взаимоотношений, когда Грузия могла бы иметь определенные права, оговоренные двумя сторонами в протоколе о сотрудничестве, я считаю возможным только после признания Абхазии. Но такие взаимоотношения в промежуточном периоде вызывают у меня опасения. Предлагая этот проект, вы говорите, что еще неизвестно, каким будет политическое решение, и среди разных вариантов называете и независимое абхазское государство, но мне все-таки кажется, что в данном контексте это звучит как чистая риторика, потому что, на мой взгляд, осуществление вашего плана может привести только к объединенному государству.

Надо помнить о том, что Абхазия просто не выдержит конкуренции, если Грузия будет иметь преимущественное право способствовать экономическому развитию Абхазии. Население современной Абхазии сравнимо с численностью беженцев, которые хотят вернуться, о соотношении с населением Грузии и говорить не приходится. Как бы вы не критиковали ситуацию в Грузии, но там все-таки развиты частный сектор и бизнес. Поэтому, если какие-то права Абхазии будут дозироваться грузинской стороной – допустим, в каких-то

странах паспорт будет действовать, в каких-то нет – это просто потихоньку приведет к тому, что не смогла быстро сделать война. Таким мне представляется естественный ход событий.

Я не вижу здесь гарантий для основного интереса абхазской стороны – выживания и сохранения собственной идентичности. Если бы всё это рассматривалось в комплексе с признанием Абхазии, но с какими-то оговорками, с какими-то гарантиями соблюдения прав населения (включая возвращающееся население), с какими-то особыми экономическими условиями для партнерских грузинских предприятий и т.д., то, по моему, это было бы интересно. Но в качестве промежуточной программы это, по-моему, только вернет нас к тем же проблемам, от которых мы ушли.

Батал Кобахия. Слава Богу, что спокойно сказали о том, о чем я был готов кричать и вопить. В самом деле, всё это интересно, любые модели интересны, и, в общем-то, я готов выслушивать любые модели, но иногда нервы не выдерживают. Некоторые модели бывают вроде очень простыми, ориентированными на всех, но на самом деле они преследуют другие цели. Вообще такие проекты надо изучать. Как я понял, не Давид писал этот проект – он обобщил его как политолог, а готовила группа экономистов и юристов, которые вроде бы достаточно хорошо владеют материалом. Поэтому нам тоже надо его проанализировать и изучить. Но как человек, живущий в определенном обществе, я понимаю, что думать сейчас о таких моделях очень сложно. С другой стороны, я не против, чтобы такие модели публиковались в газетах, правда, в более упрощенной форме, чтобы люди могли поразмышлять. Я помню, когда года три-четыре назад в рамках Координационной комиссии (Багапш тогда, по-моему, был премьер-министром) в Тбилиси писали о договоренности об экономическом сотрудничестве между Грузией и Абхазией – о совместном цементном заводе, ИнгурГЭС, о производстве вин, общество тогда восприняло это негативно, и это отразилось в нашей прессе (в «Нужной газете», даже в «Республике Абхазия»): что-де за гремучая смесь появится из абхазо-грузинских вин! Но эти проекты ничем не закончились, кроме ИнгурГЭС (она все-таки функционирует). Они продекларировали, что надо сделать, но никто не изучил, как это сделать.

Что касается абхазского языка, я хочу обратиться к Олегу Несторовичу – он, в отличие от меня, человек партийный и имеет свою платформу и позицию. Может, я не понимаю, что и как надо делать. Достаточно часто я задавал этот вопрос в очень большом кругу: насколько возможно, чтобы в Гале обучение велось на грузинском языке? Нас, разумеется (и я совершенно согласен в этом с Нателлой и другими), волнует не то, что дети там будут учиться на грузинском языке – в Абхазии никто не отрицает, что гальское население не абхазское, а грузинское, и разумеется, оно должно говорить на грузинском – нас волнует, чему они будут учиться. Потому что дело тут все-таки касается идеологии, а конфликт, в основном, базируется на идеологических противоречиях. Разумеется, для нас это очень важно. Но это хорошая отговорка для абхазов: нам нужно написать учебники, а мы сейчас не можем писать даже абхазские, на это нужно много времени.

Меня беспокоит другое. Пока мы найдем ресурсы, чтобы написать учебники, может пройти 10-15 лет. В течение этого времени целое поколение гальчан останется без всякого образования, превратится в маргиналов и станет опасным для абхазов. Мы должны осознать, что это опаснее для нас, чем для грузин. Что такое обеспокоенность грузин по сравнению с тем, что у нас в районе появится огромная группа людей, которые вообще не имеют никакого образования? И эти учебники, наверно, скорей необходимы нам, чем грузинам.

Другое дело, кто и как их будет писать. Я не историк и не могу это сделать. Наверное, должна быть какая-то группа, которая будет работать над созданием таких учебников. Речь, в общем-то, идет только об учебниках по гуманитарным дисциплинам, учебники математики не проблема. Об этом надо думать, тем более вам, Олег Несторович, а не откладывать на будущее и ждать, пока общество не осознает эту потребность. Я хочу сказать, что общество очень трудно осознает потребности, если они не выражены его лидерами – уж коли есть партии, движения, власть, значит, они уже взяли на себя право что-то решать за общество. Вот у вас есть право решать за общество. Как вы скажете, так и будет. Если вы скажете, что сегодня учебники не нужны – значит, они не нужны.

Нателла Акаба. Как хорошо валить все на Олега Несторовича. И это называется гражданское общество!

Арда Инал-Ипа. Что касается конкретного предложения по поводу транспортного концерна: мне кажется, да и вы говорили об этом, что в нем должна быть заинтересована Армения. Так, может, сделать не двусторонний, а многосторонний концерт? В качестве промежуточных этапов более реальными мне видятся многосторонние связи, после которых уже более позитивно могут сформироваться абхазо-грузинские – но в качестве промежуточного этапа (тут и психологический фактор) я все-таки вижу многосторонний процесс.

Зураб Чиаберашвили. У меня вопрос к Баталу. Допустим, грузин, закончивший грузинскую школу в Тбилиси, никогда больше не возвращался к грузинской истории, к своим учебникам по истории, а высшее образование получил в Москве, в Анкаре или в Вашингтоне – он что, не имеет права быть грузином и гражданином Грузии? Я, например, сейчас историей не интересуюсь, вообще не перечитываю историю Грузии. Я что, не имею права быть грузином? Это, хотим мы признать это или нет, излишняя привязанность к истории. Я абсолютно согласен с Гией Анчабадзе, когда он говорит, что опасения всегда происходят от слабости. Поэтому не надо быть слабыми, нужно освободиться от этого.

Батал Кобахия. Я не понимаю, вы мне задали вопрос или что-то хотели сказать? *(Шум в зале.)*

Абесалом Лепсая. Это действительно чувствительный вопрос. Для нас это понятно, но я все время ощущаю нестыковку в наших представлениях. Дело в том, что для нас и для грузин история имеет разную значимость. Я сам тоже спокойно к этому отношусь, но проблема существует. То есть для нас, абхазов, исторический аргумент – это до сих пор универсальный аргумент, в то время как для какой-то части грузин, исторический аргумент – это, видимо, не аргумент. В принципе, так и должно быть. Политические решения не вытекают из того, что кто-то докажет, был ли в истории какой-то факт или его

не было. Но сегодня, к сожалению, такая проблема существует, и игнорировать ее невозможно. Надо, видимо, менять сам подход к истории, и тогда этот вопрос будет решить легче. Но это уже идеологический момент.

Манана Гургулия. Средние школы – один из примеров, иллюстрирующих степень политизированности нашего общества. Я хочу привести такой пример: в начальных абхазских школах преподавание ведется на абхазском языке, в средней школе – на русском, параллельно с усиленным изучением абхазского. Может быть, это не очень хорошо, но такова реальность. Более того, в те же абхазские школы иногда идут дети, которые вообще не знают абхазского и начинают изучать его только в школе. В Гальском районе тоже может быть ситуация, при которой в русскую школу идет ребенок, который дома говорит по-мегрельски, а не по-грузински, а литературный грузинский язык начинает учить только в школе.

Далее, я не слышала, чтобы кто-то ставил вопрос о качестве образования в Гальском районе. А это очень важная и серьезная проблема. Там не хватает учителей, там не хватает просто школьных зданий, там не укомплектованы классы, но этих проблем никто не замечает. Стоит проблема, на каком языке будет вестись преподавание. Это серьезная проблема, и хорошо, что о ней говорят, но есть и другие проблемы. Поэтому здесь тоже возможны какие-то промежуточные варианты, как и в политическом урегулировании.

Для меня важнее всего качество образования. Если оно будет качественным, то проблема, на каком языке будет вестись обучение – двуязычная это будет школа или одноязычная – мне кажется, будет не столь принципиальной. Этот вопрос можно рассматривать с точки зрения качества образования и можно рассматривать с точки зрения политики. Я, безусловно, за то, чтобы в Гальском районе были грузинские школы, чтобы те, кто этого хочет, учились на грузинском. Но акцент должен быть смещен в сторону качества – чему учат и как учат.

Теперь, что касается учебников по истории или по географии. Мне кажется, здесь проблема не только в том, что в Гальском районе дети будут изучать историю и географию по учебникам, созданным в грузинских академических институтах. Дело в том, что в Абхазии

нет школьного учебника по истории Абхазии. Есть неплохая монография «История Абхазии», которая не воспринимается детьми как учебник. У абхазских историков не хватает времени, средств, не знаю еще чего.

Батал Кобахия. Нет ресурсов.

Манана Гургулия. Ну, хорошо, Батал, когда издается огромное количество книг, можно же на первом этапе хотя бы адаптировать имеющийся учебник под школьный. Издавать за счет диаспоры книги, которые никто, кроме авторов, не читает – это нормально? А адаптировать имеющийся – может, не идеальный – учебник, сократить его, сделать его учебным пособием и, кстати, перевести его на абхазский (он ведь не на абхазском) и на грузинский язык – это же возможно? Я не знаю, что мешает это сделать тем же историкам и тому же министерству образования. По-моему, министерство образования – достаточно инертная структура, еще не способная выработать какие-то принципиально новые методы и формы обучения.

Голос из зала. Учебников истории нет и на абхазском?

Манана Гургулия. Нет, есть учебник на русском. Это сборник интересных и содержательных статей. Но он сложный, порой не согласованный. К примеру, перечисляются древние абхазские племена, потом через три параграфа появляются гениохи, и не понятно, кто они и откуда. Я думаю, что адаптация этого пособия – наша проблема, которую нам никто не поможет решить, нельзя ждать и смотреть на фонд Сороса или еще на кого-то. Надо решать эти проблемы самим и даже делать это бесплатно, но заниматься этим должны профессионалы.

Батал Кобахия. ... На встречу в Сочи же мы не за свой счет приехали... Не надо заниматься риторикой. Перевести книгу очень сложно, и этот труд должен оплачиваться. *(Шум в зале.)*

Манана Гургулия. Это не риторика, Батал. Извините меня, но у нас есть государство, у которого есть какие-то средства.

Нагелла Акаба. Сейчас, например, одному языковеду поручили написать самоучитель, за который заплатят 300 рублей. Извини, Манана, это несерьезно.

Манана Гургулия. Тогда давайте ждать, когда на нас посыплются деньги. *(Шум в зале.)*

Лиана Кварчелия. Это правда, что средств у государства не так много, и сегодня наши ученые, историки и филологи работают в огородах и полях, чтобы прокормить свои семьи. Мне кажется, Манана не отрицает, что средств действительно мало и наши ученые вынуждены буквально сами себя кормить. Но бывает и так, что какие-то одиозные книги, вроде книги Марыхуба, издаются у нас на государственные деньги. Ведь эти средства можно было бы использовать для издания учебника истории. Так что тут, действительно, есть и объективные, и субъективные причины. *(Шум в зале.)*

Давид Бердзенишвили. Проблема школ – далеко не самая важная в моем выступлении. Наверное, я не должен был ее касаться, потому что перед этим я поднял другие вопросы, на которые жду ваших ответов, а о школах мы говорим уже давно. *(Шум в зале.)*

Миша Мирзиашвили. Тенгиз сказал, что надо делать на телевидении какие-то программы на тему Абхазии, о грузино-абхазских отношениях, об обеих сторонах. О формах можно спорить, это проблема вкуса – что лучше: делать телемост, дискуссию или специальную программу дважды в неделю. Главная проблема – чтобы такие совместные проекты не создавали каких-то психологических барьеров у населения. Это очень важно. Основной проблемой для меня в таких программах является то, что журналист ограничен рамками своего общества. Вы сказали, что ни одна независимая телекомпания в Тбилиси полностью не освещает ситуацию в Абхазии, а делает это только тогда, когда кто-то заявляет, что взорвет школу или действительно ее взрывает. Это естественно, журналисты не могут описывать повседневную жизнь Абхазии, они ее не знают. Важно делать такие программы, которые подготовят наши общества к диалогу.

Нодар Сарджвеладзе. Хочу присоединиться к вам и поблагодарить Давида за интересное предложение. Я не разделяю скепсис Арды по поводу того, что осуществление такого проекта без признания Абхазии снова приведет к совместному государству. Я думаю, что на этом этапе стороны потеряли способность сотрудничать на разных уровнях, т.е. способность сосуществовать, конструктивно сотрудничать. Этот проект создаст прецедент, он не то чтобы привязывает стороны друг к другу, а выводит их на уровень конструктивного сотрудничества – это очень важный потенциал этого проекта, потенциал в плане сотрудничества и в плане налаживания мостов, но уже не доверия, а реального экономического взаимодействия.

Тут встал вопрос о безопасности. У сторон нет адекватных совместных проектов по обеспечению безопасности. Значит, если будет общий проект по перевозке грузов и т.д., а стороны своими силами будут заниматься обеспечением безопасности пассажиров и грузов и каждая будет защищать общий интерес, они приобретут позитивный опыт. Это очень важно. Именно такой опыт и приведет, в моем понимании, к конструктивному решению проблемы статуса. Отсутствие общих интересов, разобщенность приводит к тому, что каждая сторона видит все только со своей позиции. У грузин и абхазов, которые будут вовлечены в этот проект, выработается общее ментальное поле, общее поле решения каких-то проблем, в том числе проблем, связанных со статусом. И тогда они придут к наиболее конструктивному решению. Конечно же, самым конструктивным будет то решение, которое связано с независимостью Абхазии. Я уверен, что это возможно только через сотрудничество.

Поэтому такие проекты, которые вроде бы начинаются с транспорта – это больше, чем транспорт. Охрана этого транспорта – это нечто большее, это опыт охраны, опыт безопасности. И если этими вопросами будут заниматься государственные структуры, они тем самым, фактически, выбьют почву из-под ног криминальных структур, которые уже наладили деловые связи и показали, что такие связи могут существовать, что можно заниматься общим бизнесом, то есть показали возможный вариант. Криминалы будут и впредь налаживать эти связи, у них это прекрасно получается, и чем эффективней они будут продолжать, тем хуже для нас, грузин и абхазов. Но

нельзя же решить вопрос статуса на криминальном уровне. Если же этим займутся государственные структуры, легальные частные фирмы, концерны, появится возможность легальных экономических связей, легального сотрудничества. Появится больше шансов перейти к решению проблемы статуса, конструктивного диалога между сторонами. Поэтому мы должны уделять таким проектам серьезное внимание, от их реализации зависит не только развитие экономики, но и потенциал сотрудничества, потенциал взаимопонимания, потенциал приближения к консенсусу, именно к тем проблемам, которые связаны со статусом.

Арда Инал-Ипа. Я с вами совершенно согласна. Единственное, о чем я говорила, это о гарантиях. Если начальником транспортного отдела, допустим, будет Батал (*смеется*), то все будет хорошо, но вот...

Нодар Сарджвеладзе. Вы понимаете, вначале будут гарантии обеспечения безопасности – например, гарантии того, что такой-то автобус обязательно достигнет пункта назначения, потом другие, более весомые гарантии, и это превратится в общение между сторонами. Момент безопасности станет основой взаимоотношений. Сразу все не начинается. Такие проекты, по моему, приведут в будущем к более глобальным изменениям, чем небольшой рост экономики или прибыли сторон. (*Шум в зале.*)

Нателла Акаба. Я хотела бы еще раз поблагодарить Давида, его доклад показался мне очень интересным. Но мне кажется, что то, что предлагает Давид, не ново. По-моему, то, чем занимается Координационный Совет, тоже как-то с этим связано. Манана говорила, что были великолепные проекты, сулившие много всяких выгод, но почему-то они не были реализованы. Может быть, нам стоило бы проанализировать, что этому мешает, почему это не работает? Наверное, только тогда мы сможем эффективнее способствовать осуществлению того, что предлагает Давид. Может быть, стоит, чтобы на следующей встрече кто-то попытался проанализировать деятельность рабочих групп Координационного Совета, которые действительно прорабатывали все это, и помог бы нам понять, почему ничего не вышло.

И еще такой момент: мне кажется, что грузинские участники все-таки еще не совсем понимают, что Абхазия действительно чувствует себя очень уязвимой. Понимаете, это не должно вас удивлять. У нас действительно есть опасения, и мы действительно чувствуем себя уязвимыми. Поэтому не нужно каждый раз говорить: вы не слабые, не надо бояться. Опасения Арды реальны, хотя они могут частично развеяться хотя бы потому, что Давид говорит об «открытии» Абхазии. Я так понимаю, что имеется в виду «открыть» Абхазию не только для Грузии, а вообще для всего мира. Всё это, наверное, будет сбалансировано – активные экономические проекты Абхазии с Грузией будут сбалансированы такими же экономическими проектами Абхазии с любой другой страной.

Олег Дамения. Я поймал себя на одной мысли: мы, правда, очень переживаем, что находимся в блокаде, но, похоже, мы к ней стали так привыкать, что нам трудно представить себе жизнь без нее. Нателла немного опередила меня, когда сказала, что мы должны быть открытыми не только для Грузии, но и для всего мира. При этом нам придется искать и находить механизмы, обеспечивающие нам сохранение нашей социо-культурной идентичности, и учиться пользоваться ими. В этом смысле блокада нас не спасает, не приближает к нашей цели.

Теперь к тому, что правильно говорили и Арда, и Давид. Промежуточные модели, конечно, надо конструировать, но конечные цели, конечные модели, к которым эти промежуточные должны привести, тоже где-то должны маячить. Моделировать наобум не имеет смысла. Значит, мы должны предварительно знать, куда мы идем, в каком направлении. Но эти цели или модели не должны быть жесткими – мы не должны жестко привязывать себя – скажем, Абхазия к абхазской независимости, Грузия к территориальной целостности, и т.д. То есть эти модели должны быть гибкими, должны помогать нам решать текущие задачи, острые проблемы. Спасибо.

Лиана Кварчелия. Проекты, принятые в рамках Координационного совета, застопорились, как мне кажется, по разным причинам. Одна из причин, по-моему – это то, что возможности экономического сотрудничества рассматривались в Координационном совете безальтернативно, т.е. предполагалось сотрудничество только с Грузией. Это,

если мне не изменяет память, происходило вскоре после приезда под эгидой ООН Миссии по оценке ситуации, которая расписала целый доклад о возможностях восстановления экономики Абхазии. Но впоследствии был выдвинут ряд политических условий: при закрытой границе на Псоу, в условиях блокады, экономическое развитие Абхазии связывалось только с сотрудничеством с Грузией. Из этого ничего не вышло. Мне импонирует, что в своем докладе Давид отходит от этой безальтернативности и говорит о том, чтобы Абхазия была более или менее открыта для мира.

В то же время я разделяю опасения Арды: к чему в итоге это приведет Абхазию? Кроме того, любые проекты, на мой взгляд, должны диктоваться экономической целесообразностью. Я не считаю, что построение доверия мы должны начать с экономического сотрудничества. Это не работает. Когда мы с вами встречались еще пять лет назад, кое-кто строил воздушные замки, а потом оказалось, что многие идеи были нереалистичны – в них не был заложен взаимный интерес. А вот поиск без вести пропавших представлял взаимный интерес. Не буду сейчас снова приводить в пример ИнгурГЭС. Я не экономист, плохо разбираюсь в этих делах, да и на слух трудно все понять правильно. Наверняка из того, что вы перечислили, многое действительно мотивировано экономической целесообразностью, но кое-что в Абхазии воспримут как попытку вернуть ее в свое пространство. Поэтому если главным принципом будет экономическая целесообразность, а не «давайте, будем опять дружить», построение доверия произойдет быстрее.

Давид Бердзенишвили. Я говорил о побочном эффекте...

Лиана Кварчелия. Может, я вас не поняла, тогда прошу прощения. В любом случае эти предложения надо внимательно изучить и проанализировать.

Давид Бердзенишвили. Может, даже поручить кому-то из нас, я лично не смог бы этим заниматься.

Пола Гарб. Тут возникает вопрос, о котором я хотела говорить в связи с промежуточными вариантами. Опыт израильско-палестинского

конфликта показывает, что все промежуточные варианты, разработанные в Осло, тоже были построены так, чтобы самые тяжелые вопросы решать под конец. И чем ближе они подходили к концу, тем больше те, кто были против решения, начинали бороться против такого конца... То есть я к тому, что надо, действительно, иметь конечные цели. Конечно, самые тяжелые вопросы оставляют напоследок. Но поскольку мы еще где-то в начале этого процесса, хорошо было бы иметь в виду горький опыт других случаев.

И еще один момент, который был очень важен для них и привел к срыву. Там или заложено было, или на практике так получилось, что эти промежуточные варианты не предусматривали одинаковых выгод – выгоды были асимметричные. Что-то делалось не вовремя, и палестинцам эти условия были не так выгодны, как Израилю. И чем дальше, тем больше это становилось ясно, но никто ничего не сделал, и в результате это привело к срыву. Это я упрощенно говорю об очень сложных явлениях.

Тенгиз Пачкория. Речь шла об экономической выгоде?

Пола Гарб. И об экономической, и о социальной, и т.д. Я могу дать вам статью на английском языке, где этот процесс описан более подробно. Мы должны все это иметь в виду.

Не буду сейчас вас утомлять, но я хотела бы, чтобы говоря об экономических взаимоотношениях, мы подумали о симметричности таких выгод и о том, как строить отношения по этой сегодняшней модели на основе хотя бы каких-то представлений о конечном результате.

И еще один момент, который очень важен для нашего процесса. Есть такое мнение (я, по-моему, говорила об этом в Тбилиси в декабре), что гражданская дипломатия то есть, фактически, неформальные диалоги привели к соглашению в Осло, а потом эти неформальные силы отошли в сторону, сами передали этот процесс официальным структурам – вроде бы всё шло хорошо и острой необходимости народного участия уже не было...

Батал Кобахия. У нас уже начинается то же самое ...

Пола Гарб. Не начинается, а все время так было. Я говорю, что если когда-нибудь будут какие-нибудь такие промежуточные соглашения, то надо вспомнить о том, что такой опыт есть. *(Шум в зале.)*

Батал Кобахия. А сейчас Координационная комиссия делает все возможное, чтобы отстранить нас от этого процесса. *(Шум в зале.)*

Тенгиз Пачкория. У меня реплика в ответ на реплику Миши и в связи с недооценкой роли телевидения. Действительно, из-за ряда причин грузинские журналисты редко бывают в Абхазии, а абхазские редко бывают в Тбилиси. Но даже в этих условиях грузинские телеканалы могут шире и разнообразнее освещать то, что происходит в Абхазии, или то, что связано с Абхазией, а абхазское телевидение может шире и разнообразнее освещать то, что происходит у нас. И ссылаться на то, что мы не бываем друг у друга – абсурд. Всё.

Давид Бердзенишвили. Буду отвечать коротко. Какая у нас конечная цель? Думаю, быть в одном общем пространстве, которое является частью более широкого. А будет ли это общее государство или отдельное абхазское государство – скажу прямо и честно, в первую очередь это зависит от абхазов, от того, насколько вы станете конкурентоспособными в экономической сфере. То, что я вам предлагаю, этот концерт и все другие подходы, основаны на принципе 50/50. И прибыль тоже будет делиться поровну, несмотря на то, что грузинская сторона должна вложить больше, чем абхазская.

Я помню, в 1998 г., между первой и второй войной в Чечне, мне пришлось участвовать в каком-то большом демократическом правозащитном бомонде в Варшаве. Там был Сергей Адамович Ковалев, к которому Масхадов, Удугов и другие обращались не совсем корректно. И он сказал им, что создание или несоздание чеченской государственности находится в их руках. Тогда еще не было второй войны. Чеченцы оказались неспособными использовать те три или четыре года мира для создания нормальной государственности. Так что это, в первую очередь, зависит от вас.

Я не против того, чтобы вы сложились как современная нация. Может быть, мы даже способствовали бы вам в этом (я не имею

права и желания говорить от имени большинства грузин, но имею в виду тех грузин, мнение которых мне небезразлично). Эта проблема стоит и перед нами, и, естественно, я надеюсь, что вы поймете меня правильно и не будете обижаться. Выбирать надо вам, у вас свои возможности. Сможет ли Абхазия финансировать программы по здравоохранению, по образованию, по безопасности и т.д., в первую очередь зависит от трудоспособности абхазов. Это зависит от ответа на вызов: является ли независимость для абхазов действительно ценностью?

Если этого не будет, мы придем к какому-то общему государству, где значительная часть этих программ будет финансироваться общим руководством, властями общего государства. Я внимательно наблюдаю израильский опыт, но там все же другая ситуация. Не будем забывать, что есть и другой опыт – боснийский. Боснийские сербы, босняки, хорваты после войны как-то очень постарались, и там пока положительные результаты. Не без помощи западных структур, но это пространство пока выстояло... Да, конечно, там стоят войска, но там пока нет войны, а это уже не та ситуация.

Огромное вам спасибо. Я кстати, вчера в разговоре с Гией и Абесаломом нашел вдруг свою мотивацию – почему я встречаюсь с абхазами. У меня не было никакого аргумента, и вдруг я понял, что если осуществляются промежуточные модели, я смогу спокойно жить в Сухуми, а с моей зарплатой жить в Сухуми гораздо более выгодно экономически, чем в Тбилиси.

Абесалом Лепсая

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

К чему обязывает положение, так это к переходу от прямолинейной политики к политике рафинированной, от стратегии прямых требований к стратегии многообразных действий и долгосрочных разработок.

Абхазия, как и другие непризнанные государственные образования, может представляться мировой политике своего рода «заводным апельсином» в системе международного правопорядка. По отношению к Абхазии такого рода представление не совсем справедливо, но политический стиль ее лидеров (по крайней мере, до недавнего времени) зачастую можно было характеризовать как *tolchok v litso*. Во всяком случае, так это выглядит с точки зрения становящегося все более консервативным международного политико-экономического истеблишмента, порицающего несговорчивость абхазов. Правда, и поведение международного сообщества, настойчиво требующего от абхазов восстановления территориальной целостности Грузии, тоже может расцениваться, но теперь уже абхазами, как своего рода *tolchok v litso*.

Выход из этой ситуации состоит, как сказано выше, в переходе к более рафинированной, многозначной политике. И нижеследующие размышления, по мысли их автора, могли бы помочь становлению именно такой политики.

Я постараюсь быть кратким и очень коротко изложу мое собственное представление о том, что можно делать с какими-то решениями, как можно продвигаться. В данном случае я фокусируюсь не на каких-то развернутых моделях. Мое выступление будет строиться не столько как предложение, сколько как размышление, к которому я вас тоже приглашаю, потому что на некоторые вопросы у меня самого нет ответов, хотя есть достаточно четкое представление относительно определенного механизма.

Обсуждение многого из того, о чем я говорил в прошлый раз (о промежуточных моделях, о необходимости открытия коммуникаций, о паспортах и т.д.), можно было бы продолжить и сейчас. Сегодня Давид говорил о некоторых экономических проектах, которые можно запус-

тить до окончательного урегулирования. Первоначально я тоже думал идти по пути разработки новых предложений для промежуточной модели. Но за полгода, прошедшие после нашей предыдущей, мартовской встречи, мой интерес постепенно сосредоточился фактически вокруг одной проблемы – все как бы сфокусировалось в одной точке напряжения, которую можно назвать точкой ввода этих предложений в действие. Потому что, как показывает весьма продуктивный опыт наших встреч, оказалось, что мы можем генерировать какие-то идеи, можем выдвигать достаточно конкретные предложения (думаю, сегодняшний доклад Давида является тому подтверждением), но мы все время сталкиваемся с ситуацией, задающий нам вопрос – как начать? Потому что нет механизма, который позволил бы ввести нас и наши сообщества в процесс практической реализации конструктивных предложений.

Происходит это, конечно, по целому ряду причин. Есть вопросы, решение которых от нас не зависит, и их очень много. Те решения, которые должны приниматься, касаются, как правило, всего нашего сообщества. Они касаются гражданского общества, затрагивают политический уровень, целый ряд идеологических представлений и т.д. И надо постараться изменить такую ситуацию, когда кто-то предлагает проект, а потом кто-то его принимает или отвергает. Надо найти механизм, включающий всех наиболее влиятельных и заинтересованных игроков и актеров в обоих обществах.

На прошлой встрече я высказал мысль о создании постоянно действующей конференции с различными подразделениями и рабочими группами, которые работали бы над самым разнообразным комплексом вопросов, но предварительно мне хотелось бы сконцентрироваться на двух общих аспектах. Если мы их как то продумаем, нам будет легче войти в этот процесс в политическом и идеологическом плане.

Первый аспект больше касается Абхазии, но относится и к Грузии. Дело в том, что и в нашем обществе, и в грузинском доминирует представление о так называемом абсолютном внутреннем суверенитете. Есть такое представление, что у нас, абхазов, уже есть независимость – т.е. независимость, как нечто уже состоявшееся, в некой окончательной форме, у грузин тоже как бы есть государство. То, что доминирует это концепция абсолютного внутреннего суверенитета, когда недооцениваются конкретные механизмы, реализация конкретных

проектов, предполагающих включение совершенно формальных институтов, по-моему, очень тормозит миротворческий процесс. Например, на прошлой конференции, когда говорилось о том, что нужно легитимировать те вооруженные силы, которые есть сейчас у абхазов (речь шла о легитимации международного характера), прозвучал вопрос: а зачем, они же у нас и так есть? Здесь налицо, мягко говоря, недооценка формальных институтов и формальных механизмов, которые надо задействовать. Потому что, если, допустим, узаконить те же военные структуры, они уже превратятся в цивилизованный институт и можно будет посылать людей куда-то на учебу, выводить во внешний мир, приглашать кого-то, кто будет этим заниматься. Т.е. это будет формализованный механизм. Для этого нужно понимать, что того, что просто существует, недостаточно, этого мало – надо переходить на формализованные отношения. Это прежде всего относится к Абхазии. Мы думаем, что мы что-то сделали, что у нас это уже есть, и в результате пренебрегаем формальными механизмами, а это ключевая вещь.

Второй аспект, о котором я хотел бы сказать, здесь уже затрагивался: есть определенный вызов в заявлениях грузинской стороны (это и Давид говорил), что Грузия готова быть лояльной по отношению к абхазским требованиям по целому ряду вопросов, если Абхазия не будет однозначно заиклена на чисто пророссийских позициях. И это действительно вызов. Я считаю, что это было бы полезно как для Грузии, так и для нас, хотя, может быть, мы еще не совсем четко это осознаем. Т. е. нам надо занять какую-то сбалансированную позицию, быть более открытыми (естественно, зная, в чем заключаются наши интересы). Я не говорю, что мы должны резко поменять ориентацию, но корректировку сделать нужно, потому что, как на внутреннем фронте доминирует концепция абсолютного внутреннего суверенитета (мы провозгласили независимость, и этого достаточно), так и во внешних отношениях доминирует концепция однозначной ориентации, и любая открытость в какую-либо другую сторону тормозится. А так, мне кажется, наша конференция показала, как плодотворно то, что мы можем во многом понимать друг друга. Это всё, что касается общих представлений.

Теперь относительно того, как войти в процесс практической реализации наиболее приемлемых форм взаимоотношений, что мож-

но для этого сделать. Когда Пола говорила об израильско-палестинском конфликте (правда, я не знаю, как там все конкретно происходило), она отметила, что гражданское общество подошло к каким-то решениям, но потом, грубо говоря, политики все испортили. В нашем случае тоже может сложиться такая ситуация. Правда, мы еще не дошли до такого уровня, нам еще далеко до этого. Но если мы хотим выйти на достаточно прочные решения, надо, чтобы при принятии этих решений был достигнут консенсус всех сторон: властей, которые принимает решения и которые могут потом завалить эти решения или просто от них отказаться, и обществ, которых эти решения касаются, всего общественного спектра. И как мне представляется, сейчас уже есть какое-то определенное поле – это и наши встречи, и процесс, который финансируется Бергхофским центром, т.н. Шлайнингский процесс. Это интеллектуальные форумы, на которых прорабатываются какие-то модели, какие-то идеи, и в этом смысле они очень плодотворны. Но если не перейти некую грань между чисто интеллектуальным форумом и определенным механизмом принятия решений или влияния на решения, будет очень сложно претворять в жизнь даже самые лучшие идеи. В то же время на правительственном уровне существует Координационный совет. Этот совет в общем-то малоэффективен, но как инструмент все-таки существует. В его рамках проводились конференции по построению мер доверия и т.д. Эти встречи можно оценивать по разному. Чаще всего они тоже оцениваются как малоэффективные. Там что-то принимается, но потом, даже казалось бы, самые невинные вопросы – и те не решаются. Правда, сейчас работа Координационного совета приостановлена, но, наверно, не навсегда.

На предыдущей встрече мы говорили о возможности создания в рамках нашей конференции специальной рабочей группы. Это была хорошая идея, но она не в состоянии изменить ситуацию в принципе, потому что, если даже рабочие группы будут предлагать какие-то решения, со стороны властей может последовать реакция отторжения просто по принципу: почему это делаем не мы? В свою очередь, общественность с большим подозрением относится к решениям, предлагаемым властями: нас продают и пр. Все это большая проблема для Абхазии. Возможно, в Грузии эта проблема стоит не так остро. Вот мы с Давидом

в кулуарах говорили по поводу его предложений относительно консорциума. Представляется, что в Грузии эта идея может быть принята достаточно свободно. Но в то же время предложение по поводу паспортов и признания этих паспортов зависит уже от политического решения, гражданское общество такие решения принимать не может. При этом по целому ряду других вопросов существует разнобой.

Поэтому следует подумать над тем, как создать такой механизм, который позволил бы совместить предложения таких интеллектуальных форумов, как наш, и те, над которыми могут работать или в перспективе могли бы работать официальные лица, и как сделать так, чтобы эти решения были прозрачными и понятными для всех. Чтобы потом не было такого, что кто-то, допустим, принимает решение, а на него с одной или с другой стороны навешивают ярлыки. Это очень сложная проблема. Но я глубоко убежден, что если не будет какого-то комбинированного механизма, своего рода игольного ушка, через которое должен пройти миротворческий процесс, то какие бы значительные, самые чудесные решения не предлагались – все равно найдется преграда, на которую они натолкнутся. Я уже не первый раз говорю об этом (кажется, уже третий), хотя и не утверждаю, что высказываю абсолютную истину – потому я и хочу услышать вашу реакцию на все сказанное.

У меня были подготовлены и некоторые соображения именно по промежуточным моделям, но как раз из-за отсутствия механизма, позволяющего проталкивать рациональные предложения, не было внутренней мотивации, чтобы выносить их на нашу встречу. Поэтому я решил, что лучше сфокусироваться именно на таких механизмах. Я повторяю, таким механизмом могла бы стать комбинированная, постоянно действующая рабочая конференция. Т.е., если мы сегодня имеем такие форумы, как наш, Шлайнингский процесс, если мы имеем Координационный совет и конференцию под эгидой Координационного совета, которая прошла в Пицунде, то можно продолжить пицундскую инициативу, оттолкнуться от нее как от прецедента, придать этой инициативе статус постоянно действующей конференции и сделать ее более открытой. По крайней мере, можно перейти на другой уровень, другой принцип работы этой конференции с тем, чтобы включить туда и представителей гражданского сектора, и представителей оппозиционных движений. Т.е. расширить ее фор-

мат. И, может быть, и это самое главное, дать возможность участникам самим определять вопросы повестки дня. Вместе с тем, необходима смычка между теми форумами, о которых шла речь выше, и постоянно действующей конференцией. Необходимо, чтобы участники этих встреч могли проходить, по принципу ротации, через весь этот круг. При этом все названные конференции сохраняют свой самостоятельный характер и статус.

Определенная логика проглядывается уже здесь, на этой конференции. Когда, например, Нателла в связи с предложением Давида сказала, что в Координационном Совете есть рабочая группа, которая занимается экономическими аспектами, и предложила устроить совместное обсуждение, то это было хорошо встречено.

Почему бы не пойти таким путем? Такие вещи уже складываются в определенную логическую схему. В рамках постоянно действующей конференции можно осуществить такую комбинированную схему, которая позволит всестороннее обсуждать вполне реализуемые решения с участием всех представителей, всех заинтересованных игроков и сторон. Хотя это и довольно сложно. Почему? Потому что существует политическое противоборство. Понятно, что власти не хотят или не заинтересованы в том, чтобы подключать представителей гражданского общества, оппозиции, просто видных деятелей к принятию решений в той или иной форме, хотя этот подход ошибочен и, в конечном итоге, невыгоден самим властям. В частности, противостояние между властями и оппозицией может приобрести непримиримый характер. Это очень сложные внутривластные коллизии. Как сделать так, чтобы даже при этих политических разногласиях найти некие общие принципы и подходы по грузино-абхазскому урегулированию?

На нашей предыдущей встрече у меня был более оптимистический настрой, но с тех пор прошло уже почти полгода, и оптимизма у меня поубавилось, поскольку раскол в обществе не уменьшается, а напротив, растет. Возможность сотрудничества на сегодняшний день представить себе крайне сложно. Мы можем, конечно, пойти и по другому пути. Т. е. ограничиться только предложениями, созданием рабочих групп, которые будут работать над проектами. Мы можем предлагать очень интересные и, на наш взгляд, достаточно реалистичные

варианты. Но когда дело дойдет до их реализации, мы всегда будем наталкиваться на отсутствие механизма, позволяющего это сделать.

Комбинированная конференция имеет еще и то преимущество, что она может облегчить какие-то шаги, на которые стороны, в принципе, могли бы пойти уже сейчас, но не знают, какой будет реакция. Предположим, если грузинская сторона захочет (я сейчас просто моделирую ситуацию) отменить экономические санкции (работают они или нет – не в том суть, я пытаюсь рассуждать о политической тактике и стратегии), в какой форме она даст знать об этом абхазской стороне? Как просчитать реакцию абхазской стороны – не сочтет ли она это своей победой? Грузия может захотеть отменить санкции, но при этом потребовать каких-то гарантий, что этот шаг не будет использован для пропаганды как однозначная победа противоположной стороны.

Во взаимоотношениях сторон есть множество нюансов, которые очень сложно предусмотреть, когда стороны разделены жесткими барьерами и не имеют возможности обсуждать их внутри налаженного процесса. А организованный процесс даст сторонам возможность договариваться об определенных правилах игры – скажем, если мы сделаем такой-то шаг, то вправе ли ожидать того-то и того-то, и как подавать какие-то шаги в своих сообществах, чтобы они не вызывали подозрений? Естественно, внутри постоянно действующей конференции можно обсуждать и массу других вопросов. Она позволит также соединить интеллектуальную проработку проблем с практическими политическими действиями не только вовне, но и в самой стране. Она позволит повысить уровень доверия, опять-таки, не только на внешнем, так и на внутреннем уровне. Вот всё, что я хотел сказать.

ДИСКУССИЯ

Арда Инал-Ипа. Я хотела бы уточнить: под какой эгидой, в рамках какой организации будет работать эта постоянно действующая конференция? Какие у нее будут полномочия? На ней будут обсуждаться эти вопросы, но что касается механизмов реализации, то что здесь прибавится – какие возможности?

Абесалом Лепся. Логично предположить, что конференция будет создана под эгидой Координационного совета. Да, здесь масса вопросов. Сам Координационный совет – это чисто официальная структура, не независимая и т.д. Но я предполагал, что начать с него все-таки можно. В конце концов, Координационный совет выполняет волю своих создателей, и если эта идея будет понята и будет достигнуто согласие, можно будет провести соответствующее мероприятие. Что касается полномочий – у этой конференции, скорее всего, не будет таких полномочий, чтобы ее решения могли иметь характер закона. Но если ей придать такие полномочия и огласить, что она для того и создается, чтобы ее предложения служили основой для принятия решений на политическом уровне, проблема принятия решений тоже облегчится. То есть она создается для того, чтобы стороны основывались на ее предложениях. Это, будет наверное, некий «прото-парламент» или что-то в этом роде.

Манана Гургулия. Есть ли механизм, который заставил бы власти участвовать в этой конференции или принимать за основу ее решения? Ведь сегодня политические решения и политический процесс зависят от многих стран и властей. Где гарантия, что добрая воля властей и предложения, принятые нами на этой постоянно действующей конференции, станут некой основой для принятия политических решений? Не легче ли им иметь каких-то удобных для них экспертов (а может, даже неудобных), которые будут прорабатывать эти решения? Ведь, собственно, так и происходит?

Абесалом Лепся. Может, так и происходит. Но не происходит ничего. *(Смех в зале.)* Об этом и речь. Мы тоже можем создать рабочие группы и что-то предлагать, но ничего не произойдет.

Манана Гургулия. Мне непонятно, что может изменить постоянно действующая конференция, если мы не проявим доброй воли объединиться и работать регулярно, а не фрагментарно в разных проектах.

Абесалом Лепся. Это позволит скоординировать весь процесс, если будет такая заинтересованность. Есть какие-то решения, которые

стороны могли бы принять, но не могут, потому не доверяют своему сообществу, своему противнику и т.д.

Просто эти вопросы – допустим, вопрос об отмене тех же экономических санкций, о создании экономических проектов и т.д. – будет легче подготовить, если будет такая схема. Почему не решаются многие вопросы, которые были предусмотрены программой Рабочей группы и Координационного совета? Ведь планировалось же запустить какие-то комбинаты и т.д. Потому что наталкиваются на неподготовленность сообщества. Они, может быть, и хотели бы, но не могут это сделать. Потому что эти решения готовит и принимает только один игрок в конфликте, и, естественно, все остальные не доверяют им и отвергают их. Нет такого механизма, который сделал бы эти решения приемлемыми и для сообществ.

Манана Гургулия. Можно еще одно уточнение? Что касается Координационного совета в рамках Женевского переговорного процесса, там действуют две стороны. Они ведут диалог по совершенно определенной тематике, они принимают совместные решения – пусть с большим трудом, но принимают – но потом эти решения не выполняются. Там ни одно решение не принимается односторонне. Причем круг участников, даже представителей властных структур, достаточно большой – включает самых разных людей, может быть, даже имеющих разные политические ориентиры.

Абесалом Лепсая. Но это официальный процесс. Когда я говорю «стороны», я имею в виду не просто Грузию и Абхазию. Я говорю, что должен быть представлен широкий общественный спектр. Когда я говорю «стороны», я рассматриваю и внутренние стороны в этом конфликте.

Зураб Чиаберашвили. Прежде всего, большое спасибо за доклад. В продолжение дискуссии: когда вы говорите о создании таких механизмов, какова ваша позиция по отношению к внешним игрокам? Как они будут включены в эти механизмы? В гражданской сфере, например, даже грантодатели соревнуются, чьи гранты лучше содействуют становлению гражданского общества, скажем, в Грузии. Тот же Координационный совет действует под эгидой одной организа-

ции, а наши встречи происходят под эгидой другой организации. Вот мы хотим координировать все усилия, но необходимо ли, чтобы те, под чьей эгидой идут параллельные процессы, тоже были готовы к координации своей работы?

Абесалом Лепся. Сложно сказать. Откровенно говоря, я над этим пока не думал. Может быть, они к этому действительно не готовы, потому что такая конкуренция, конечно, есть, я с вами согласен. Возможно, этого можно достичь. Грантодатели, скорее всего, будут те же самые, но может быть, такая структура сможет работать под эгидой ООН.

Арда Инал-Ипа. Ты предполагаешь, что это будут две постоянно действующие конференции?

Абесалом Лепся. Одна.

Арда Инал-Ипа. И она будет иметь какие-либо взаимоотношения с Советом? Конференция должна будет разрабатывать и анализировать предложения Совета и находить механизмы их реализации, или, может быть, наоборот – критиковать и доказывать, что и почему невозможно реализовать?

Абесалом Лепся. С Координационным советом? Нет, наоборот. Ты имеешь в виду Координационный совет?

Арда Инал-Ипа. Нет, я имею в виду эту конференцию. Мой первый вопрос: конференций будет две, или одна – общая?

А еще меня интересует: если конференция общая, то она как бы принимает решения, принятые Советом, для того, чтобы искать пути их реализации? Если она самостоятельная, тогда она может отвергнуть решение, принятое Советом, и заявить, что тот или иной проект не подходит. То есть, я хочу выяснить их взаимоотношения.

Абесалом Лепся. Координационный совет мне мыслится как организатор этого процесса. Но основной акцент будет сделан именно на структуре конференции. То есть наоборот – эта структура будет предлагать решения, а Координационный совет будет приводить их в действие.

Арда Инал-Ипа. То есть взаимоотношения такие – сначала конференция, а потом Координационный совет, который ищет механизмы выполнения ее решений. Но мне кажется фантастикой, чтобы Координационный совет как бы поставил над собой такую гражданскую структуру.

Абесалом Лепсая. Не Координационный совет ее над собой поставит – стороны должны прийти к такому решению. Мне так представляется.

Батал Кобахия. Стороны – в смысле грузинская и абхазская?

Абесалом Лепсая. Да.

Батал Кобахия. Но как они будут в этом участвовать, в каком контексте?

Абесалом Лепсая. Грузия и Абхазия соглашаются именно на такой процесс...

Батал Кобахия. Понятно. Грузия и Абхазия согласятся. Координационный совет – это госструктура. А согласие внутри обществ – грузинском и абхазском – там ведь тоже нужно согласие? Насколько гражданское общество, его представители, готовы на сотрудничество с Координационным советом? В этом не нужно согласие?

Абесалом Лепсая. Ты говоришь о грузинской стороне?

Батал Кобахия. Нет – с одной стороны, об абхазской, с другой стороны, о грузинской. У грузинской стороны, может быть, готовность и есть. Но...

Абесалом Лепсая. Естественно, нужно согласие всех. Силой никого не заставишь. Когда я говорю «стороны», то я не имею в виду власти сторон. Я имею в виду гражданское общество – и неправительственные организации, и оппозиционные движения.

Батал Кобахия. Видя то, что сейчас делает Координационный совет, я сомневаюсь...

Абесалом Лепся. Мне тоже трудно себе это представить.

Зураб Чиаберашвили. Меня вообще интересует: как формируется Координационный совет? Я знаю, что в нем с обеих сторон участвуют власти. Но как выдвигаются кандидатуры, которые там работают?

Паата Закареишвили. Больше всех об этом знает Манана. Она нам и подскажет.

Манана Гургулия. Этих людей выбирают сами власти. Обе стороны сами принимают решения, и при этом часто пытаются соблюдать паритет. Так, например, первую группу в Координационном совете с абхазской стороны представил депутат парламента Тамаз Кецба, а с грузинской – государственный министр Важа Лордкипанидзе. Потом решили, что поскольку с одной стороны уровень высокий, то и с другой его надо повысить. Но это, в общем-то, связано скорее с политическими интересами. Там нет какой-то жесткой процедуры, по которой выбирается кандидатура – все зависит от того, какая рабочая группа работает. Эти люди должны быть в какой-то степени компетентны и заниматься этими делами. Скажем, группу по безопасности часто представляют с абхазской стороны заместитель министра обороны, с грузинской – министр внутренних дел.

Зураб Чиаберашвили. Значит, четкой процедуры выдвижения там нет?

Манана Гургулия. Нет, ничего такого нет.

Нателла Акаба. Все зависит от властей, от высшего руководства.

Манана Гургулия. Только вот в последнее время была как бы негласная установка, что уровень должен быть приблизительно одинаковый.

Батал Кобахия. Все зависит от степени доверия к тем, кто принимает решения в данный период. Поэтому сперва был Тамаз Кецба, потом стал другой.

Манана Гургулия. Да, Цугба. А потом Анри Михайлович.

Зураб Чиаберашвили. А какова роль Малхаза Какабадзе?

Манана Гургулия. Малхаз Какабадзе обычно выступает с какой-то вступительной речью. Он не является членом какой-то группы. Там есть рабочие группы – группа по безопасности, то есть по невозобновлению боевых действий и безопасности, группа по социально-экономическим вопросам, группа по беженцам. У каждой группы есть свой ведущий, свой руководитель и с абхазской, и с грузинской стороны.

Батал Кобахия. Можно, я задам еще один вопрос? Я вот сижу и думаю. Очень интересный был доклад и очень сложный, и я пытался понять слово «стороны», потому что не всегда понятно до конца, кто имеется в виду. Разговор о постоянно действующей конференции напоминает мне разговоры о каком-то координационном совете. То есть я представляю себе тот Координационный совет, который сейчас реально существует и выполняет одни функции. Но уж коли разговор идет о некоем координационном совете, куда будут включены процессы, проходящие и на неформальном, и на полуофициальном, и на официальном уровне, то надеяться, что будет некий единый координационный совет, который будет координировать эти движения, чтобы прийти к каким-то положительным результатам, к каким-то моделям – это утопия. Может быть, это звучит немножко пессимистично. Но с другой стороны, последние четыре-пять лет я часто слышу, как все хотят в той или иной форме что-то объединить. Были даже попытки создать координационный совет неправительственных организаций с жесткой структурой и подчинением кому-то и чему-то. Не опасно ли это? Не может ли это как-то сузить и снизить наши возможности реагирования, с одной стороны, и влияния, с другой стороны? Все-таки независимость нашего языка, дум, мыслей...

Абесалом Лепсяя. Нет, я так не думаю.

Батал Кобахия. Боден тоже об этом мечтает. И председатель Координационной комиссии тоже мечтал об этом, но, пообщавшись как-то с людьми из гражданского сектора, передумал.

Абесалом Лепсяя. Я не говорил, что эти процессы будут объединены. Все сохранит свой самостоятельный характер. Просто эта вот конфе-

рениция, эта структура, может объединить участников остальных процессов – или, скажем, они могут проходить через рабочие группы этой конференции – с тем, чтобы была какая-то смычка. Вот мы что-то здесь говорим, предлагаем, а конференция нужна для того, чтобы наши предложения были понятны и другим. И как я сказал, это будет не под контролем Координационного совета, а наоборот – Координационный совет должен реализовывать предложения конференции. Но на это должно быть согласие Грузии и Абхазии. Это естественно.

Батал Кобахия. Может быть, я не совсем правильно понимаю. Это мне немножко напоминает структуру, которая была выработана странами СНГ еще в мае 1996 года, когда они учредили конференцию по беженцам и перемещенным лицам. Власти там работают как бы отдельно, неправительственный сектор – отдельно. Иногда они собираются вместе, формируются какие-то рабочие группы – скажем, по законодательству, по миграции и различным статусам мигрантов – и в эти рабочие группы иногда входят и те, и другие. Ты это имеешь в виду? Ты когда-нибудь изучал эту модель?

Абесалом Лепсяя. Не изучал, но, может быть, это и похоже.

Нодар Сарджвеладзе. Сегодня я хочу возвратиться к терминам Ледераха по поводу стратегического «кто». Утром Давид говорил о стратегическом «что». А Абесалом сегодня говорит о стратегическом «как».

Конференция – это как бы средство, чтобы объединить наши усилия с какими-то другими структурами, чтобы превратить генерированные идеи в реальность, чтобы претворить, имплементировать в жизнь то, что придумываем мы или другие группы. Во всяком случае, я так понял. Я думаю, насчет этого могут существовать разные идеи.

Я не совсем разделяю мнение Батала о том, что не совсем четко видно, как все это можно сделать через конференцию. Что я хочу сказать? Утром Нателла говорила о Координационном совете. Сейчас мы тоже говорим о Координационном совете. Может быть, я опережаю события, но ведь мы будем оценивать будущее нашего проекта, и я хотел бы, чтобы на будущей встрече на кого-нибудь была возложена задача дать нам полную информацию о том, что делает этот

Координационный совет. У меня, например, нет об этом четкого представления, я знаю об этом только из газет.

Нателла Акаба. Полной информации они нам не дадут.

Батал Кобахия. У них тоже нет четкого представления.

Нодар Сарджвеладзе. Я предлагаю, чтобы кто-то из нас занялся этим и сделал более или менее объемистый доклад о том, чем занимается Координационный совет. Можно собрать информацию и о Шляйнингском процессе, и о других каких-то процессах, можно сделать отдельные доклады по этим темам.

Батал Кобахия. Шляйнингский процесс закрыт.

Нодар Сарджвеладзе. Но есть же какая-то информация. Есть же там какие-то достижения, какие-то провалы, какая-то информация, какие-то документы.

Батал Кобахия. Только о том, кто туда поехал и где проходила встреча.

Нодар Сарджвеладзе. Я не думаю, что Шляйнингский процесс настолько закрыт.

Паата Закареишвили. Просто вся информация о нем конфиденциальна. Речь не идет о закрытости.

Нодар Сарджвеладзе. К чему я клоню? Вот, например, Абесалом сейчас говорит о том, чтобы создать конференцию. А чтобы быть подготовленным, я, например, должен знать, с кем я координируюсь, с кем я буду участвовать в этой конференции. Надо заранее иметь информацию. Координационный совет тоже должен иметь о нас информацию.

Нателла Акаба. Они имеют. *(Смех в зале.)*

Нодар Сарджвеладзе. Ну, допустим, имеют по этим книгам, а как еще? Тем лучше для дела, если у них есть информация о нас. На бу-

душей встрече было бы неплохо сделать какую-то информацию. Если кто-то возьмет на себя ответственность, соберет материалы Координационного совета, подытожит их и даст нам информацию – это было бы очень полезно.

Манана Гургулия. Не такая уж и сложная задача.

Манана Гургулия. Вы хотите, чтобы все это сделала я?

Нодар Сарджвеладзе. Нет. Доклад об АМКОРе, может сделать, скажем, Арда. Я тоже что-то сделаю. Мы должны знать о работе этих организаций.

Батал Кобахия. Я согласен с вами. Их надо добивать, потому что все, что они делают, они не доводят до конца или делают не так, как надо.

Нателла Акаба. А мы?

Нодар Сарджвеладзе. Не будем критиковать. Надо просто собрать информацию.

Пола Гарб. Это и есть цель нашего сегодняшнего проекта, он ведь носит и координационный характер.

Нателла Акаба. Я, может быть, в чем-то буду повторяться. Тут дважды говорили об Осло. Мне кажется, что мы не должны заблуждаться – тот процесс и этот очень сильно разнятся. Тот процесс был санкционирован властями, в нем участвовали отнюдь не только представители гражданского общества, но и средний официальный уровень, и потому это было как-то институционализировано. Мне кажется, что если бы наш процесс тоже был как-то легализован или, по крайней мере, власти смотрели бы на него благосклонно и видели бы в нем какую-то пользу для себя, то это было бы очень хорошо. И, может быть, надо думать именно о том, как этого добиться. Потому что иначе (наверное, мы потом поговорим об этом более детально) мы все

еще находимся на стадии интеллектуальной игры – можем предлагать тут любые блестящие комбинации, но все это останется только словами и будет разве что тешить наше тщеславие.

А как сделать так, чтобы власти реагировали? Это уже вопрос внутривластной ситуации в Грузии и в Абхазии – и там, и там власти сегодня просто не готовы прислушиваться к гражданскому обществу. Здесь можно вспомнить лекции Гальтунга в Грузии, когда он говорил, что на Кавказе очень прочно утвердился менталитет начальника, и гражданское общество может предлагать и решать, но власти этого не слышат и делают только то, что считают нужным. Я хотела бы вспомнить и Ледераха – мне кажется, мы позабыли, что он говорил, когда рисовал эти знаменитые пирамиды. Вот в этом-то как раз, наверное, и кроется разгадка, эти самые дрожжи, которые позволят нашему процессу перекинуться и на верхний, и на нижний уровень. Мы пытаемся это делать, но так и не приблизились к разгадке.¹

Арда Инал-Ипа. Сама по себе идея постоянно действующей конференции в тех или иных процессах уже существует (вот и Батал напомнил о миграционной программе), но все-таки в этом контексте она мне представляется новой идеей. И это несмотря на то, что мы и в прошлый раз говорили о постоянно действующей рабочей группе.

Но возникают новые вопросы – как заинтересовать власти в полезности такой конференции, чтобы результаты ее работы имели не только рекомендательный характер?

Наряду с вопросом, как найти механизм выполнения тех решений, которые вырабатываются на двухсторонних встречах, здесь возникает новый вопрос: как найти механизм, который будет воздействовать на Координационный совет?

Здесь можно идти двумя путями. Можно либо задействовать Организацию Объединенных Наций, если только она участвует в миротворческом процессе или других международных программах, либо действовать через наши парламенты. Если бы парламенты пришли к выводу, что было бы полезно включить эти экспертные группы с двух сторон (или общую экспертную группу) вот в такую исполнительную структуру, может быть, это тоже был бы путь. То есть либо через ООН, либо через парламент, так мне представляется.

Зураб Чиаберашвили. Я тоже хотел задать этот вопрос Абесалому, но потом понял, что это вопрос не только к нему, но и ко всем. По моему, идея очень амбициозная и очень хорошая. И, конечно, мы все будем рады, если будет такая постоянно действующая конференция, но мне все-таки кажется, что на данном этапе это нереально.

Единственное, что мы сейчас можем сделать – это выбрать из нашей группы и из других проектов представителей (естественно, и от абхазского общества, и от грузинского), чтобы они постоянно делали на Координационном совете доклады о том, что здесь обсуждалось, какие были идеи, что здесь говорилось. Когда мы говорим, что конференция должна вырабатывать решения, которые будет потом осуществлять Координационный совет, мы, в первую очередь, должны начать с того, чтобы повлиять на убеждения, на менталитет и соображения людей, которые занимаются Координационным советом.

Поэтому единственный путь для меня – это именно участие в работе Координационного совета. Мы здесь очень нуждаемся в присутствии представителей власти, потому что часто, обсуждая какую-то проблему, наобум говорим, что наши власти этого не примут. Такое часто слышно и с грузинской, и с абхазской стороны. Конечно, к нам их трудно затащить, но если Магомет не идет к горе, то гора идет к Магомету. Мы должны стать экспертами на Координационном совете, потому что, когда встанет вопрос о том, как общество будет реагировать на то или иное конкретное решение, кто-то должен сказать – вот это решение общество, в принципе, примет, а то – не примет. Надо начать с минимального – может, вначале по одному представителю с каждой стороны, абхазской и грузинской, а потом уже можно расширяться до конференции.

И главное – я очень благодарен Абесалому за идею – я как-то никогда не думал, что мы должны постараться выработать правовые легальные процедуры для того, чтобы в наших обществах возник вопрос: кто выбирается в Координационный совет?

И Арда абсолютно права, когда говорит, что в Координационном совете должны быть представлены люди, хорошо знающие мнение народа. Работа в КС должна придать и новый импульс работе, например, абхазского парламента. Чем больше у абхазского парламента будет полномочий для того, что вмешиваться в грузино-абхазские

отношения, тем больше возрастет его роль в абхазском обществе. От этого возрастет и интерес общества к выборам. Это будет иметь очень много побочных эффектов, правительство, в принципе, потому и контролирует сейчас этот процесс в КС.

Я абсолютно согласен с Ардой – мы должны стремиться к тому, чтобы были задействованы выборные органы, именно парламент.

Давид Бердзенишвили. Я снимаю свой вопрос и свой комментарий. В принципе, я согласен с тем, что сказали Арда и Зураб. Я считаю, что у парламента больше возможностей. Самый короткий путь, по крайней мере, в Тбилиси – через парламент.

Манана Гургулия. Мне представляется, что вопрос о КС в последнее время стоит не случайно. В рамках Шляйнинского процесса мы этот вопрос тоже поднимали и тоже говорили о возможности расширения его полномочий, о возможности расширения участников КС и т.д. На мой взгляд, это связано с тем, что сегодня это – единственный орган, то есть единственный формат, в котором вопросы, касающиеся грузино-абхазского урегулирования, обсуждаются на уровне властей.

Но там есть один нюанс. Переговорный процесс по вопросам политического урегулирования конфликта в какой-то момент затормозился, особенно с абхазской стороны. Это связано с референдумом, с принятием акта о независимости. С грузинской стороны процесс, возможно, тормозится из-за надежды на проект документов о разграничении полномочий, предложенный ООН. Грузинскую сторону устраивает и соответствующая процедура его рассмотрения. Но пока всего этого нет. Поэтому работает КС. И занимается он, как я говорила, тремя пакетами вопросов, которые не имеют прямой жесткой завязки на политическое урегулирование конфликта.

Вы говорите, что надо разработать какой-то правовой механизм выдвижения участников в КС. У меня тогда возникает вопрос: существует ли правовой механизм выдвижения участников переговорного процесса, завязанного на политическое урегулирование конфликта? Наверное, какой-то специальной процедуры тоже нет, потому что этим занимаются верхние эшелоны власти. Поскольку они сегодня

не занимаются напрямую вопросом политического урегулирования, то занимаются обсуждением других трех вопросов. Я не знаю, какой можно разработать правовой механизм, который будет принят властями и в соответствии с которым будут расширяться группы и включаться, предположим, представители гражданского общества.

Может быть, идея участия НПО или представителя НПО в КС интересна. Но я много раз в нем участвовала и в Тбилиси, и в Сухуми (правда, как журналист), и знаю, как он работает. Собственно, сперва там зачитывается очень общее вступительное слово специального представителя, затем, если ситуация более или менее стабильная, следуют приветствия государственного министра и премьер-министра, а если ситуация обострена – делается какое-нибудь заявление. После этого принимается документ, который разрабатывается, практически, на местах. Работает КС ровно один день. Затем обе стороны разбегаются, одна – в Сухум, другая – в Тбилиси. Кстати, больших пиров не устраивают. Мне представляется несколько проблематичным наше вмешательство в эту структуру. Она выполняет определенную роль. Можно, конечно, поставить вопрос об изменении его статуса, об изменении проблематики, которая там рассматривается. Но тут уже мы с вами, НПО, прямо включаемся в то, чем непосредственно занимаются власти – это политический переговорный процесс. (*Шум в зале.*) А весь переговорный процесс идет под эгидой ООН. Стороны рассматривают политические вопросы под эгидой ООН и при посредничестве России.

Зураб Чиаберашвили. Мы можем обратиться непосредственно в ООН.

Манана Гургулия. Не возражаю.

Батал Кобахия. Мне нравится идея постоянно действующей конференции, где все игроки в лице Координационного совета, различных сторон, и в том числе представителей неправительственных организаций, будут независимы. И у каждого будет свое поле, свое пространство, где они будут спокойно и удобно себя чувствовать, и в то же время будет общее пространство, где они играют, соблюдая, разумеется, какие-то правила. Вот эти правила надо бы определить.

С другой стороны, сказать, что сегодня нет никаких взаимоотношений и взаимодействий с Координационным советом и с ООН, было бы неправдой. Они есть, просто они очень сумбурные. Может быть, кому-то это и нужно, чтобы они были сумбурными. По предложению «Алерт» мы обратились с письмом в ООН и попросили их содействия, чтобы независимые эксперты, журналисты или представители от неправительственных организаций были представлены на последней Ялтинской встрече. Это предложение не очень хорошо было принято властями. Но это неважно. Главное, что устроители согласились, и эти люди там присутствовали. Революции от участия представителей НПО, конечно, не произошло, но то, что они там были – это уже положительный факт. Кстати, почему я хочу, чтобы мы были независимыми, и почему мне больше нравится идея работать не в Координационном совете, а в конференции, которая более открыта? На Стамбульской и Афинской встречах уже был прецедент – они проходили на уровне властей и общественности. Я не знаю, может быть, вы там были, но у вас и общественности больше, и НПО, и легче выбирать... *(Шум в зале.)* Из Абхазии там тоже были представители общественности, но реально они не представляли НПО. Хотелось бы избежать такого – чтобы мы выступали в роли статистов. Нам нужно продумать, что мы хотим от этой конференции. Конечно, хорошо было бы, чтобы этому посодействовала ООН. Зураб говорит, что пока что можно было бы делать от нас доклады о нашей деятельности. Это, конечно, мечта властей, чтобы мы приходили к ним с докладами и отчитывались. Но я всегда вспоминаю фразу Грибоедова: «А судьи кто?». Вы меня извините, но иногда я действительно готов пойти в разные властные структуры и рассказать, что я делаю. Зайду, посмотрю и думаю: «А что я буду рассказывать? О чем я буду говорить?». И уйду. Мне кажется, что открытое пространство, большая конференция всегда лучше. Там человек, хочет он того или нет, но должен сказать умно, правильно и вовремя. Когда это происходит в закрытой, темной комнате, он может говорить, как придется. Мы, честно говоря, устали, потому что мы планируем одно, а власти – что-то другое. Мы им что-то говорим, но не имеем обратной связи. Зачем им докладывать просто так? Что докладывать? Пересказывать то, что тут написано? Практически все, что мы тут делаем, опубликовано. Тогда давайте дадим им книгу. Если они

не могут читать, мы можем за них это сделать. Были же раньше у императриц чтицы. Вы готовы на эту роль? Лично я не представляю, что я буду читать им вот эту книжечку.

Нас иногда упрекают в том, что народ мало знает о нашей деятельности, хотя мы все свои дела и впечатления публикуем в «Гражданском обществе», а вот правительственная делегация, вернувшись из Ялты, даже толком не проинформировала людей о результатах. Кроме одного листочка о решениях ялтинской конференции, который нам дали грузины, мы ничего о ней не знаем.

Может быть, мы не так уж много и делаем, но то, что мы делаем, нами представлено достаточно хорошо. Другое дело, что нет обратной связи. Вот мы говорим: «Что такое этот мифический Координационный совет?», хотя все о нем знаем, но не знаем многого из того, что они делают. Правда, Манана сказала, что они ничего не делают, я так понял. *(Смех в зале.)*

Манана Гургулия. Не говорила я этого.

Батал Кобахия. Хорошо, мы это уберем из текста. Просто нам нужно подумать над тем, как сделать так, чтобы мы были действительно независимыми и не стали бы винтиками в этой игре, которая называется Координационным советом, куда мы будем приходить и читать, как школьники. Вот это очень опасно.

Манана Гургулия. Мне хочется выступить в качестве апологета Координационного совета, и я объясню почему. Мне кажется, что мы заразились от власти – власть считает, что только она знает, как принимать решения и какое решение самое хорошее. Сейчас мы, практически, сказали то же самое – да что они там принимают? Но я хочу сказать одно: Координационный совет был создан в ноябре 1997 г. Вспомните, что в мае 1998 г. была шестидневная война, очень жестокая. И Координационный совет очень много сделал для того, чтобы эта война не распространилась на всю территорию. Были приняты очень важные решения.

Я не знаю, какие меры доверия укрепляются на Ялтинской встрече, может, там не каждый день принимаются какие-то кардинальные

решения, но заявление о гарантиях невозобновления военных действий, которое было сделано в Ялте, мне представляется очень серьезным делом, которое мы с вами сделать не можем. Я бы очень этого хотела, но в таком случае нам надо выдвигать наших кандидатов в парламент и в исполнительную власть, куда угодно, хоть в президенты. Я не претендую ни на одно из этих кресел, но...

Просто я была в Тбилиси в мае 1998 г. и знаю, что это был за Координационный совет и какая вообще была ситуация. А в Гали, слава Богу, Батал, ты сам побывал и прекрасно знаешь, что такое шестидневная война.

Абесалом Лепсяя. Я очень рад нашей дискуссии, мне она тоже помогла четче представить многие вещи. Я согласен с Зурабом: нельзя сразу все сделать. Но если подумать, как постепенно, шаг за шагом, приблизиться к этой схеме, мне кажется – это будет плодотворно. Предложение действовать и через ООН мне импонирует. Не знаю, как насчет нашего парламента, тут у меня есть некоторые сомнения, но в Грузии...

Нателла Акаба. Будет новый парламент.

Абесалом Лепсяя. Ну, тогда проблем не будет.

Михаил Мирзиашвили. Вы остановились на очень интересном месте – говорили о Грузии...*(Смех в зале.)*

Абесалом Лепсяя. Там, в Грузии, парламент более активный, более оппозиционный, что ли. Поэтому я думаю, что главное – подумать и попытаться как-то сдвинуть с мертвой точки это нынешнее состояние, попытаться сделать так, чтобы те плодотворные идеи, над которыми мы размышляем здесь, и не только здесь, можно было бы действительно постепенно претворить в жизнь – естественно, то, что возможно, и то, что отвечает нашим интересам.

SUMMARIES

Nodar Sarjveladze. The Basic Needs and Interests of Abkhaz and Georgian Societies (pp. 7-17)

Sarjveladze outlined a theoretical and conceptual approach to studying basic needs and interests. He stressed that it is necessary to make a distinction between classes and different interest groups when discussing these matters. In order to better understand the processes underway in the societies it is necessary to conduct research that will draw out these details from public opinion about the conflict and the interests of all the parties.

The most important needs relate to physical survival and safety. He pointed out that in both societies people do not feel safe either in physical or social terms. As a psychologist, the author especially stressed emotional needs that are not being met, and indicated that this problem is especially acute among the numerous families in which the wife or husband has had to seek employment far away from home. The author also examines the need for identity, and believes that this issue is most acute among the internally displaced who no longer identify as part of Sukhumi, but still do not see themselves as belonging to Tbilisi. Other needs are for information, being in touch with the environment, participating in community life, engaging in recreation, and enjoying a sense of freedom.

Oleg Damenia. The Basic Interests of the Parties in Conflict as a Foundation for a Nonviolent Settlement (pp. 27-36)

Damenia provided an overview of some of the key interests of Abkhazia and Georgia which have not been adequately analyzed. In order to understand these interests it is necessary to clearly identify the strategic goals of both societies.

The author maintains that the strategic goal of both sides is to maintain and reproduce themselves as a social (ethnic and national) entity, and that essentially they are engaged in a struggle to control resources for this purpose. At the same time their basic interest is to maintain socio-cultural identity. Georgia can maintain this identity without Abkhazia, but as experience showed in the 20th century, Abkhazia cannot count on survival if it is part of Georgia.

The Georgian side does not recognize the national interests of the Abkhaz, maintains Damenia. The Georgians have always considered the Abkhaz to be part of Georgia and believe that it was Russia who suggested to the Abkhaz that they become an independent state. Damenia argues that not only the Abkhaz do not consider themselves part of Georgia, but that the Georgians also do not really consider Abkhazia part of Georgia. Evidence of this claim was Georgia's policy of increasing the Georgian population of Abkhazia throughout the 20th century and its armed aggression against Abkhazia in the early 1990s.

Georgians must realize that the Abkhaz regard Georgia as a threat to Abkhaz identity and survival. Georgia has not done anything to allay these fears. It offers the Abkhaz nothing more than cultural autonomy, which is not adequate from the Abkhaz perspective.

It is in Georgia's interests to take into account Abkhazia's interests. First this would help reestablish normal relations. Second, this would deprive Russia of the opportunity to use Abkhazia against Georgia.

The Abkhaz also do not adequately recognize Georgia's interests in Abkhazia, which is the need to guarantee its safety that is threatened by Georgian-Russian confrontation over Abkhazia.

Damenia stressed that he prefers to use the term "settlement" of the conflict rather than "transformation," because it best conveys the essence of the process. However he is not against using the latter term and has done so in past articles (See his article in Volume 5 of this series).

Zurab Chiaberashvili. Abkhazia and Georgia: Statehood and individual Rights (pp. 45-54)

In shaping their states, Georgians and Abkhaz need to choose whether they will give priority to the interests of the individual or the interests of the collective and state. The Abkhaz will probably have to put the interests of the state first. For Georgia the main goal is to build a democratic state that is concerned about the individual citizen. If this kind of state is attractive to the Abkhaz it might resolve the territorial problem.

The Georgian state should be concerned about the internally displaced, including those who have already returned to Abkhaz. It should be concerned about these people as individuals, not as a faceless group. At the same time both Georgians and Abkhaz should see to it that the return of the internally displaced not only does not impede the establishment of the Abkhaz state, but actually helps this process.

Chiaberashvili does not want the reader to regard this view as Georgian neo-imperialism. He reminds the reader that he has warned against imperialistic leanings among Georgian democrats. He feels that the main challenge of the Georgian public today is to get used to the idea that they have lost Abkhazia forever.

The author does not agree with his Georgian colleagues who propose the unitary Belgian multiethnic state as a model for the future coexistence of Abkhaz and Georgians. Instead he advocates a federation in which the subjects enjoy broad rights.

The Abkhaz often tell the Georgians that an exclusively pro-Western orientation is unrealistic because it does not take into account Russia's interests. Responding to this the author reminds the Abkhaz that an exclusively pro-Russian orientation is also unrealistic. If Abkhazia remains in Russia's sphere of influence it will be hard to develop any understanding with Georgia whose state institutions and value system will differ too greatly from that of Abkhazia.

Chiaberashvili makes the following proposals:

1. It is necessary to have Abkhaz representation in all major international projects, such as TRACEA and oil pipeline initiatives.

2. It would be useful for Abkhazia to join the Congress of Local and Regional Authorities of Europe. It has not done so because it fears this would lower its status – regions can participate in the Congress only as integral parts of the states that have jurisdiction over them. (Autonomous Ajaria and non-autonomous Imeretia participate from Georgia.) As participants in this organization, the Abkhaz would have a platform to speak to the international community and would gain experience working in international organizations.

Natella Akaba. From a Conflict of Interests to Cooperation (pp. 90-102)

The primary and common interest of Abkhazia, Georgia and Russia is safety.

The only guarantee of Abkhazia's safety is Russia. The experience of the Georgian-Abkazi war of 1992-93 and the persistent terrorist activity of Georgian groups in Gal and Gulripsh, with tendencies to spread into the Ochamchir and Tkvarchali districts, shows the Abkhaz that the only way to guarantee the Abkhaz and Russian-speaking population stability and safety is the presence of the Russian military in the region.

The Abkhaz realize that such dependence on Russia is a high price to pay, but as long as Western diplomats take an obvious pro-Georgian stance Abkhazia has no alternative. This is true especially since it cannot count on Western investments. Abkhazia cannot rely on NATO either. Public statements made by Georgian politicians about the expediency of using NATO force in Abkhazia, similar to that used in Bosnia and Kosovo, have not helped to increase pro-Western sentiments among the Abkhaz.

The most important Georgian interests today are political stability and economic improvement (especially the struggle against corruption), without which it is impossible to carry out any major international projects. The problem of the internally displaced, which is also a critical issue for Georgia, is related to the problem of political stability.

One of the potential sources of political instability in Georgia is the Pankisi Gorge which has attracted Chechen refugees. The presence of these refugees has already caused conflict with Moscow. Moscow is also increasingly concerned about Georgia's integration in European and transatlantic structures.

It is in Georgia's interests for ethnic Georgians in Abkhazia to feel like equal citizens. This will be possible when Abkhazia has a law-governed state with democratic institutions and a strong civil society. Georgia impedes the normalization of political life in Abkhazia with its sanctions, threats and encouragement of terrorist acts in Abkhazia. This works against Georgia's own interests.

It is in Abkhazia's interests for Georgians on its territory to feel like equal citizens. This will deprive Tbilisi of its main argument against Abkhazia's independence.

Georgy Anchabadze. The Basic Interests of Abkhazia and Georgia: Steps toward Confidence Building (pp. 138-143)

In the foreseeable future it is unlikely that our problems will be solved. But even in the absence of a stable peace, in a period of transition we should do everything

possible to ease the difficulties of the people who have become hostages to this conflict, both those who live in the conflict zone and the internally displaced.

So far hydroelectric power is commonly recognized as the area in which both sides share basic interests. The Inguri hydroelectric power plant has not ceased to operate even though it is situated partially on the territory of Abkhazia (in the Gali District) and partially in the adjacent area of Abkhazia in Western Georgia. This is because both Georgia and Abkhazia would suffer greatly without this power, and therefore both sides cooperate to keep the plant functioning.

However, in a transitional period we can find other shared interests of Georgia and Abkhazia. For instance, both sides have an interest in developing bilateral trade and economic relations. Such relations already exist, but they are controlled by mafia structures. It should be possible to legalize these relations in order to help people survive these difficult times. Legalization of economic relations can provide revenues to the state and would to some extent reduce crime and corruption.

Other measures that could help reduce tensions and build trust are the lifting of sanctions on Abkhazia's border with Russia and permitting the internally displaced to visit the graves of their relatives in Abkhazia at least once a year.

David Berdzenishvili. Opening Abkhazia: a Joint Venture (pp. 175-185)

In Abkhazia state enterprises have not yet been privatized. However, some forms of capitalist relations exist there semi-legally, as they did under Soviet government. It is necessary to legalize these relations and to help legalize relations between Abkhaz and Georgian businesses. This would ensure that large sections of the population in Georgia and Abkhazia would have an economic interest in ties that would end Abkhazia's isolation.

At the author's request a group of young Georgian lawyers and economists developed draft legislation on the creation of an Abkhaz-Georgian shipping company. The draft bill proposes the restoration of transportation and communication infrastructures in Abkhazia. (According to the Budget Office of the Georgian Parliament, this whole infrastructure was destroyed by military action and the economic sanctions.) Since this infrastructure is intact in Georgia, it would not take large expenditures to include it in a joint network.

The goal of such a project would be to create a joint Georgian-Abkhaz shipping business in which Abkhazia and Georgia would each have a 50% share. The joint stock company would have a monopoly on shipping goods on Abkhaz territory by rail, air, sea, and truck from and to other countries and in transit to Georgia through Abkhazia.

The company would have to be sponsored by international organizations willing to finance the project. The loans necessary to start up such a company could be paid back within 10-12 years if shipments increase and political and social stability can be maintained.

The authors of this project realize that the commercial risks are high. But they believe that registering such a company would set a precedent for legalizing Abkhaz economic structures in Georgia and in other countries. The Georgian state could begin negotiations with other countries, including Russia, about pursuing joint Georgian-Abkhaz interests on their territories.

It is also necessary to facilitate the exchange of information between Abkhazia and Georgia, using the latest technology, including the Internet and cellular phones. This would also promote economic cooperation.

The author hopes that in establishing their state the Abkhaz will take into account the interests of all ethnic groups residing in Abkhazia, including Georgians.

In discussing the issue of the internally displaced, the author pointed out that in Georgia they still lack basic civil rights. They cannot vote in elections, and in the Georgian parliament their representatives are still the same people who were elected under the government of Zviad Gamsakhurdia. These representatives do not take into account the opinions or needs of the internally displaced.

Abesalom Lepsaya. The Situation Warrants Action (pp. 213-219)

The author presented some ideas for developing an ongoing mechanism for dialogue at the official and unofficial levels. In order to more effectively seek solutions jointly he suggests that participants understand two important points.

1. It is necessary to realize the importance of legitimizing achievements. In Abkhazia and Georgia it seems to be sufficient to the people that they recognize their own achievements. They do not feel the need to seal them officially and create official structures and mechanism. For instance, the Abkhaz are satisfied with having their own armed forces and do not care whether they have official, legitimate status.
2. Some Georgian participants say that the Georgians would look more favorably upon Abkhaz demands if Abkhazia would not be so unequivocally pro-Russian. It is necessary to take a more balanced position.

We have already developed intellectual forums that generate ideas through the conferences sponsored by the University of California and through other meetings, including the Schlaining process. These have been very fruitful efforts. The time has come to establish a mechanism for making and implementing decisions. The Coordinating Council which functions at the government level has not accomplished a lot in this respect.

Lepsaya proposes establishing a permanent conference, perhaps under the auspices of the Coordinating Council, that would be more inclusive and involve representatives of the nongovernmental sector and opposition movements. This is a realistic but complicated task, especially if the confrontation hardens between the authorities and their opposition movements.